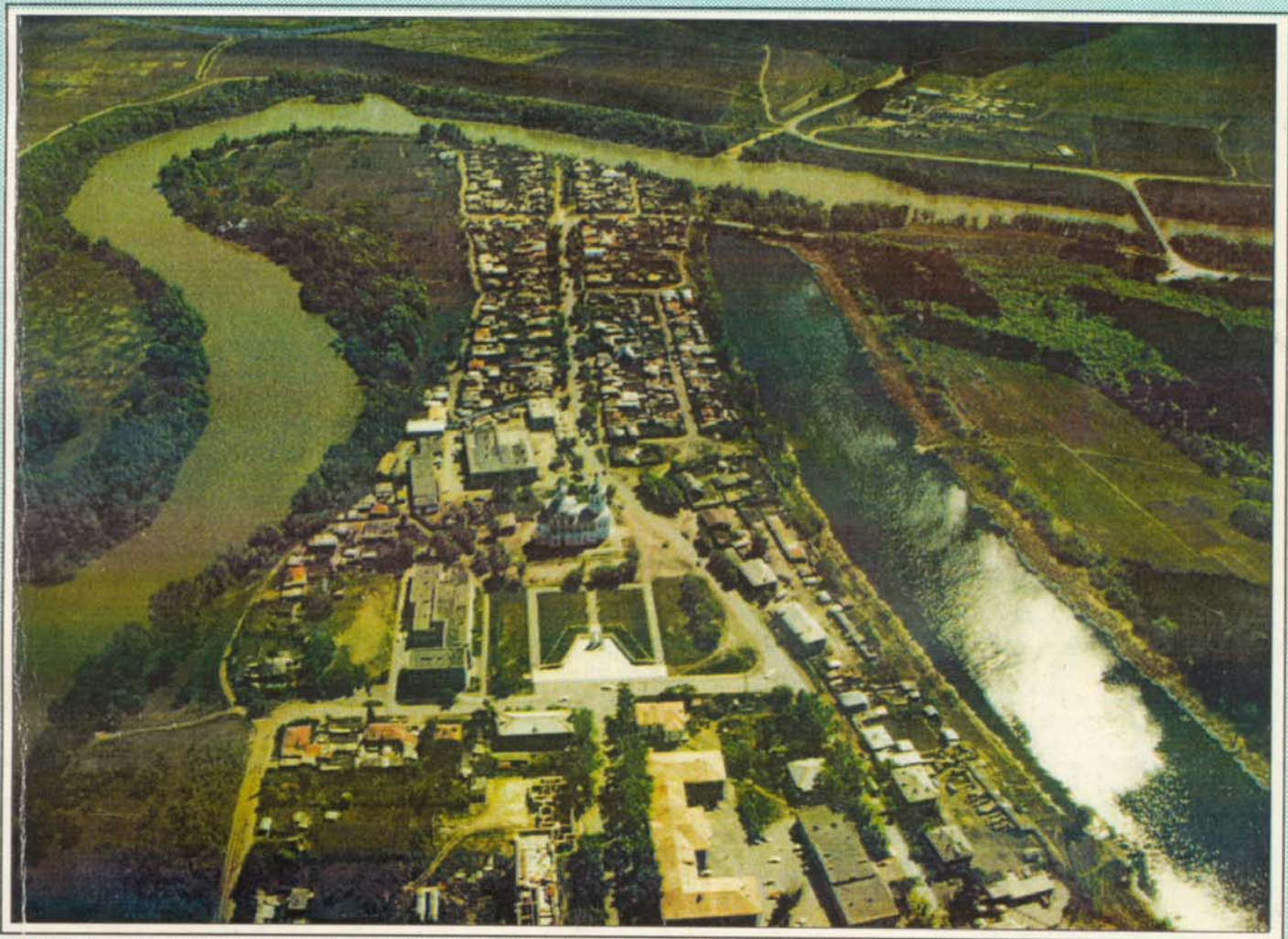

Коркина слобода

Краеведческий альманах

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 1 - 1999
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru*

**Выпуск
первый**

Ишим - 1999 г.

МУЗЕЙ ПРИГЛАШАЕТ НА ВЫСТАВКИ

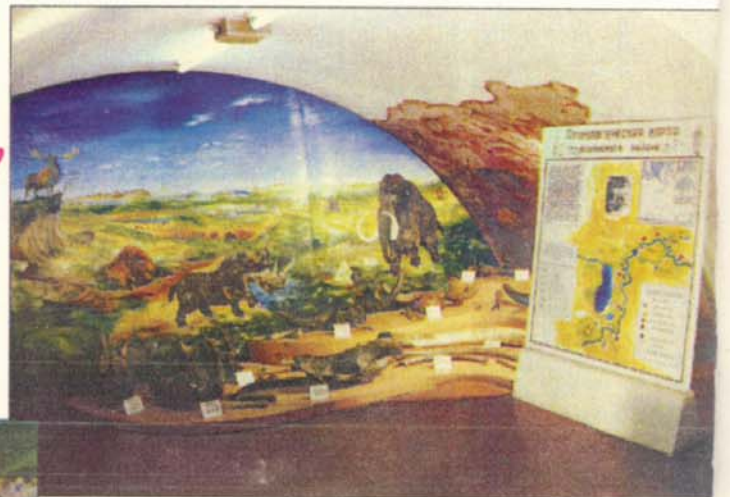
Музей "Городская управа"

Музей "Черняковская школа"

"Наш край в древности"

"Лесная поляна"

"Никольская ярмарка"

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина слобода

Историко-краеведческий альманах

Выпуск первый

Ишим - 1999

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 1 - 1999
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru*

ББК 63.3 (253.3)

К 66

УДК 908.571.12

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Редакционная коллегия: Т.П.Савченкова (главный редактор)
Л.В.Фролов
Н.Л.Проскуракова

Рецензент: доктор исторических наук, профессор
В.Г.Истомин

К 66

Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. - Ишим: изд-во ИГПИ им.П.П.Ершова, 1999. - 92 с.

Первый в истории Ишима краеведческий альманах “Коркина слобода” содержит ранее неизвестные факты и сведения о разных сторонах культуры Ишима и сел юга Западной Сибири. Статьи, вошедшие в разделы “Лики прошлого”, “Музей провинциальный”, “Журналы и газеты лет минувших”, “Пытливый посох странника” и т.д., представляют несомненный интерес для краеведов-любителей и музейных работников, преподавателей и студентов, учителей и школьников. Хочется надеяться, что данное издание будет способствовать объединению всех научных и краеведческих сил нашего региона.

ISBN 5-900142-50-7

© ИГПИ им.П.П.Ершова, 1999

Составители альманаха “Коркина слобода” выражают благодарность за помощь в подготовке первого выпуска сборника

В.А.Рейну

В.Б.Белоусову

Н.П.Кузовковой

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках первый в истории Ишима краеведческий альманах “Коркина слобода”, в котором, как мы надеемся, каждый из вас найдет немало интересного. В это название, помимо его прямого смысла (Коркина слобода - будущий город Ишим), мы вложили и подспудный смысл: Коркина слобода как некая точка отсчета истории русского сибирского города, превратившегося за три столетия из форпоста в одно из “культурных гнезд” юга Западной Сибири. В названии этом - отзвук времен минувших, который мы пытаемся различить в шуме дней сегодняшних.

Несколько слов о “географии” нашего издания. Мы хотим донести до вас многообразие и уникальность исторических и культурных процессов, имевших место на достаточно ограниченном пространстве, имя которому - Ишимский край. Но пространство это одновременно и немалое. Чтобы убедиться в этом, взгляните на старинную карту Ишимского уезда. Перед вами почти целое “государство”: город Ишим с его окрестностями, а также обширная территория в пределах современных Тюменской, Курганской, Омской и Северо-Казахстанской областей. Поэтому в альманахе будут публиковаться материалы не только городских краеведов, но и работы исследователей из Ишимского и других наших районов, а также ближайших соседей - представителей городов Тюменской и Омской областей, связанных с Ишимом историческими, экономическими и культурными узами.

Работая над первым номером “Коркиной слободы”, мы испытывали чувство гордости за нашу малую родину, за ее богатую славными событиями историю и выдающееся культурное наследие. Можно назвать это также и осознанием некоей абсолютной самоценности нашего прошлого, его особой значимости и важности для Государства Российского. Мы - Ишим и ишимский край - всего лишь струя в мощном потоке бытия Великой державы - но струя яркая, самобытная и во многом неповторимая!

Считаем одной из главных задач альманаха “Коркина слобода” публикацию новых сведений по истории и культуре ишимского края, открытие для вас, дорогие читатели, неизвестных и малоизвестных страниц в этой поистине неисчерпаемой сфере. Другая наша задача - показать разнообразие и глубину наследия минувшей эпохи, возвышенность, накал, а порой - и трагизм истории ишимской земли, ее течение и ход в сложном переплетении событий, личностей, судеб. Что же касается ишимского культурного наследия, то это в значительной степени terra incognita. Духовные богатства края еще только начинают исследоваться, и каждый шаг здесь сулит новые неожиданные открытия.

Провинциальная архитектура, литературоведение, этнография - это лишь малая часть всех проявлений культуры, осознание ценности которой еще впереди. Надеемся, что альманах поможет вам увидеть незнакомое и прекрасное в знакомом и обыденном, даст возможность почувствовать уникальность ишимского “культурного слоя”, научить чувствовать с краем “внутреннее сродство” и видеть его вновь и вновь во всем богатстве и разнообразии.

В альманахе “Коркина слобода” определены основные рубрики. Прежде всего, это краеведение - в самых разных аспектах (историческое, литературное, лингвистическое, культурологическое). Предполагается публикация редких архивных материалов и страниц старой печати. Намерены также обратиться к мемуарам наших земляков. Найдут свое место в альманахе и материалы о научно-исследовательских экспедициях по родному краю. Будет уделено внимание работе местных музеев.

Диапазон статей в альманахе представляется достаточно широким - от научных работ и изысканий - до воспоминаний о событиях семейной истории. Среди авторов нашего альманаха - маститые ученые и еще только вступающие на краеведческую стезю студенты, преподаватели института и учителя городских и сель-

ских школ, местные краеведы и ишимская “диаспора”, живущая в больших городах и столицах, но с уважением и любовью относящаяся к своей малой родине.

Альманах адресован читателям разным: по роду занятий, возрасту и политическим убеждениям, но при этом одинаково интересующимся отечественной историей и национальной культурой.

Альманах “Коркина слобода” имеет научно-популярный характер, поэтому мы решили допустить сокращение справочно-библиографического материала и использовать минимум ссылок на литературу, выбирая из нее только самое необходимое.

Редакция.

НАПУТСТВЕННОЕ

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

Мы заслуженно гордимся историей и действительностью своего замечательного города и края. С детства приишимские степи с “незабудками озер” и “белотельными” березовыми перелесками становятся частью нашей души. Любовь к малому Отечеству тогда приносит свои плоды, когда она соединена с желанием познать его, понять и принять. Создатели альманаха “Коркина слобода” сделали еще один важный шаг на пути познания своей малой родины. Надеюсь, этот шаг первый, но не последний. Думаю, что альманах перерастет в любимое ишимцами, и не только ишимцами, периодическое издание, на страницах которого мы сможем встретиться с учеными-краеведами, представителями приишимской интеллигенции, интересными жителями нашего края, открыть для себя историю и культуру нашего края, во многом нам малознакомую.

Культурная жизнь нашего города, особенно в последние годы, становится все более оживленной и насыщенной. Отрадно отметить, что город становится центром, который может объединить “духовные поля” краеведов, историков, архивистов, культурологов юга Тюменской области, что искра любви к Отечеству не только теплится в нас, а горит ровным незатухающим огнем.

В наше время, которое начинается на “без” (безработица, беззарплата, бездуховность) настоящим спасением, основой веры в будущее является наследие наших предков, завещанная ими культура. Русский мыслитель В.Розанов, словно обращаясь к нам, писал: “Счастливую и великую Родину любить - не велика вещь. Мы должны любить ее именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец порочна...” В это многотрудное время, дорогие земляки, свое слово в воспитании чувства любви к малой родине, к своему Отечеству должен произнести каждый, потому что, как сказал академик Д.С.Львов, “только духовные начала способны возбудить энергию масс, обратить ее на созидательный труд, внести решительный перелом в трагичный ход событий”. Именно любовь к родине, маленькой, но единственной, призвана повернуть сознание граждан в сторону созидания.

Присоединяйтесь к нам!

В.А.РЕЙН,
мэр города Ишима.

Более шестидесяти лет назад один из представителей блестящей плеяды краеведов - Н.П.Анциферов утверждал, что от судьбы краеведческого движения зависит многое и в судьбе нашей культуры. Слова эти не только не утратили своей актуальности, но и приобрели новое звучание сегодня, в конце XX столетия, когда наступает возвращение краеведения.

“Родиноведение”, “краеведение”, “региональный компонент” - это всегда “кра-

елюбие”, заниматься которым можно только по велению души, по зову сердца. Интерес к истории, культуре родного края - вчерашней, сегодняшней, завтрашней - признак неравнодушного человека, настоящего патриота, гражданина, в котором так нуждается сегодня Россия. Родная история действует не только на ум, а, прежде всего, на душу, поэтому так важно изучать и знать ее молодому поколению. В памятном всем стихотворении о двух чувствах, близких нам, - любви к отеческим гробам и к родному пепелищу - Пушкин выделил как главное: “...в них обретает сердце пищу”. Профессиональное краеведение всегда подвижничество, духовный подвиг человека, любящего свою малую родину и не стесняющегося своей любви. По определению академика Д.С.Лихачева, краеведение - “самый массовый вид науки”, который воспитывает уважение к нашим истокам, к родной земле, народу, его преданиям.

Краеведение уравнивает в правах большую историю государств и народов и малую, но близкую и необходимую каждому из нас историю твоего города, поселка, деревни, знакомых с детства фамилий.

Отрадно, что в новом альманахе его издатели планируют представлять читателям не безликое изложение фактов, а нашу живую историю и современность.

На страницах альманаха будут представлены и хорошо знакомые по журнальным и газетным статьям, книгам и монографиям маститые ученые-краеведы, и малоизвестные ранее энтузиасты, стараниями которых создавались музеи, издавались книги и статьи об Ишиме и Приишимье, сохранялись многие памятники культуры и истории.

Хочу надеяться, что появление нового краеведческого альманаха “Коркина слобода” станет примечательным событием в культурной жизни города Ишима, юга Тюменской области. Буду верить, что альманах войдет в ишимскую семью и станет спутником горожанина и селянина, взрослого и школьника.

В.Б.БЕЛОУСОВ,

директор департамента по культуре, спорту и молодежной политике.

Большая часть моей жизни прошла в Омске, но я по-прежнему называю себя ишимцем и поддерживаю с родным городом крепкие связи. Здесь я начинал учебу, обзаводился друзьями, получал навыки общения с людьми. Более сорока лет бываю в столичных и других крупных университетских городах России докладчиком на научных конференциях, официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций по истории.

И повсюду - на официальных встречах, в частных беседах - так говорю о своей малой родине: речку Ишим ни на карте, ни на глобусе волосинкой не закроешь. А город Ишим на карте маковым зерном не заслонишь. Потому что невелик городок, да знатен!

И действительно, на юге Западной Сибири первой колыбелью земледелия с семнадцатого века стало Тоболо-Ишимское междуречье. А хлебной столицей этого благодатного края - город Ишим. Великий сказочник Ершов, родившийся близ Ишима, именно это, возможно, имел в виду, когда писал:

*Братья сеяли пшеницу,
Да возили в град-столицу.
Знать, столица та была
Недалече от села.*

Город Ишим светел своей историей, своей особой ролью в освоении земледельческого юга Сибири, долгое время он являлся уездным, а затем окружным центром обширного края. Весомым было культурное значение города для этого региона. Ишим имел ряд специальных средних учебных заведений, краеведческий музей. Здесь издавались книги по истории Ишимского края, выходила газета “Серп и молот” и сатирический журнал “Медведь”.

В свое время в области культуры город Ишим имел значительное влияние на Приишимье окружным музеем, драматическим театром, а в настоящее время и педагогическим институтом. Несомненно, что вновь воссозданный Ишимский краеведческий музей станет играть роль научно-исследовательского центра Тюменского Приишимья.

В связи с этим возникает задача углубленного изучения и даже переосмысления некоторых важных моментов истории края. Поэтому первый выпуск альманаха “Коркина слобода” представляется более чем своевременным и актуальным. В добрый путь!

М.Е.БУДАРИН,

доктор исторических наук, профессор Омского педагогического университета,
член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, уроженец
города Ишима.

К статье В.Е.Копылова
"О первых радиолюбителях Ишима".
Н.П.Хрулев. Фото из семейного архива.

К статье Т.П.Савченковой
"Прасковья Луполова:
реальность и художественный
вымысел".
**Обложка лубочной книги
"Параша Сибирячка". -
М: Тип. Т-ва И.Д.Сытина, 1915.**

К статье Г.А.Крамора
"Первый ишимский му-
зей".

**Здание краеведческо-
го музея на улице
Ленина (не сохрани-
лось).**

К статье Ю.А.Дворяшина
"Сатирический журнал
"Медведь".

**Обложка журнала
"Медведь".**

К очерку Н.И.Палопеженце-
ва "На родине автора "Конь-
ка-Горбунка".

**Церковь во имя Петра
Столпника в селе Безру-
ковом.**

К статье Л.В.Фролова "На восток от Ишима".

В Кош-Карагае.

Боровская церковь Казанской Божьей Матери.

К статье Г.Н.Папулова "Записки провинциального интеллигента".
Г.Н.Папулов.

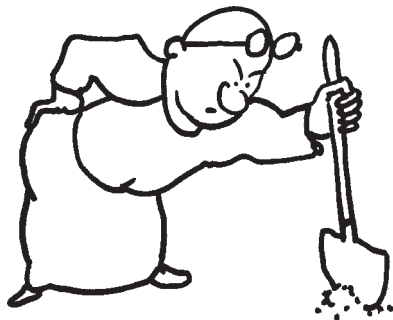
К статье В.Н.Меньщикова "Педагог и краевед Я.О.Бирюков".
Я.О.Бирюков.

Ишим начала XX века. Почтовая открытка.

Ишим начала XX века. Почтовая открытка.

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

Рубрика “История и краеведение Приишимья” представляется нам одной из основополагающих частей альманаха. Несмотря на то, что наш край изучается разными исследователями уже более 100 лет, эта тема и по сей день видится неисчерпаемой. Каждый день приносит новые сведения исторического, географического, этнографического характера, так или иначе связанные с родным Приишимьем.

Вот и сейчас мы предлагаем Вашему вниманию статью тюменского профессора В.Е.Копылова, посвященную становлению радио-и-телевещания в нашем городе. С Виктором Ефимовичем нам довелось познакомиться в его “владениях” - в стенах созданного им же “Музея техники” при Тюменском нефтегазовом университете. Здесь среди старинных радиоприемников и коллекций минералов мы увидели человека глубоко эрудированного, знающего и любящего историю Тюменской области в ее не совсем обычном аспекте - инженерно-техническом. По просьбе редакции В.Е.Копылов предоставил нижепубликуемый материал, в котором особое место занимает рассказ о замечательном ишимце, выдающемся изобретателе Н.П.Хрулеве.

... Поднявшись над городом на самолете, или даже просто взглянув на географическую карту, можно воочию убедиться, как причудливо изгибает свое русло река Ишим и сопровождающие ее озера-старичицы, разбросанные по обширной Ишимской долине. Рассказы о том, как течение реки было изменено руками наших предков около 150 лет назад, бытовали до сих пор на уровне “краеведческой легенды”, хотя на старинных картах обозначены и “знаменитое” озеро Синкино и Киселевский мыс-полуостров.

Сотрудник ИГПИ Г.П.Кузурманов на основании анализа картографического материала и собственных наблюдений разработал, на наш взгляд, очень стройную и убедительную версию о сооружении “Синкинского канала”, изменившего ландшафт.

Ишимский краевед, учитель В.Н.Меньщиков рассказывает нам о жизни Я.О.Бирюкова, сыгравшего заметную роль в развитии народного образования в нашем городе в период, предшествовавший революционным потрясениям. Судьба педагога Я.О.Бирюкова в известной степени является характерной для представителей провинциальной интеллигенции начала XX века.

Работник краеведческого музея г.Ишима Н.Л.Проскурякова рассматривает никому неизвестные документы истории крестьянского восстания 1921 г., помогающие раскрыть тайну судьбы и личности одного из предводителей крестьянства - Петра Семеновича Шевченко.

О первых радиолюбителях Ишима

Радиолюбительское творчество в истории России после 1917 года по ряду специфических причин, главным образом из-за монополии тоталитарного государства на средства радиосообщения, носило особый оттенок, совершенно отличный от практики зарубежных стран. Достаточно вспомнить, например, что массовое использование радиоприемных устройств было разрешено населению страны 28 июля 1924 года постановлением СНК “О частных приемных радиостанциях”, без спешки опубликованном в “Известиях” только 9 сентября.

Это событие дало необыкновенный всплеск радиолюбительскому движению, в России появилось Общество Друзей Радио (ОДР). Почти вслед за постановлением с октября 1924 года стали выходить популярные журналы, целиком посвященные тематике и проблемам радиолюбительства, включая самый первый из них “Хочу все знать”. Тогда же начали триумфальное шествие по стране журналы “Радиолюбитель”, “Радио”, “Радио - всем” и, несколько позже, “Радиофронт” (Москва), “Друг радио” (Ленинград), “Радио для всех” (Киев), “Радіо” (Харьков), “ДВС” (“Делай все сам”, Свердловск) и др. Стали выходить газеты “Радио в деревне”, “Новости радио”, листки “Радиокопейка”. Подключились к пропаганде радио и окружные тюменские газеты “Трудовой набат” и “Красное Знамя”. Первая такая заметка в газете датируется 7 дек. 1924 года (“Радиолюбительство”). Позже в 1926-28 годах публиковались статьи о работе радиозаводов с фотографиями радиоизделий, снимки фототелеграфов для передачи изображения по радио и проводам изобретателей Шорина и Чернышова, печатались сведения о работе и съездах окружных ОДР, о состоянии радиофикации. “Красное Знамя” в ноябре 1928 года ввела на своих страницах еженедельную рубрику “О радио: теория и практика”. Словом, любознательная часть населения была вполне подготовлена к восприятию необычной технической новинки.

На первых порах главное назначение многочисленных публикаций в газетах и журналах сводилось к описанию всевозможной “самодельщины”, заменяющей все, что отсутствовало в магазинах: антенн, катушек, детекторов, “мегомов”, переменных конденсаторов, телефонов и мн.др. Впрочем, проблему дефицита телефонов радиолюбители решили чисто по-русски: все телефонные будки в Москве и в других городах почти моментально остались без трубок, срезанных предприимчивыми дельцами для сбыта их любителям радио. С того “благословенного” времени трубки телефонных автоматов по сию пору, как когда-то жестяные кружки у бачков с питьевой водой, навешиваются только вместе с цепью...

Кроме того, поток журнально-газетной информации совершил в радиолюбительском сознании переворот, в некоторой степени неожиданный даже для редакций журналов. Если раньше приемная радиостанция казалась необычайно таинственным, сложным и недоступным сооружением, то радиолюбители предельно упростили это представление. Как итог: радио не только проникло в самую глубинку России почти одновременно со столицей, но и благодаря высокоталантливым упрощениям конструкций и “золотым” рукам исполнителей стало почти независимым от материального положения радиолюбителя, особенно в сельской местности.

Любители радио энергично проявили себя и в нашем крае, в том числе - в Ишиме, где уже в 1925 году, вслед за Тюменью, заработал радиокружок. Организаторы кружка, имена которых, к сожалению, пока неизвестны, благодаря содействию местных властей сумели закупить аппаратуру фабричного изготовления типа “Радиолины”. С ее помощью члены кружка пропагандировали в городе и районе достижения радиотехники, вовлекали в радиодело молодежь, вели агитационную и разъяснительную работу. Спустя три года в Ишиме возникла ячейка ОДР, стала

налаживаться торговля радиодеталями. По лотерейным билетам ОДР счастливики выигрывали простейшие приемники.

Если в 1926 году кружок ишимских радиолюбителей насчитывал 170 человек, то два года спустя ОДР объединяло в Ишимском округе уже 1512 человек, 11 ячеек и 7 кружков радиолюбителей. В округе действовало 26 радиоустановок, в том числе 16 у крестьян. Среди горожан, в основном служащих, насчитывалось 9 индивидуальных приемников. В селе их не было. Бедность радиоаппаратуры в продаже, ее мизерное количество в частных руках становились мощным стимулом в развитии радиолубительства.

В начале 30-х годов в орбиту своих интересов радиолюбители включили мало-строчное телевидение, основанное на механической развертке изображения с помощью диска Нипкова или зеркального винта Околиксани. В Тюмени первые удачные телевизионные опыты на простейшем самодельном телевизоре принадлежат заведующему тюменским городским радиоузлом К.В.Тельнину (1935 год). В Тобольске аналогичного успеха несколько позже добился Л.Дымко. Они принимали на средних волнах передачи из Москвы, Томска и Новосибирска. В те же годы в Ленинграде на самодельный телевизор с зеркальным винтом не без успеха экспериментировал юный А.Н.Ушаков (род. в 1922 г.), позже, после войны и службы в армии, перебравшийся в Ишим. Спустя десятилетия он первым в Ишиме наладит прием дальних телецентров, положив начало ишимскому телевизионному приему.

Как нетрудно заметить, во всех перечисленных примерах инициатива на местах шла не от властей, а от частных лиц, не желающих отставать от мирового уровня радио- и телевизионной техники. Аналогичная ситуация возникла и позднее, когда в предвоенные и послевоенные годы в стране стало развиваться высококачественное электронное телевидение. По мнению руководства страны, население страны в идеологическом отношении не было подготовлено к широкоэвещательному телевидению. Поскольку демонстрация отставания в телевизионных делах создавала малопривлекательный образ России для зарубежных стран, было решено построить передающие телецентры пока в трех крупных городах: в Москве, Ленинграде и Киеве. В других местах под предлогом нехватки средств строительство телецентров откладывалось на неопределенное время.

Вот тогда-то провинциальные радиолюбители в очередной раз проявили дерзкую инициативу, задумав построить телецентры своими силами и без участия государства. А чтобы обойти идеологические и административные запреты, эти телецентры стали уклончиво называть “учебными”, в других городах - “малыми” или “любительскими”. Впервые такой телецентр появился в Харькове в 1949 году, затем в Томске и Свердловске (1951-1952 гг.), а также у наших соседей в Омске (1954). Глядя на них, серьезно задумались и радиолюбители Ишима.

Наибольших успехов на этом поприще добились старейшие, еще с довоенным стажем, радиолюбители Николай Петрович Хрулев (1915-1993), и уже упомянутый Алексей Николаевич Ушаков, с 1977 года проживающий в Тюмени. Недавно он побывал в гостях в Тюменском нефтегазовом университете в Музее истории науки и техники Зауралья, научное руководство которого ведется мною с 1983 года.

Обстоятельная беседа позволила выяснить и уточнить многие детали истории ишимского телевидения. Еще в Ленинграде Ушаков - радиолубитель со школьной скамьи, приобрел специальный электромотор фабричного изготовления для своего телевизора с зеркальным винтом. Перед войной телевизионные опыты пришлось прекратить из-за призыва в армию. Затем война, фронт, а в середине 40-х годов - переезд с супругой в Ишим. Предварительно из Ленинграда удалось привезти все свое радиолубительское хозяйство, включая и телевизор с зеркальным винтом. Жили в частном доме, теперь снесенном, у тестя. Здесь-то и начались в Ишиме самые первые опыты телевизионного приема.

В январе 1955 года в Омске вступил в строй действующих любительский теле-

центр. А.Н.Ушаков, работавший на заводе “Ишимсельмаш” начальником цеха, год спустя оказался в командировке в Омске. В одном из магазинов города он с удивлением увидел в продаже телевизор “Рекорд” Воронежского завода. Узнав о причине его появления в городе и работающем телецентре, на свой страх и риск купил диковинный аппарат и привез его в Ишим. Из радиолобительских журналов тех лет Алексей Николаевич знал о дальнем приеме телевизионных сигналов на расстоянии свыше 300 километров. На этой основе и родилось спонтанное решение о покупке телевизора с надеждой почти на чудо: попытаться принять сигналы омского телецентра, удаленного от Ишима почти на три сотни километров (288).

Смелая затея радиолобителя заинтересовала директора завода. Он помог соорудить из уголка поворотную вышку высотой 17 метров с двухэтажной рамочной антенной. Был сконструирован двухканальный четырехламповый антенный усилитель, настроенный на омский телецентр. Точную наладку усилителя по приборам удалось провести, пользуясь давними связями, в радиоклубе Ленинграда. К сожалению, из Омска удавалось принимать только случайные сигналы. И все же это были первые в Ишиме картинки на телевизионном экране! Их видели семья директора, соседи по дому. Однажды очередной телесеанс посетил товарищ по увлечению Н.П.Хрулев. С той памятной середины 50-х годов Алексей Николаевич стал пионером телевизионного приема в Ишиме.

Как-то поворачивая антенну, А.Н.Ушаков наткнулся на опытную передачу Петропавловского телецентра, удаленного по прямой на 150 километров, что вдвое ближе, чем до Омска. Изображение имело вполне удовлетворительное качество. С тех пор просмотр телепередач в доме Ушаковых стал регулярным. О настойчивых опытах радиолобителей узнало городское руководство и высказало мысль о желательности расширения эксперимента на весь Ишим. Но на каком техническом решении, посильном городу, следовало остановиться?

На этом этапе истории телевидения в Ишиме решающую роль сыграл киномеханик железнодорожного клуба Н.П.Хрулев. Еще в 10-летнем возрасте в середине 20-х годов он построил в Ишиме свой первый детекторный приемник, впервые удивив земляков принятой передачей из Москвы. В 1930 году закончил семилетку, руководил радиокружком, увлекся короткими волнами, связавшими его со всем миром, перед войной стал пионером механической звукозаписи в Ишиме. Добавьте к этому увлечение фотографией, кино- и автоделом, участие в художественной самодеятельности. Он же - музыкант, художник, инициатор и исполнитель оформления зеленых, цветочных насаждений и фонтана на вокзальной площади. Таким был Н.П.Хрулев.

В моем архиве хранятся его воспоминания, переданные мне вдовой Г.А.Хрулевой. Как писал Николай Петрович, с телевидением он впервые столкнулся в Риге, где оказался в гостях у родственников. Там в начале 1954 года завершалось строительство любительского телецентра. Просмотр опытного показа на экране телевизора был настолько впечатляющим, что Хрулев по возвращении в Ишим решил построить в городе свой любительский телецентр. На поиск необходимых радиодеталей, специальной литературы, на обработку общественного мнения и сколачивания группы энтузиастов-единомышленников из местных радиолобителей, на сбор добровольных средств (300 тыс. руб.) ушло три года. Несмотря на поддержку местных властей, что в те годы (1957-58) требовало немалой смелости, разрешение из Москвы на постройку городского телецентра получено не было. Самое большее, на что можно было надеяться в соответствие с рекомендацией московского радиоуправления Минсвязи РСФСР, это строить ретранслятор. После официального отказа городские власти охладели к идее строительства собственного телецентра. Тогда Хрулев решил самостоятельно сконструировать приемную телевизионную установку, настроенную на Петропавловск, с гарантированным качеством приема. В “авантюру” Хрулева в городе мало кто верил. Может быть по

этой причине от местных предприятий он не получил даже символической финансовой помощи.

Зимой 1960 года во дворе частного дома Хрулевых по улице Путиловской выросла 57-метровая телевизионная мачта со сложной двухэтажной приемной антенной и с усилительной приставкой. Материал для вышки собирали из металлолома, сварку Хрулев делал своими руками, а подъем громоздкой махины-мачты, установку фундамента и расчалонок помог осуществить начальник отделения железной дороги Н.Г.Глотов. Он выделил также группу рабочих с восстановительного поезда и железнодорожной станции. Спустя годы Н.П.Хрулев вспоминал: “Это была каторжная работа в одиночку, без единого дня отдыха на протяжении целого года”. И вот на экране телевизора “Темп-3” появилась долгожданная контрастная заставка далекого петропавловского телецентра. В отдельные дни принимались Ташкент, Москва и даже один из японских телецентров! Посрамив скептиков, Хрулев побывал в Петропавловске, поделился там своим опытом дальнего телевизионного приема, и добился разрешения на строительство ретранслятора. Вскоре в ноябре 1962 года он был построен на одной из сопкок Сеницынского бора.

После первого удачного опыта приема тут же на лесной поляне создатели необычного сооружения разожгли костер, плясали вокруг него и восторженно качали Хрулева: “Все, Петрович, ура!!!”. Не менее значимым был и другой итог свершившегося: их признали. Ассортимент Ишимторга пополнился телевизорами, и впервые многие ишимцы увидели на домашнем экране праздничный парад на Красной площади в Москве. Попутно заметив, что жители соседней Казанки, менее удаленной от Петропавловска, начали просмотр телевизионных передач из этого города раньше ишимцев. Но это - уже другая история. Благодаря инициативе Хрулева первый в Тюменской области ретранслятор позволил ишимским телезрителям иметь домашнее кино на 10 лет раньше передач государственного радиорелейного транслятора, построенного близ села Гагарино только в 1972 году.

Ранней осенью 1997 года мне довелось побывать в Сеницынском бору. Хотелось самому увидеть 80-метровое сооружение - детище Н.П.Хрулева. Мой “жигуленок” смог подняться в гору только до туберкулезного санатория. Дальше по тропинке пришлось следовать пешком по крутому подъему, пока я не увидел ровную площадку-поляну, окаймленную сосновым лесом. Хрулевская вышка с металлической опорой и оттяжками по-прежнему красовалась на старом месте, ее вершину завершала приемно-передающая антенна. От кирпичного домика, где размещалась аппаратная, остались только развалины. Рядом в передвижном вагончике я встретил молодых людей. Как выяснилось, они монтировали аппаратуру сотовой связи. Стало быть, вышке Хрулева, своеобразному памятнику замечательному радиолюбителю, предназначена судьбой долгая жизнь, она снова будет работать и обслуживать ишимцев. Сожалеть можно только о том, что родные антенны придется снять и заменить их специальными. Было бы в высшей степени справедливым, если бы хрулевские антенны, сваренные его руками, удалось перенести в город и соорудить из них памятный обелиск с именами основателей ишимского телевидения.

Авторитет Н.П.Хрулева после пуска ретранслятора возрос настолько, что его пригласили на строительство любительского ретранслятора в Бердюжье (1969 г.), а затем и в других районных центрах. Всего Хрулеву довелось построить 12 ретрансляторов и телецентров в Заводрюковске, Викулово, Тобольске (хрулевская вышка до сих пор стоит на Панином бугре), в Сорокино, Армизоне, Абате, Салехарде и в других местах нашей области. В Сургуте он монтировал “Орбиту” - станцию спутникового приема, с его участием строилась радиорелейная линия Курган-Тюмень. В памяти всех, кто с ним работал, он остался непревзойденным монтажником, знатоком техники, радио и кинодела, заядлым фотолюбителем, человеком с удивительными изобретательскими способностями. Уже упоминались предвоенные опыты

Хрулева по созданию первой в Ишиме звукозаписывающей аппаратуры с механической фиксацией звука на киноплёнке. Спустя несколько лет он построил один из первых магнитофонов в нашем крае. Сейчас магнитофон хранится в музее истории науки и техники Зауралья при нефтегазовом университете в зале истории радио и телевидения. Прибор подарен музею Г.А.Хрулевой. Там же находится один из первых в стране ламповый радиоприемник типа БЧШ 1926 года выпуска, когда-то принадлежавший Н.П.Хрулеву. Он - еще один памятник этому удивительному самородку, посвятившему радиотехнике всю свою жизнь.

А где же затерялось во всей этой эпопее ишимского телевидения имя А.Н.Ушакова? Когда решался вопрос о составе группы строителей ретранслятора и руководства ею, без колебаний остановились на Хрулеве. И не столько потому, что познания о телевидении были у кого-то больше или меньше, сколько из чисто производственных соображений: у Хрулева, как работника культуры, в отличие от Ушакова, не было жесткого рабочего дня. Так и выпал А.Н.Ушаков из почетной обоймы. Может быть это случайное событие несколько позже стало причиной некоторого отчуждения двух заслуженных любителей радио в Ишиме. После отъезда в Тюмень телевизионная вышка во дворе дома Ушаковых была демонтирована и передана в деревню Рядовичи Сорочкинского района. С ее помощью в этой сельской глубинке принимались телевизионные передачи ишимского ретранслятора (расстояние по прямой - 53 км). Возможно, вышка стоит там до сих пор.

В разные годы были известны имена замечательных любителей радио в Ишиме М.А.Яковлева (станция юных техников), В.А.Богачанова и мн. др. Нет сомнения, что самодеятельные радиоконструкторы города еще не раз в будущем заявят о себе по мере развития радиотехники и опровергнут технические, технологические и любые другие запреты, появляющиеся время от времени и, как ни странно, способствующие всплеску радиоталантов.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

Благодарю за содействие Г.А.Хрулеву и Н.Л.Проскурякову (Ишимский краеведческий музей).

Г.П.КУЗУРМАНОВ

Синкинский канал (версия)

В конце второго тысячелетия город Ишим, протянувшийся на расстоянии около 10,5 км, заключен между руслами реки **Ишим** и старицы **Ишимчик** с юга, а также рек **Карасуль** и **Мергень** - с севера.

Город расположен на увалообразной поверхности, в направлении с юга на север, с большими перепадами высот между вершинами и впадинами.

Разрез (“профиль”) поверхности вдоль улиц **Коркинская - Ленина**, от начала Киселевского мыса на р.Ишим - до моста через р.Карасуль, показывает, что от максимальной высоты поверхности земли под Богоявленским собором идет длинный (около 750 метров) уклон на юг к р.Ишим со снижением до 10 м.

От собора на север также идет уклон со снижением до 8 м к району современных улиц **Московская** и **Чкалова**, далее на север идет небольшой подъем до ул. **К.Маркса** и резкий подъем на 6-7 м от района городского кинотеатра до улиц **М.Садовая** и **Б.Садовая**.

Затем идет достаточно крутой (длиной около 350 м) уклон с понижением поверхности земли на 8-9 м к р. **Карасуль**.

Много неприятностей доставляют городу весенние разливы рек Ишима, Карасуля и Мергеня. С интервалом в несколько десятков лет на р.Ишим бывали катастрофические весенние разливы. Последний в конце апреля 1941 года, когда вода в реке за одну ночь поднялась на 990 см и затопила все пространство от города до гряды Сеницынского бора, образовав водную гладь шириной до 8 км. В створе

ул.Зеленая вода через большой овраг стала поступать и разливаться по ул.Орджоникидзе. Возникла угроза подтопления ближайших домов и прохода воды по ул.Зеленая к р.Мергень. Для защиты города от подобного подтопления городскими властями были мобилизованы людские резервы от предприятий города, которые установили вал из мешков с землей.

Более частые весенние разливы р.Ишим с высотой подъема воды до 800-850 см также доставляли городу большие неприятности.

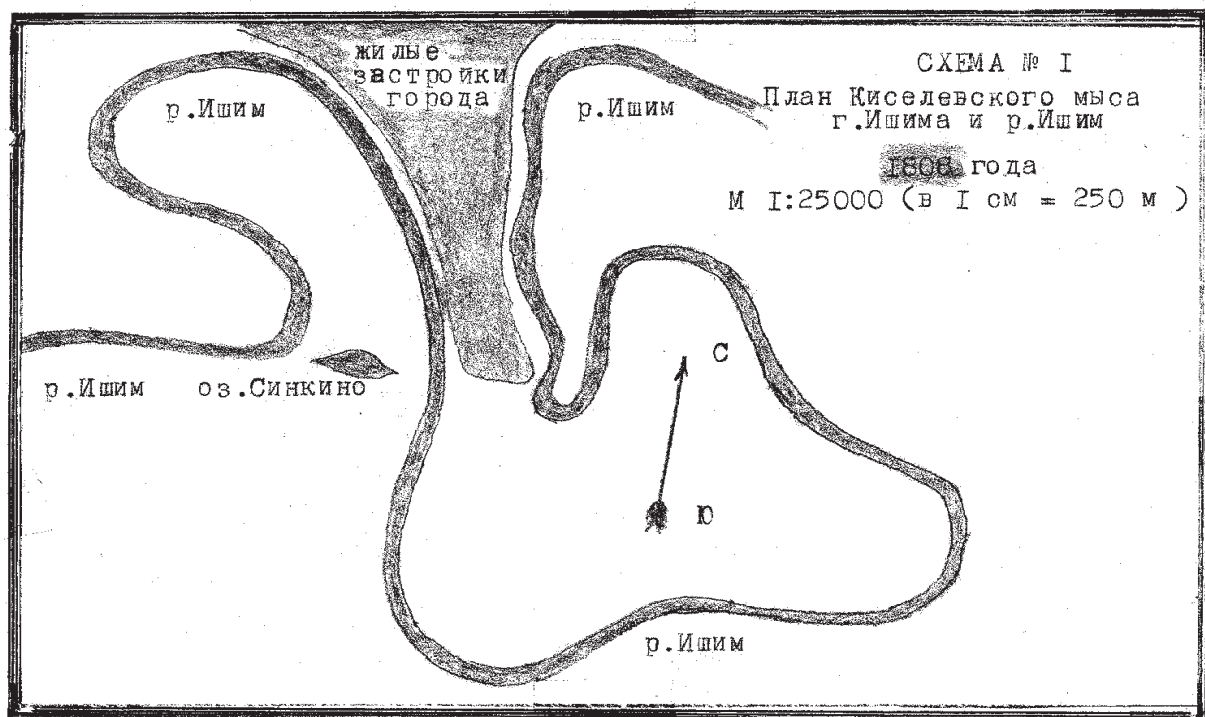
Так, в начале мая 1994 года вода в реке поднялась на высоту до 860 см и затопила около 1200 садовых участков прибрежных районов города. Не менее коварны и частые весенние разливы рек Карасуль и Мергень. Так, разлив реки Карасуль в апреле 1994 года с подъемом воды до 600 см вызвал подтопление около 250 жилых домов в районе Хутора, Жиляковки и Дымковки. Такой весенний разлив рек 1994 года нанес ущерб городу на сумму около 2,4 млрд.рублей (в ценах 1994 г.).

Ежегодные весенние разливы рек, особенно реки Ишим, с различными уровнями подъема воды, вплоть до катастрофических, происходили сто, двести и более лет тому назад. В 1782 году Коркинская слобода получила статус города Ишима. Она располагалась на высоком Киселевском мысу, омываемом с запада, юга и востока рекой Ишим.

В бурные весенние разливы, когда вода в реке поднималась на 800 и более см от ординара, быстрое течение подмывало рыхлые берега западной стороны Киселевского мыса, вызывая обрушения грунта и отдельных строений (жилых и хозяйственных), стоящих на берегу, примерно в створе нынешних второго и третьего Южных переулков и улицы Пролетарской.

За многие сотни лет река Ишим образовала глубоко уходящую на север "петлю".

**Схема N 1 (составлена, как и последующие, автором - прим.ред.)
План Киселевского мыса г.Ишима и реки Ишим 1808 года**

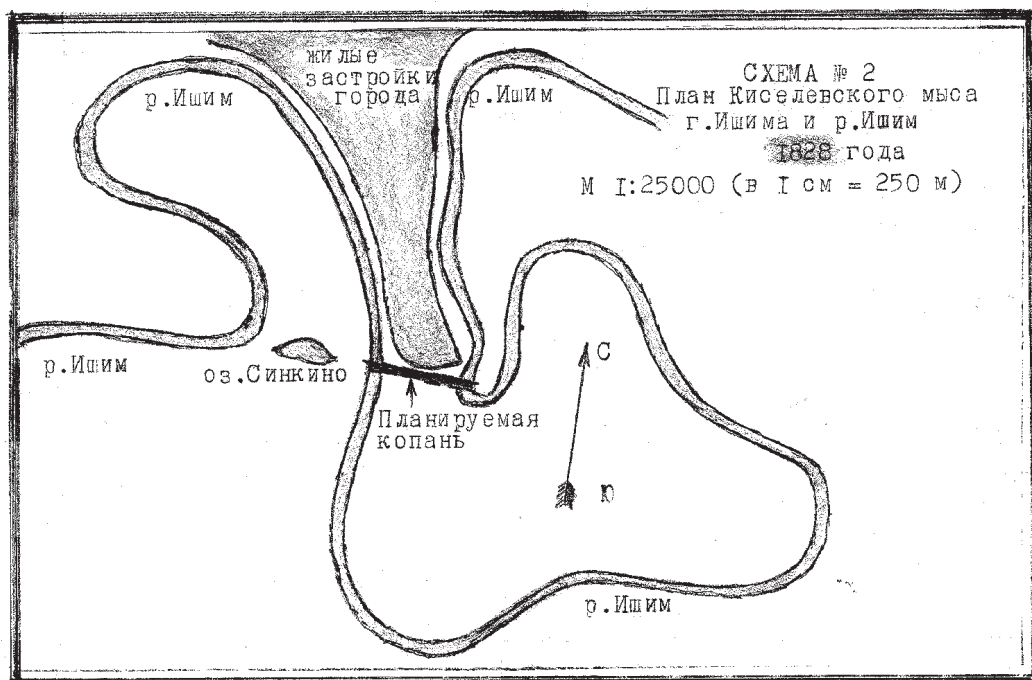
Известно, что к началу XIX века река Ишим "смыла" с западной стороны Киселевского мыса жилые дома и другие строения с двух прибрежных улиц. По этой причине неоднократно на различных уровнях вставал вопрос о защите жилых строений западного берега Киселевского мыса от обрушений в реку при весенних разливах реки Ишим.

Примерно в 1820-1825 гг. на уровне администрации Тобольской губернии, в со-

став которой входил г.Ишим, рассматривался вопрос финансирования и производства гидротехнических работ по строительству нового искусственного русла реки Ишим, которое позволило бы обезопасить жителей Киселевского мыса от последствий бурных весенних разливов реки.

Схема N 2

План Киселевского мыса г.Ишима и реки Ишим 1828 года

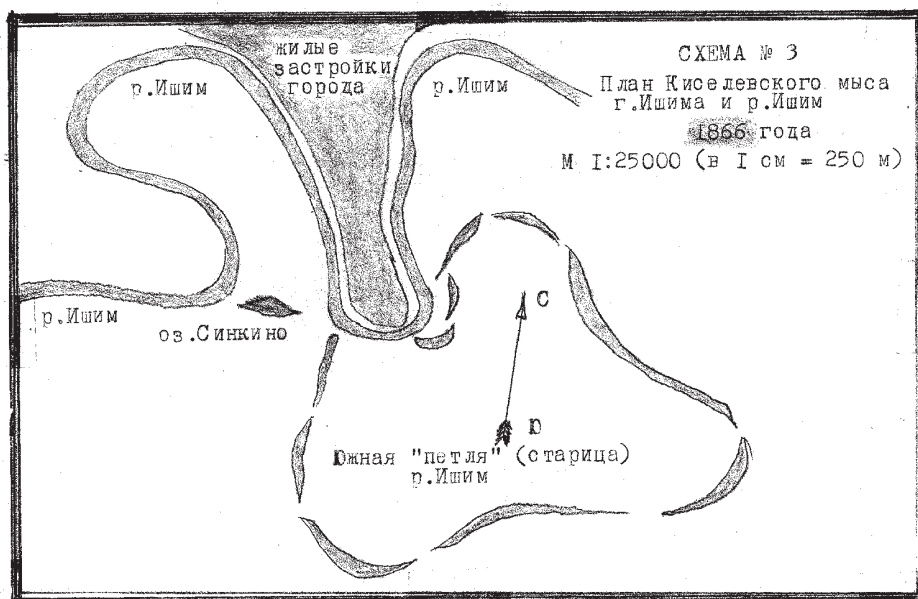
На данном плане видно, что строительство будущего “Синкинского канала” проводилось в два этапа.

В конце 20-х и начале 30-х годов прошлого столетия “планируемая копань”, длиной около 500 метров, была превращена в первую половину искусственного русла реки Ишим и с помощью двух плотин-перемычек отсекала южную “петлю” реки, превратив ее в старицу.

Для проведения таких гидротехнических работ были привлечены (наняты или мобилизованы по какой-то разрядке) люди из города и, возможно, из ближайших деревень (Жилияковка и другие) с лопатами, ломанами, кирками, тачками и лошадьми с грабарками для копки и перевозки грунта.

Схема N 3

План Киселевского мыса г.Ишима и реки Ишим 1866 года

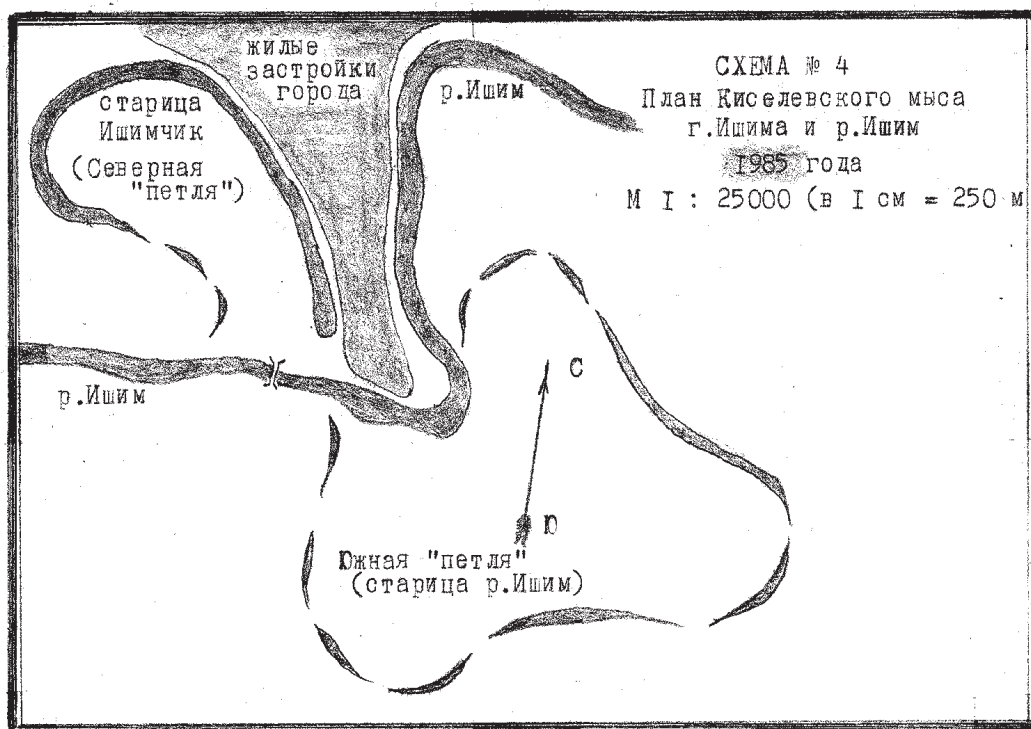

Из этого плана видно, что в течение 35 лет действовала только одна половина будущего “Синкинского канала”.

С юго-запада от Киселевского мыса за рекой находилось озеро Синкино. Через это озеро, где-то в конце 60-х или начале 70-х годов XIX века, и была построена вторая половина рукотворного искусственного русла, длиной около 500 метров, реки Ишим, которая с помощью двух плотин-перемычек отсекала наиболее опасную северную “петлю” реки от подпитки весенними водами и превратила ее в спокойную старицу - ныне Ишимчик. Южная “петля” реки Ишим со временем, более чем за сотню лет, превратилась в длинную цепочку небольших обмелевших вытянутых водоемов, заполняемых весенними водами, а большей частью и пересыхавших в засушливые годы.

Схема N 4

План Киселевского мыса г.Ишима и реки Ишим 1985 г.

Такова версия строительства рукотворного “Синкинского канала”, при строительстве которого лопатами было выбрано от 250 до 500 тысяч кубометров земли, а затем уложено в плотины-перемычки в четырех местах, основывается на сравнении планов Киселевского мыса г.Ишима и реки Ишим выпусков 1808, 1828, 1866 и 1985 годов.

Много вопросов по строительству данного гидротехнического сооружения остается открытыми, и ответы на них могут дать только архивные документы.

1. Кто автор проекта “Синкинского канала” и кто руководил его строительством?
2. Сколько человек и по какому принципу привлекалось для строительства первой и второй частей канала?
3. Каковы финансовые затраты на данное строительство?
4. В какие годы проходило строительство “Синкинского канала”?

Педагог и краевед Я.О.Бирюков

Биография Якова Онисимовича Бирюкова (1881-?) - "белое пятно" в краеведческой литературе. Известен лишь факт опубликования им в 1926 г. книги "Наш край Ишимский округ". Между тем Я.О.Бирюков являлся одной из ключевых фигур в системе народного образования г.Ишима с 1914 по начало 20-х г.

По стечению жизненных обстоятельств надворный советник (с 18 июня 1912 г.) Я.О.Бирюков был назначен Инспектором Ишимской мужской гимназии, а также временно исполняющим должность директора - 1 июля 1914 г. (накануне войны). Наряду с этим, с 1915 г. занимал должность председателя Комитета Начальников учебных (уч.) заведений г.Ишима. Комитет был создан как чрезвычайный орган для координирования единства действий по внешкольному контролю во всех школах города в условиях войны. Обязанности крупного администратора Бирюков совмещал с учительской деятельностью. Серьезное и вдумчивое отношение к своим обязанностям получило одобрение со стороны начальства: 1 января 1916 г. Инспектор Бирюков был награжден орденом св.Анны III степени (первая награда орден св.Станислава III степени). С 1 февраля 1916 г. выполнял функции Председателя Педагогического (Пед.) Совета женской гимназии.

В биографии Я.О.Бирюкова, как в зеркале, отразилось переломное время революционной эпохи. О его личной жизни известно немного. Родился Яков Онисимович Бирюков в 1881 г. Мы ничего не знаем о его семье и месте рождения. Он окончил Петроградский "историко-филологический институт и археологический институт". Был женат.

При упомянутой благосклонности со стороны вышестоящих инстанций, та реальная роль, которую Бирюков играл в народном образовании, несколько не соответствовала его официальному статусу. Комитет Начальников был вызван к жизни экстремальными условиями войны и деятельность его ограничивалась периодом военного положения. По неизвестным нам причинам Я.О.Бирюков так и не был утвержден в должности Директора. Это обстоятельство накладывало определенную печать неопределенности в положении временно исполняющего должность Директора. Возможно, в какой-то мере, этой ущемленностью объясняется противоречивость некоторых будущих шагов Бирюкова?

Несомненно одно, обязанности руководителя гимназии, второй по численности учеников (в 1915 г. - 185, в 1916 г. - 198 чел.) после тобольской, Инспектор Бирюков исполнял прилежно и добросовестно. Циркуляр Министра Народного Просвещения Попечителям уч. округов от 28 сентября 1915 г. за N 45248 верно отражал умонастроения учительства в тот период. В нем говорилось: "Необходимо сохранить всю силу спокойствия и энергии, чтобы ни на одну минуту не забывать, что в такие дни, которые переживает наша Родина, накопление духовных ценностей имеет сугубо важное значение и помогает с избытком возместить те потери, которые приходится нести России". Эти духовные ориентиры легли в основу деятельности Бирюкова на педагогическом поприще в 1914-1916 гг.

В качестве исполняющего должность Директора гимназии Я.О.Бирюковым сделано следующее:

- успешно осуществлялось руководство уч.-воспитательной деятельностью;
- в 1916 г. открылся VIII класс;
- работа Пед.Совета отличалась деловой содержательностью и проходила в атмосфере демократичности; привлекалось внимание Городской Думы к нуждам гимназии;

- по сравнению с другими школами финансовое положение гимназии было более стабильным;
- в гимназии отсутствовала проблема с учебниками, проводилось регулярное пополнение фондов библиотеки книгами, уч.методической литературой;
- коллектив гимназии проявлял активность в благотворительных акциях в пользу защитников Отечества;
- в гимназии не было “полосы отчуждения” между руководителем и подчиненными, практиковался широкий обмен мнениями.

Я.О.Бирюкову был присущ творческий подход к делу. На заседании Пед.Совета 22 марта 1916 г. он поставил вопрос о перемене учебников по латинскому языку в V классе. Его аргументация сводилась к следующему: “Имея под руками всего Цезаря, материал для чтения можно разнообразить ежегодно”.

Анализ его деятельности показывает, что это был знающий, инициативный и требовательный педагог, умеющий отстаивать собственное мнение. Показательна в этом отношении дискуссия, произошедшая на заседании учебной комиссии гимназии 25 мая 1916 г. Предметом обсуждения послужил выработанный преподавателями Н.В.Труневым и Д.Г.Клейнбергом проект оценки познаний учащихся в связи с предполагаемой отменой балльной системы. Суть их предложения сводилась к тому, что в случае такой перемены исчезнет и существующая система награждений; в этой связи - “новая система не должна выдвигать одного ученика в глазах другого, другими словами, можно отмечать только две категории учеников - успевающих и неуспевающих”.

В возражении Я.О.Бирюкова заметна озабоченность принятием такого рода скороспелых решений. Он высказал мнение о том, что “деление учеников только на две категории - успевающих и неуспевающих, - нерационально, т.к. подобное деление понизит уровень познаний учащихся”. Бирюков внес предложение: “делить учеников не на две группы, а на три - преуспевающих, успевающих и неуспевающих”.

Проявляя демократичность в общении с коллегами, Я.О.Бирюков был тверд, когда дело касалось его педагогических принципов. Так, 15 марта 1916 г. он не согласился с решением классной комиссии, отклонившей его требование - снизить оценку за поведение до трех баллов сыну уважаемого в городе человека, - доктора К.Д.Даниеля, на основании того, что понижение до четырех баллов “уже является достаточным наказанием для ученика VII класса”. Учитывая факт пропуска Даниелем сорока уроков без уважительной причины, Бирюков настоял на рассмотрении этого вопроса на следующем заседании Пед.Совета.

Значительный интерес представляют сформулированные под председательством Я.О.Бирюкова 28 апреля 1915 г. Комитетом Начальников уч.заведений г.Ишима “Правила внеклассного поведения для учащихся”. В них явственно просматриваются его пристрастия как педагога. Вот некоторые фрагменты из этого документа: “На улицах и в местах общественных собраний все учащиеся должны носить форменную одежду. Гулять по улицам учащиеся могут с 1 октября по 1 апреля до 7 часов вечера, а в остальное время года до 9 часов вечера. Театр и прочие места общественных увеселений учащиеся посещают с разрешения своего начальства. В театрах и в концертах учащимся воспрещается выражать в бурной форме свой восторг... Воспрещается учащимся ходить за кулисы и в буфет, кроме чайного, подносить артистам подарки... Учащиеся не должны присутствовать на цирковых представлениях, в программе которых значится борьба... Надзор за исполнением настоящих правил возлагается ... на лиц педагогического состава уч.заведений г.Ишима, требования которых все учащиеся обязаны исполнять беспрекословно”.

При всей категоричности подобных взглядов на воспитание, Бирюков не был подвержен догматизму. В 1916 г., когда снижаются требования по внеклассному надзору и появляются новые подходы к учебному процессу, он допускал

разумный компромисс. Окончательное решение “за” или “против”, определялось с точки зрения практической необходимости и полезности того или иного вопроса.

В условиях либеральных веяний проблема получения глубоких, а не поверхностных знаний, становилась еще более актуальной. В этом плане очень многое зависело от руководителя учреждения. Итоги работы упоминавшейся выше комиссии, рассматривавшей проект Н.В.Трунева и Д.Г.Клейнберга, являются ярким примером гибкого реагирования на запросы времени и эффективного решения педагогических задач. Не придя к согласию по поводу способов оценивания познаний учащихся, комиссия под руководством Я.О.Бирюкова, оставшегося верным своему педагогическому кредо, приняла ряд продуманных решений, созвучных духу времени.

В частности, в постановлении говорилось о необходимости создания предметных комиссий для проверки знаний неуспевающих “во избежание нареканий со стороны родителей в пристрастном отношении преподавателя к тому или иному ученику”; об отмене цифровой оценки поведения учащихся, что не означало снижения дисциплины, т.к. вводилось извещение родителей о нравственных качествах ученика и “вопрос о поведении учеников обсуждается каждую четверть”, а “об учениках, особенно дурно себя ведущих, необходимо обсуждать чаще”.

К началу 1917 г., вследствие затянувшейся войны, в обществе ощущалась усталость от войны. На фоне растущей дороговизны и ухудшения условий жизни весть о Февральской революции была встречена в Ишиме относительно спокойно, в том числе и в учительской среде. Еще не так давно выражаемые верноподданические настроения остались в прошлом. В рядах местной интеллигенции, все больше вовлекаемой в обсуждение ранее запретных тем, преобладало чувство эйфории и эмоциональной приподнятости. Политическая нестабильность накладывала отпечаток на деятельность учебных заведений, материальное положение которых в 1917 г. значительно ухудшилось.

В это время Я.О.Бирюков находится как бы “вне политики”. Он пытается безупречно выполнять возложенные на него обязанности, исполняя требования новых властей. Так, на заседании Пед.Совета гимназии 17 апреля 1917 г. было заслушано обращение Совета солдатских и рабочих депутатов, в котором содержался призыв “принять участие в празднике труда”. Пед.Совет постановил: “Прекратить 18 апреля занятия и объявить ученикам, что желающие принять участие в манифестации должны к часу дня собраться в гимназии...”

Вторая половина 1917 - начало 1918 г. - важный этап в формировании представлений Бирюкова о своем месте в окружающей его жизни. Предпринятые им шаги не поддаются однозначной оценке. С установлением в Ишиме советской власти, Бирюков был в числе немногих учителей, кто поддержал политику большевиков в области народного образования.

В мае 1918 г. на III съезде Ишимского Учительского союза произошел открытый конфликт между учителями и Советом рабочих и солдатских депутатов. Учительский союз, в котором большой популярностью пользовалась политическая программа эсеров и меньшевиков, отказался признать диктат новой власти, вследствие чего 18 мая был разогнан.

На этом съезде по первому пункту повестки дня “Положение в отделе народного образования” докладчиком выступил учитель Бирюков. В своем выступлении он защищал изданное положение об организации народного просвещения, чем вызвал резкую критику оппонентов. “Выступавшие ораторы доказывали, что это положение не может быть принято, т.к. здесь отсутствует мнение масс... Выборы же органов управления школы и дело народного просвещения в целом должны происходить по принципу демократии”.

Что это было?

Политический конформизм? Личные амбиции?

При всей сложности личности Я.О.Бирюкова вряд ли можно предъявить ему подобное обвинение. Трагические парадоксы истории способствовали трансформации мышления, порождали раздвоенность и неопределенность мироощущения некоторых слоев интеллигенции. Как бы ни оценивать взгляды Бирюкова, следует признать, - в годы революции и гражданской войны он оставался прежде всего педагогом. По-видимому, по складу своего характера он не был борцом. Не сумев или не захотев сделать выбор в пользу жесткой конфронтации, Бирюков стал служить делу, которому он был предан, в тех условиях, которые существовали как данность, и после периода политической неустойчивости создавали иллюзию стабильного развития системы народного образования в заданной перспективе.

Восстание чехословацкого корпуса изменило расстановку политических сил. В ночь на 9 июня 1918 г. советская власть в Ишиме прекратила свое существование. К сожалению, проследить деятельность Бирюкова во второй половине 1918 г. и в 1919 г. не представляется возможным из-за отсутствия документов, пропавших при эвакуации архива во время отступления из Ишима армии А.В.Колчака.

С восстановлением в городе советской власти началась ломка прежней системы народного образования. В 1921 г. Я.О.Бирюков - заведующий подотделом единой трудовой школы - фигура весьма значительная в структуре советских органов народного просвещения. По уровню образования он качественно отличался от остальных работников данного ведомства. Но уже в 1922 г. мы видим его на должности рядового учителя в железнодорожной школе II ступени.

Очевидно, причиной этому явилось избранное Бирюковым служение делу, а не лицам. Та внутренняя культура, которой он обладал, неизбежно выталкивала его из рядов номенклатуры, от которой требовался не столько профессионализм, сколько преданность идеям.

17 марта 1926 г. в газете "Серп и молот" появилось объявление об издании Ишимским обществом "Долой неграмотность", тиражом 2000 экземпляров, книги Я.О.Бирюкова "Наш край Ишимский округ".

Что подвигло Бирюкова на написание этой книги? Желание принести пользу с целью углубления знаний о родном крае? Внутренняя потребность творческой личности к самовыражению?

И хотя автору не удалось избежать в некоторых местах, типичных для тех лет сравнений достижений советской власти с положением "при царе", мы не найдем в его работе ярко выраженных идеологических штампов. Перед нами добротное краеведческое исследование, сделанное в форме статистического описания, в основу которого положен научный подход.

В качестве источников Бирюков использовал доступные ему материалы: обзоры Тобольской губернии, газетные сводки и собственные наблюдения. Приверженность автора к объективности при показе состояния хозяйственного и культурного развития в Ишимском округе, делает эту работу ценной и для современного исследователя.

В книге дана характеристика географического положения; рассказывается о системе землепользования, коммунах, кооперации, промышленности и т.д.; приводится описание входивших в округ районов. Представляют интерес сведения о дореволюционной экономике уезда, в частности данные о ремеслах, с указанием мест их распространения. При анализе посевных площадей, обеспеченности населения лошадьми и скотом в 20-е гг., в сопоставлении с 1916 г., Я.О.Бирюков не приукрашивает действительность, приводя реальные цифры,

свидетельствовавшие о подорванности сельского хозяйства в рассматриваемый период.

Этой работой, отмеченной любовью к “нашему краю”, автор вписал свою страницу в изучение г.Ишима и Ишимского района. “Наш край Ишимский округ” была первым и фактически единственным подлинно краеведческим исследованием, предпринятым в 20-е гг.

Дальнейшая судьба Я.О.Бирюкова неизвестна. Его личность можно оценивать по-разному. Тем не менее, вклад, сделанный им в развитие культурной жизни Ишима в 10-х, 20-х гг. XX в. в качестве педагога и краеведа, достоин общественного признания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАТО, ф.И-70, оп.1, д.2.
2. ГАТО, ф.И-95, оп.1, д.1.
3. ИФ ГАТО, ф.12, оп.1, д.64.
4. Бирюков Я.О. Наш край Ишимский округ, с приложением карты округа и таблиц, - Ишим, Издание Ишимского общества “Долой неграмотность”, 1926.

Н.Л.ПРОСКУРЯКОВА

В августе двадцать первого

В 20-е годы в России бушевали пожары крестьянских восстаний. Самым крупным по количеству участников и охвату территории было Западно-Сибирское, о котором долгое время пытались умолчать.

Началом восстания считаются события, произошедшие 31 января 1921 года в Челноковской и Чуртанской волостях Ишимского уезда. Население этих волостей воспротивилось вывозу хлеба в Викулово и потребовало возвратить его прежним хозяевам. Вскоре восстание охватило весь Тюменский край. Боевые действия, которые велись в феврале-апреле 1921 года, можно смело приравнять к фронтовым операциям периода гражданской войны.

К лету 1921 года восстание было разгромлено частями Красной Армии, но еще долгое время продолжали действовать, в основном в южных уездах Тюменской губернии, отдельные повстанческие отряды.

Трагической истории одного из них посвящена данная статья, основанная на архивных материалах и свидетельствах очевидцев тех далеких и драматических событий.

В ишимском архиве хранится документ под названием “Августовские бои”, подписанный комбатом Шутовым, в котором сообщается, что “в июне 1921 года в Ишимском уезде с невероятной быстротой начал развиваться бандитизм и к 10 июля в северной части Ишимского уезда сконцентрировалась банда главаря Шевченко... подвижность последней была превосходной благодаря населению, которое всеми силами оказывало всевозможные содействия”. Отряд состоял из восьмисот хорошо вооруженных человек.

С 1 по 15 августа повстанческий отряд Шевченко, разбив 257-й и 258-й полки, занял населенные пункты, расположенные на северо-западе, севере и северо-востоке Ишимского уезда: Усть-Ламенское, Евсинское, Аромашевское, Кротовское, Готопутово, Большое Сорокино. Только после пятидневных боев красноармейцам удалось вернуть эти населенные пункты назад.

К 20 августа повстанцы вновь перешли в наступление на с.Кротовское, однако оказались под угрозой окружения эскадроном кавалерийского полка и 60-й кавалерийской комчастью. Но в окружение не попали благодаря местному населению, которое вновь заранее сообщило о передвижении красных, спа-

сая в очередной раз своих защитников. “Отряд Шевченко, чувствуя свою слабость и неуверенность, заблаговременно оставил указанные пункты и рассеялся неизвестно куда”, - продолжает комбат Шутов.

21 августа разведка красных обнаружила отряд Шевченко на острове “Плита”. В ночь на 22 августа два эскадрона кавалерии 29-го кавалерийского полка и два батальона пехоты одним маневром окружили остров. Противник открыл ураганный пулеметный огонь, 111 человек было зарублено, взято много трофеев и 6 пулеметов. Шевченко погиб. Первым ворвался на остров 32-летний комвзвода Пищик.

В 16-м фонде Российского Государственного Военного Архива имеются дополнительные сведения об отряде Шевченко. В почтотелеграмме от 28 июля сообщается, что разведкой зарегистрирована “банда” Шевченко, которая именует себя “1-м освободительным полком”.

В донесении от 5 июля говорится, что одной из целей “банды” Шевченко является освобождение арестованных “бандитов” численностью до четырехсот человек. Вместе с тем было передано ходатайство о переводе заключенных “бандитов” из Ишима в какой-либо другой пункт к западу.

В архиве регионального управления ФСБ по Тюменской области в уголовном деле N 1484 на Василия Петровича Шевченко, родившегося в 1919 году и до ареста в 1938 году проживавшего в деревне Большой Кусеряк, мне удалось найти отрывочные сведения об его отце. В протоколе допроса Василия Петровича Шевченко от 8 ноября 1938 года изложено:

“Вопрос: Кто Ваш отец и где он в настоящее время находится?”

“Ответ: Мой отец Шевченко Петр Семенович в 1921 году являлся организатором кулацкого восстания против Советской власти. Он командовал повстанческим отрядом. При ликвидации восстания был расстрелян красными, но о последнем точно сказать не могу, так как некоторые говорят, что в тот момент, когда отряд был окружен красными войсками, не желая сдаться в плен, он застрелился”.

Скупые строки архивного документа дополняют воспоминания жительницы деревни Большой Кусеряк Александры Тереньевны Волченко, семья которой долгое время проживала в соседях с семьей Шевченко. “У Петра Семеновича было двое детей - Василий и Капитолина, Капитолина, к сожалению, умерла в прошлом году. Семья жила очень бедно. Когда наступали красные, многие жители убегали в лес, Василия по дороге мать потеряла и не сразу обнаружила, потому что не было в доме лишней тряпицы, пришлось завернуть его в шкуру, из которой он выскользнул.

В 30-е годы Василий со сверстниками возил зерно на подводах в Голышманово. В зерне были обнаружены клещи, арестовали только его одного по понятной причине, сын пострадал за отца. Дальнейшая судьба Василия Шевченко неизвестна”.

Мне посчастливилось найти человека, который был лично знаком с Петром Семеновичем Шевченко. Это житель города Ишима Петр Петрович Помелов, родившийся в деревне Малый Кусеряк в 1909 году. Надо заметить, что ныне деревни Малый Кусеряк не существует. Петр Петрович вспоминает, как однажды Шевченко попросил его покрутить точило, чтобы наточить шашку. Было Петру Семеновичу около сорока лет. Жители звали его “офицером”, он носил военную форму, был высокого, около двух метров, роста, сухощавый, подтянутый. Пешком не ходил, ездил на лошади, ноги чуть ли не до земли доставали, про него говорили, что ему лучше на тачанке ездить. Почти все мужики из соседних деревень служили в отряде Шевченко. Перед наступлением на деревню Кротовское пришли за моим отцом. В тот вечер мы с ним лежали на полотах, матери у нас уже не было, слышим, хлопнула калитка, в дверях показались вилы,

следом зашли мужики, сказали, чтобы отец собирался. Мы заревели, мужики на нас цыкнули. Отец быстро собрался и ушел. Деревню Кротовское захватили ночью, красноармейцы спали, повстанцам удалось захватить много оружия, пулемет. По дороге отец сбежал от повстанцев, а утром вместе со старшим братом Степаном ушел на Шигаевские болота, лишь когда пошел снег, он вернулся". А Петру Помелову пришлось выживать самому и кормить младшего брата, еще не имевшего штанов и ходившего в длинной рубахе.

Из воспоминаний Петра Петровича мы узнали и о других сподвижниках Шевченко, имена которых остались невыявленными, например, женщины - "комиссара", "высокой, крупной, ходившей в кожаном плаще". Она была убита при отступлении отряда Шевченко из деревни Малый Кусеряк в Большой Кусеряк. От стариков мальчик узнал о дальнейшей судьбе предводителя отряда. Во время боя в деревне Большой Кусеряк Петра Семеновича Шевченко ранили в ногу, его на подводе увезли и спрятали на острове "Плита", который находился в 10 км от деревни. Когда красноармейцы окружили остров, он застрелился.

После смерти Шевченко привезли в родную деревню, готовились к похоронам, но вскоре явились люди в черных кожаных куртках и потребовали его труп, чтобы надругаться над ним, но женщины не отдали, крича: "Побойтесь Бога!" Похоронили его на своем кладбище в деревне Большой Кусеряк.

Непомерно высокую цену заплатило сибирское крестьянство за свое выступление, восстание вылилось в самоуничтожение. Мужики в сермягах и мальчишки в шинелях убивали друг друга. В результате был уничтожен слой самых молодых и работоспособных мужчин на селе, в деревне появилось много сирот, на четверть сократились посевы, значительно уменьшилось поголовье скота. Вскоре начался голод, какого сибиряки никогда не испытывали.

ПРИМЕЧАНИЯ:

ИФ ГАТО ф.755, оп.1, д.4, л.д.3

РГВА, ф.16, оп.2, д.85, л.д.179

КУЛЬТУРА КРАЯ

К названию этой рубрики, одной из главных в нашем альманахе, трудно что-либо добавить. Но об одном не упомянуть нельзя. В последние годы в российской провинции наблюдается самый настоящий “всплеск”, значительный рост интереса к вопросам краеведения. И в первую очередь - это желание постичь и заново открыть историю и культуру малой родины. Но если в историческом аспекте есть немало нарабатанного предшествующими поколениями краеведов, - то область провинциальной культуры еще только начинает приоткрываться взору исследователя. Остаются почти не тронутыми целые “пласты” культуры сибирской провинции, и в частности - Ишимского края. Сюда относится наследие деревянной и каменной архитектуры. В свою очередь, литературное краеведение несет в себе возможность самых неожиданных открытий. Культура края вбирает в себя топонимику, языкознание, фольклористику, этнографию и многое другое.

Рубрику открывает статья Т.П.Савченковой, рассказывающая о Прасковье Луполовой. П.Луполова - одновременно и знаменитая литературная героиня, и не менее знаменитая реальная историческая личность. Трогательная история юной сибирячки из Ишима получила в прошлом веке общеевропейскую известность и сделала, сказать без преувеличения, известным всему просвещенному миру наш город.

В материале тюменского автора Л.А.Пимановой показаны два основных культурно-исторических типа русского населения Приишимья - чалдоны и самоходы, особенности их традиций, быта, речи и т.п.

Е.В.Шилова в своей публикации поведала немало интересного о названиях и истории старинных ишимских улиц.

Прасковья Луполова: реальность и художественный вымысел

Девятнадцатому столетию была хорошо известна история “юной сибирячки” Прасковьи Луполовой, которая послужила основой сюжетов немало числа эпических и драматургических произведений этой эпохи.

Сведения о жизни Параши Луполовой и ее “деяниях” достаточно противоречивы, они содержатся в основном в газетных заметках и журнальных статьях, а также в общих чертах отражены в работах исторического и мемуарного характера. Но эти немногочисленные факты все же позволяют реконструировать главные моменты биографии девушки, ставшей впоследствии героиней литературных произведений.

Прасковья Григорьевна Луполова родилась в 1784 г. в Елисаветграде. Ее отец принадлежал к благородной украинской фамилии, но родился в Венгрии, где некоторое время жили его родители. Поступив на российскую службу, Григорий Луполов участвовал во многих походах против турок, проявлял храбрость и был уважаем сослуживцами. В дальнейшем переселился в Россию, по неизвестной причине был разжалован из прапорщиков, лишен дворянства и сослан в Сибирь. Жена и дочь присоединились к нему.

Местом ссылки Луполовых, прибывших в Сибирь в 1798 г., стала деревня Жилияковка Ишимского округа. Ишим того времени уже имел статус города, но получил его сравнительно недавно (1782 г.), поэтому в письменных источниках о П.Луполовой город Ишим как таковой почти не упоминается, а называется, чаще всего, административный центр края, куда была сослана семья, - Тобольск. Географически деревня Жилияковка находилась в непосредственной близости от Ишима. Оба населенных пункта были “на виду” друг у друга. Жилияковка стояла на слиянии двух небольших рек: Мергеня и Карасуля, а город - на возвышенности, к югу от деревни, на обрывистом берегу реки Ишим. Расстояние между городом и деревней составляло около двух верст.

По воспоминаниям чиновника И.П.Пономарева, Г.Луполов служил в ишимской канцелярии земского суда. Его дочь, будучи глубоко верующей, посещала, по всей вероятности, каменный Богоявленский собор, по тем временам совсем новый, освященный в 1793 г. Этот храм и поныне украшает исторический центр Ишима, других же построек времен Луполовых (уездный суд, духовное правление, соляные магазины, богодельня, караульный и тюремный острог, - “План г.Ишима 1808 г.”) не сохранилось.

В Сибири у П.Луполовой появилась мысль отправиться в С.-Петербург и “исходатайствовать прощение у милосердного Государя”. Отец долго не соглашался, но уступил все же усиленным просьбам дочери, которая на “двадцать первом году от рождения пускается в дальний путь с одним рублем, с образом Божьей Матери и с родительским благословением”.

Преодолевая многочисленные опасности, девушка приходит в Екатеринбург, где начинает овладевать грамотой, оттуда до Вятки плывет водою, а затем вновь идет пешком до Казани. Продолжая дорогою учиться, она достигает Петербурга 5 августа 1804 года, пробыв в общей сложности полтора года в пути. Александр I, узнав о подвиге Параши, “дозволяет возвратить Луполова на прежнее жилище”. Императорская семья также оказывает Прасковье Григорьевне денежное пособие, она “удостаивается воззрения императрицы Марии Федоровны”, но, верная обету, данному Богу, вскоре уходит в монастырь. 4 декабря 1809 г. Прасковья Григорьевна Луполова умирает в Новгородской обители.

История Параши Луполовой получила широкий резонанс в России и за рубежом. В литературе к судьбе сибирской девушки впервые обратилась очень “модная” в начале XIX века писательница Мари-Софи Коттен (1770-1807), создавшая пять романов, из которых особой известностью пользовались два: “Мальвина” и “Матильда, или Крестовые походы”. Популярность этих произведений отмечена Пушкиным в романе “Евгений Онегин”, где они упоминаются в перечне книг Татьяны Лариной.

Роман Коттен “Елизавета, или ссыльные в Сибири” был опубликован в Париже в 1806 г. в двух томах. Уже в 1807 г. он был переведен на русский язык и издан в Университетской типографии в Москве под названием “Елисавета Л., или Несчастья семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного”.

Героиня романа, Елисавета Л., дочь польского аристократа Станислава Потоцкого, пострадавшего за независимость Польши, находится со своими родителями в сибирском изгнании, в деревне Саимке Ишимского округа. Она долго упрашивает отца и мать отпустить ее в Петербург к царю. Своими планами девушка делится также с сыном тобольского губернатора Смолова, который любит охотиться в ишимских степях, изобилующих дичью. Между молодыми людьми вспыхивает чувство; его описанию посвящено немало страниц романа Коттен. Смоллов обещает помочь Елисавете добраться до столицы, но его неожиданно призывают на военную службу.

И все же Елисавета не оставляет своего намерения, осуществлению которого способствует появившийся в этих краях миссионер, обращающий в православную веру сибирские народы. Родители отпускают Елисавету с отцом Павлом. После долгого изнурительного путешествия, во время которого девушка теряет своего спутника, умершего в Сарапугле, она, тем не менее, добирается до Москвы, где должно состояться коронавание царя Александра. Во время торжества Елисавету видит молодой офицер из императорской гвардии. Им оказывается Смоллов, рассказывающий императору о драме девушки: “Вы видите пред собою дочь несчастного Станислава Потоцкого; она пришла из степей ишимских, где уже двенадцать лет ее родители томятся в ссылке”.

Император прощает отца Елисаветы, и она, сопровождаемая Смолловым, отправляется в обратный путь, выражая благодарность всем, кто ей помогал. Отмечая “истинность фактов”, лежащих в основе романа, М.-С.Коттен постоянно отступает от достоверности. Ее произведение изобилует мелодраматическими эффектами и отличается излишней сентиментальностью. Имея приблизительное представление о природе, климате, народонаселении, истории Сибири, французская писательница допускает множество неточностей в сфере “местного колорита”.

И, тем не менее, роман имел большой успех, вызванный общим интересом читателей всех европейских стран к теме Сибири и неординарностью случая, определившего сюжет произведения. В Европе переиздания этого романа не прекращались до 1840 г.

Более удачной в художественном отношении обработкой истории П.Луполовой явилась повесть еще одного французского автора - Ксавье де Местра (1760-1852). Судьба К.де Местра, оставившего заметный след не только в литературе, но и в науке, искусстве, военном деле, была связана с Россией. В 1796 г. во время итальянской кампании К.де Местр присоединился к войскам Суворова и поступил на русскую службу в чине капитана. Оставив военное поприще в 1801 г., он несколько лет живет в Москве, зарабатывая на жизнь исполнением портретов-миниатюр. Именно в это время де Местр сблизается с семьей Пушкиных и создает портрет матери будущего поэта - Надежды Осиповны. Дружба со старшими Пушкиными продолжается и в 20-е г.г. в С.-Петербурге. Не исключена возможность знакомства и самого А.С.Пушкина с К.де Местром и его произведениями, в частности, с созданной в 1815 г. повестью “Пленники Кавказа”.

В литературном наследии К.де Местра особо выделяется повесть “из русского быта” “Юная сибирячка” (1815 г.), известная в других переводах как “Молодая сибирячка”, “Параша Лупалова”. Хорошо представляя судьбу П.Луполовой, К.де Местр критически относился к роману Коттен, отмечая, что “сочинительница приписывала романтические похождения девушке, которая без покровительства и помощи решилась на такое трудное предприятие, руководимая единственно одною чистой дочерней любовью, не знакомая ни с какой другой страстью”.

К.де Местр избирает форму “простого рассказа”, занимательного по самой истине своей”. Он создает образ девушки сильной и одновременно нежной, с покорностью и верой в Провидение переносящей все жизненные испытания. В стилистическом отношении проза де Местра, прозрачная и четкая, напоминает прозу

Стендаля, который после знакомства с произведением своего соотечественника отмечал “особую драматическую силу” “юной сибирячки”.

В России повесть К.де Местра имела очень широкий круг читателей и рассматривалась как полезное “нравственно-воспитательное чтение”. “Параша Луполова” переиздавалась на протяжении всего XIX в. в оригинале, переводах и многочисленных адаптациях для читателей “из народа”. В простонародном сознании биография девушки из Сибири, как ее изложил К.де Местр, соединялась с агиографической литературой, значимым разделом лубочной литературы.

Действительно, здесь виделся полный “набор” примет житийного жанра: жизнь - христианский подвиг, вера, “движущая горами”, мотив предначертаний свыше, преодоление сопротивления родителей, не желающих отпускать единственную дочь в опасный далекий путь; встреча со злыми людьми, напоминающими разбойников; обет, данный Богу, и уход в монастырь.

Образ главной героини, созданный К.де Местром, рассматривался, по словам первого переводчика повести на русский язык А.Попова, как “чудное явление в нравственном мире, возвышающее собой душу женщины”.

Успех произведений М.-С.Коттен и К.де Местра поддерживался в России и драматическими версиями сюжета о юной сибирячке. Большим событием русской театральной жизни 1-й половины XIX века явилась постановка на сцене Александринского театра в С.-Петербурге 17 января 1840 г. пьесы известного драматурга Н.А.Полевого (1796-1846) “Параша Сибирячка” со “звездами” русской сцены в главных ролях - В.А.Каратыгиным и В.Н.Асенковой. На премьере присутствовали император Николай Павлович и великая княгиня Мария Николаевна. В рецензиях и отзывах на постановку содержалась самая высокая оценка художественных достоинств пьесы и талантливой игры актеров.

Действие пьесы Н.А.Полевого, имевшей подзаголовок “Русская быль”, начиналось в глухом “краю тунгусов”, где мытарствовалась семья Неизвестного. Появившийся в этих местах Прохожий узнавал в Неизвестном бывшего своего приятеля и участника военных действий под Очаковым - Александра Григорьевича, в настоящее время - ссыльнопоселенца. В результате несправедливой жизни: карты, пьянство, убийство друга, Александр Григорьевич был наказан Сибирью, а жена последовала за ним. Их дочь Параша рождается в изгнании. Прохожий, пытаясь вселить надежду в души изгнанников, рассказывает о воцарении нового императора - Александра Павловича. Параша, тайне от родителей принявшая решение отправиться к царю за милостью, убеждает Прохожего взять ее с собой.

Во втором действии пьесы события переносятся в Москву, куда из Петербурга прибывает для коронации сам Государь. Параше, проделавшей большой путь и добравшейся до Первопрестольной, удается пробиться к царю и передать ему прошение. Царь, потрясенный подвигом девушки, прощает ее отца. В Москве же находит Параша и старшего брата своего - Леонида, воспитанного помещиком Добровым.

Эпилог драмы содержит счастливую развязку: в хижину родителей Параша прибывает исправник с письмом от царя, а затем Параша и ее брат. Н.А.Полевой называл “Парашу Сибирячку” “любимой пьесой”, а воспоминание о ее первой постановке “самым счастливым в своей жизни”.

Пьеса была переведена на немецкий язык К.Мором под названием “Параша - девушка из Сибири” и поставлена в 1840 г. в Михайловском театре. Сюжет пьесы Полевого послужил также и основой либретто одноактной оперы Д.Ю.Струйского. В это же время во Франции популярна лирическая драма в трех актах, созданная по мотивам романа С.-М.Коттен на музыку Г.Доницетти.

Сюжет “подвиг девушки-сибирячки” бесконечно варьируется в литературе и театре всей Западной Европы. Немногочисленные сведения биографии П.Луполовой постоянно домысливаются и “расцветаются” все новыми подробностями, которые не имели места в реальности, но были значимы для развития романтической и драматургической интриги.

Сохранился и пример очень дичного переживания судьбы П.Луполовой - ли-

тературной героини, последним адресатом А.С.Пушкина, Александрой Иосифовной Ишимовой (1803-1881). Служба ее отца - Иосифа (Осипа) Филипповича Ишимова в Сибири и его женитьба на дочери председателя гражданской палаты в Тобольске - Ольге Тимофеевне Кривоноговой - совпадает по времени с пребыванием в Тобольской губернии семьи Луполовых. В 1797-1801 г.г. И.Ф.Ишимов занимал должность секретаря при тобольском губернаторе, а также управляющего тобольским театром. По всей вероятности, семья Ишимовых покинула Тобольск около 1802 г., еще до рождения Александры Иосифовны.

В январе 1825 г. А.Ишимова по примеру Параша Луполовой, известной ей по произведению де Местра, обратилась к Александру I, прося смягчить участь своего отца, которого в результате преследований А.А.Аракчеева (семейное предание) должны были отправить на Соловецкие острова. Просьба была удовлетворена, и местом проживания Иосифа Филипповича был определен Архангельск. А.И.Ишимова высоко оценивала повесть графа Ксавье де Местра "Параша Лупалова" и, будучи издателем детского журнала "Звездочка", рекомендовала читателям обратить внимание на это произведение.

В первой половине XIX в. биография П.Луполовой вошла в русскую историографию. С.Н.Глинка (1776-1847) в своем хронографе "Русская история..." отмечает в числе самых знаменательных событий европейской жизни 1804 г. "подвиг бедной и неизвестной Россиянки, по имени Прасковья Григорьевна Лупалова". "Примерная дочь" оказывается в одном ряду с Людовиком XVIII и Наполеоном, Александром I и императрицей Марией Федоровной.

Д.Н.Бантыш-Каменский (1778-1850) включает биографию П.Луполовой в свой "Словарь достопамятных людей русской земли", ссылаясь при этом не только на документы, но и на роман М.-С.Коттен. Как известно, материалами не изданного еще тогда "Словаря" Д.Н.Бантыш-Каменского пользовался при создании "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки" А.С.Пушкин. Не утверждая факта знакомства А.С.Пушкина с биографией П.Луполовой, хотелось бы вместе с тем отметить родственность образа Маши Мироновой в "Капитанской дочке" и Параша Луполовой - реальной личности и литературной героини.

Здесь не только совпадение общего абриса судеб: дочь военного (Маша Миронова, Параша Луполова) в своем стремлении помочь близкому человеку (возлюбленному, отцу) обращаются к высшей власти (Екатерине, Александру I) и находят понимание и милосердие, сколько сходство характеров, заключающееся в очень живом провиденциальном чувстве, которым одарены и "капитанская дочка", и "юная сибирячка".

Их нравственная цельность, сила духа, сознание внутренней правоты, последовательность поступков - не в противостоянии судьбе, а в подчинении ей, в понимании того, что за любой случайностью скрыт Высший Промысел. Биографы приводят слова Параша Луполовой, которые она повторяла в своем странствии, переживая всевозможные бедствия: "Жив Бог - жива душа моя!", "Бог не оставляет несчастных". И Маша Миронова с ее: "Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно..." следует тем же путем смирения и достигает желаемого.

Параша и Маша - "негероичные" героини. Не случайно исследователи творчества Пушкина упоминают капитанскую дочку в контексте размышлений о "незатейливом" герое. Ни именем (неяркая бытовая окрашенность и широкое поле распространения), ни внешностью ("круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами"), ни богатством и образованием, ни оригинальностью рассуждений эта дочь коменданта захудалой крепости не выделяется. Один из немногих оценочных эпитетов, который на общем нейтральном фоне прозы Пушкина начинает выполнять эмоциональную нагрузку и восприниматься как многозначный, - эпитет "бедная".

Еще более "обыкновенна и бедна" Параша Луполова, живущая в сибирском захолустье, выполняющая изнурительные крестьянские работы, не умеющая читать и наивно полагающая, что Киев лежит на дороге из Ишима в Петербург. Показателен и сам факт написания фамилии юной сибирячки не только в художественных

произведениях, но и в документах в разных вариантах. Луполова легко “переходит” в Лупалову, Лупулову, Лопулову. Даже память современников удерживает лишь некий общий контур фамилии. И в то же время за этой простотой и незначительностью Маши и Параши скрыта необыкновенная сила характера.

Своим внутренним благородством, безыскусностью, скромностью и благоразумием Маша Миронова и Параша Луполова располагает к себе всех, кто встречается на их пути; достигают основной своей цели, получают неожиданное для них вознаграждение: императрица Екатерина “устраивает” состояние дочери капитана Миронова, а император Александр “жалует Прасковье Григорьевне две тысячи рублей”, но, оставаясь верными себе, отказываются от возможностей “столичной” жизни. Как пишет Пушкин, “в тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню”.

А в изложении биографии П.Луполовой Д.Н.Бантыш-Каменским аналогичная ситуация приобретает морализаторскую окраску: “Августейшая императорская фамилия также оказала ей денежное пособие: все спешили на помощь избавительнице отца. Уже навсегда была обеспечена участь ее - оставалось ей только наслаждаться славою в цветущих летах, вознаградить скучные дни, проведенные на Севере, жизнью шумною, рассеянною, которую мы привыкли называть веселием, но Луполова среди счастья вспомнила о своем обете и удалилась в Десятинский девичий монастырь Новгородской епархии”.

История “добродетельной дочери” Параши Луполовой, соотношенная с судьбой и образом пушкинской героини, не только подчеркивает особую роль Маши Мироновой в общей концепции пушкинской повести и подтверждает идеал скромной, но сильной духом русской женщины, но и акцентирует одну из значимых тем произведения, закрепленную в его названии “Капитанская дочка”, тему дочерней верности. Даже теряя родителей, Маша остается той же “дочерью капитана Миронова”, не совершившей ни одного поступка, который могли бы осудить ее мать и отец.

Как “дочь капитана Миронова” она предстает перед Екатериной и добивается прощения своему жениху во многом только потому, что императрица чувствует себя “в долгу перед дочерью капитана Миронова”. Показательно и то, что Екатерина дарует милость не невесте осужденного, а дочери офицера, оставшегося верным присяге. И, наконец, в “собственноручном” письме императрицы к родителям Гринева, содержащем оправдание их сыну, звучат “похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова”.

В этом смысле удивителен и один из фактов биографии “юной сибирячки”, отмеченный в повести К.де Местра, созданной, как известно, за много лет до “Капитанской дочки”. В паспорте Параша была названа дочерью капитана, и ошибка эта оказалась для нее очень полезной в пути.

Примечательно, что во второй половине XIX века, когда сюжет о юной сибирячке мигрирует из “высокой” литературы в “низовую”, появляется произведение неизвестного автора “Параша Сибирячка. Роман в 2-х т.”, в котором история Параши Луполовой контаминируется с “Капитанской дочкой” А.С.Пушкина.

Завязка этого романа “из времен Екатерины Великой”: встреча семьи Лопуловых в оренбургской степи с беглым казаком, которому грозит гибель в буране. В дальнейшем этот незнакомец, оказавшийся Емельяном Пугачевым, из благодарности оставляет в живых коменданта крепости Каменной Григория Федоровича Лопулова, его жену Марью Егоровну и их дочь - Парашу. Характерами и внешним обликом своим Лопуловы соотносятся с Мироновыми. Есть в этом романе и другие “двойники” героев “Капитанской дочки”. Так, возлюбленный Параши, прапорщик Владислав Станиславович Потоцкий “дублирует” Петра Андреевича Гринева, а верный спутник семьи Лопуловых, “нянька” маленькой Параши капрал Петр - Савельича.

Принцип “зеркального отражения” распространяется и на фабулу романа. К узловым моментам произведения относится нападение Пугачева на крепость, ее героическая оборона, расправа мятежников с жителями крепости, разгром пугачевцев императорскими войсками, казнь Пугачева. Основная коллизия романа также

перекликается с пушкинской “Капитанской дочкой”: помилованного Пугачевым Лопулова обвиняют в государственной измене и отправляют в Сибирь, а дочь приходит к императрице и добивается прощения своему родителю. Интересно, что история пребывания семьи Лопуловых в Ишиме и “трудной дороги” Параша в Петербург включается в роман без какого-либо изменения.

Некоторые издания романа “Параша Сибирячка” сопровождалась иллюстрацией на обложке в духе лубочной картинки: девушка в крестьянском платье, стоя на коленях, протягивает императрице, благодушно вззирающей на нее, прошение о помиловании отца. Заглавие и рисунок акцентировали самый важный, на взгляд издателей народных книг, момент сюжета и идею произведения.

Показательно, что сюжет о “юной сибирячке”, столь значимый для этических и эстетических исканий пушкинского времени, за пределами этой эпохи оказался увиденным и прочитанным народным сознанием через “Капитанскую дочку” - одно из самых значительных и совершенных в художественном отношении произведений русского писателя.

История Параша Луполовой, несправедливо забытая веком двадцатым, - наглядный пример связи разнообразных литературных пластов и единства культурного процесса века девятнадцатого.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Русская старина. - 1873. - Т.7.-N5. Автор благодарит Ф.М.Пашкова (Москва) и Е.К.Демиховскую (С.-Петербург), оказавших помощь в выявлении редких архивных материалов, а Г.А.Кудырскую - за идею статьи.

2. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли.- М.,1836.-Ч.3.

3. Московские ведомости.-1805.-N6, от 21 января.

4. Глинка С.Н. Русская история.-М.,1817-1818.-Изд.2-е.-Ч.8.

5. Северная почта.-1810.-N23, от 19 января.

6. Кишкин Л.С. Чехословацкие находки.-М.,1985.

7. Местр Ксавье де Параша Луполова.-Пер. с франц. А.Попова.-СПб., 1845.

8. Полевой Н.А. Драматические сочинения из русской истории.- СПб., 1902.

9. ИРЛИ (Пушкинский Дом).-Р.ИИ, оп.2, N487- автобиография А.И.Ишимовой.

10. Параша Сибирячка. Роман в 2-х т. Изд.Шарапова.-М.: Тип.Орлова, 1876. Впоследствии роман выходил также в изданиях О.Лузиной, Минкова, И.Сытина. Одно из последних изданий этого произведения: Параша Сибирячка. Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой.-М.: Тип.Т-ва И.Д.Сытина, 1915.

Л.А.ПИМАНОВА

Чалдоны и самоходы

Русское население в Приишимье можно определить как единство в многообразии, где под единством понимается общность истории и национального характера, а под многообразием - различные культурно-исторические типы русского народа, складывавшиеся под влиянием специфических региональных условий.

“Что за русский народ живет в Западной Сибири?” - спрашивается в книге “Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди”, изданной в Москве в 1895 г. Ответ таков: “Русский народ там разный: есть и пришлые из России, есть и коренные сибиряки, есть и чистокровные русские, а много и таких, у которых кровь смешанная, - русская с остяцкой (хантыйской) или татарской или вогульской (мансийской). У иных сибиряков и лица не русские. Нередко называют себя русскими обрусевшие остяки (ханты) или татары, принявшие православие. Хотя татары своей веры держатся крепко, редко какой татарин переходит в православие.

Коренного сибиряка, или старожила, всегда отличишь от “расейского”: чей род прожил в Сибири сотни лет, тот даже с лица нередко выглядит иначе: и привычки у него другие, и выправка другая. Только сибиряк сибиряку рознь. В Сибири народ

живет всякий. Так, об **Ишимском крестьянине** рассказывают, “что он умеет брать только то, что дает ему земля, а о будущем мало думает”; если земля начинает давать ему мало, он хоть и пускается на всякие новшества, - пробует новые способы и обработки, и удобрения, только в эти новшества сам плохо верит, и от первой неудачи у него опускаются руки. А то он уходит с своей земли искать вольных мест или на далекие заработки. Таков **крестьянин ишимский**... А по большому Сибирскому тракту народ опять особый; эти говорят: “не пашня нас кормит, а большая дорога”. Кто здесь позажиточнее, тот занимается дворничеством, содержит почтовую, этапную, земскую гоньбу, возит проезжающих. Много живет по тракту разных торгашей, лавочников, а есть и такие деревни, например, Нижне-Великосельская Ишимской волости, которых жители зовутся “**чаерезами**” - они промышляют обворовыванием обозов. Здесь народ пьяница, развратник и к тяжкому труду совсем не привык. “Охота мне молотить ходить, - говорит **дорожный крестьянин**: в четыре дня рубль заработаешь, за четыре дня я две-три вольных свезу, а не попадетсЯ, лучше так лежать буду”. В других местах Сибири народ лучше, чем по тракту”.

Итак, здесь представлены следующие культурно-исторические типы русского населения Приишимья: 1. Старожилы или коренные сибиряки. 2. Переселенцы из европейской части России - расейские или прибылые. 3. Дорожные крестьяне, живущие у Сибирского тракта, которых кормит не пашня, а дорога, они занимаются извозом, то есть перевозят людей, товары, почту. 4. “Чаерезы” - воры, крадущие из обозов товары. 5. Крестьяне, утратившие связь с землей и ставшие торговцами, лавочниками, держателями постоянных дворов, наемными работниками, уходящими на заработки в другие места.

Эти типы названы историческими, поскольку сложились под влиянием определенных исторических условий: переселенческой политики государства, разложением крестьянской общины, проникновением в деревню капиталистических отношений, развитием дорожных сообщений, кризисными явлениями и т.д. Они определены как особые культурные типы в силу того, что имеют различные ценностные ориентации, а ценность, как известно, является главным понятием культуры. Ценности пахотного крестьянина были сосредоточены на обработке земли, дорожного - на выгоде от дороги, торговца и лавочника - на торговле, “чаерезов” - на легкой добыче от грабежа обозов и т.д.

Особый интерес представляет изучение старожилов и переселенцев, называвших себя “коренными сибиряками” и “расейскими”, хотя, по сути дела, все они были жителями России или Расеи, как называли ее крестьяне. Это различие проявлялось сразу по прибытии новичков в Сибирь. Со временем оно стиралось, потому что переселенцы обрастали сибирскими привычками, воспринимали у коренных сибиряков традиции землепользования, постепенно осваивали Сибирь, которая становилась для них близкой, дорогой, любимой. Однако переселенцы долгое время сохраняли в Сибири свой уклад жизни, до сих пор существуют особенности их традиционно-бытовой культуры.

В Приишимье сложились особые культурно-исторические типы старожилов Сибири и переселенцев - **чалдоны** и **самоходы**. Чалдоны - потомки первопроходцев Сибири; это в основном выходцы из северорусских и, частично, среднерусских губерний. Они стали основой старожильского населения Приишимья. Самоходы - переселенцы, прибывшие в Сибирь в конце 19 века из центральных и южных губерний России.

Слово “чалдон” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И.Даля отсутствует, но там имеется слово “челдон”, приведенное в значении бродяги, беглого, варнака, каторжника, с пометой, что это слово пришло из монгольского языка и распространено у жителей Иркутска. На Урале и в таежном Зауралье слово “челдон” имело нехороший, ругательный смысл. Герой рассказа Д.Н.Мамина-Сибиряка “Озорник” старожил Спирька, обозлившись, назвал своих односельчан “челдоны желторотые”. “Озлобленное настроение объяснялось, может быть, тем, что Спирька после смерти жены жил бобылем. Он давно разорил свое хозяйство, - какое же

хозяйство без бабы? - и не принимал весной никакого участия в трудовой и радостной суете своей деревни Росстани. Другие пахали, сеяли, бабы готовили свои огороды, старики налаживали всякую снасть к страде, а Спирька сидел в своей избушке и ничего не хотел знать... Когда-то жил Спирька женатым... Не хуже других-прочих жил, а с женой ушло и все крестьянское хозяйство, и Спирька попал в разряд лишних деревенских людей, которых на Руси достаточно”.

Обратим внимание на большую роль женщины-хозяйки в укладе старожильской семьи. Она не была забитым и бесправным существом, на ней держался крестьянский быт (“с женой ушло и все крестьянское хозяйство”). В этом рассказе хорошо показано отличие старожилов и “новожилов” - “расейских”. “Обличье у Спирьки было уже не расейское, а с явными признаками сибирской помеси: борода была маловата, скулы приподняты, лицо как бы приплюснутое. И ходил он не по-расейски на своих выгнутых ногах, как настоящий кавалерист”. Дунька была из Ольховки, “где пять лет тому назад устроились переселенцы, выходцы из Рязанской и Тамбовской губерний... По костюму в ней сразу можно было узнать расейскую бабу-переселенку. Белая рубаха с широко вырезанным воротом, домашней работы черная юбка, на плечи накинута белая свитка из домашнего сукна, платок на голове намотан тоже по-расейски, - одним словом, все по-своему...”

- Куда это тебя понесло, Дунька? - окликнул ее Спирька.
- А иду... - ответила она спокойно.
- Да куда идешь-то, глупая?
- А телушку искать.
- Ужо вот тебя волки задерут в лесу-то.
- Пушай деруть.

Дунька говорила певучим расейским говором, растягивая слова”.

Остановимся на отличии говора старожильского и переселенческого населения. Эти отличия проявляются повсеместно. В Приишимье они особенно заметны в связи с большим притоком сюда переселенцев в конце 19 - начале 20 веков. В рассказе Д.Н.Мамина-Сибиряка переселенка Дунька говорила на “а”, а старожил Спирька - на “о”. Случайно ли это расхождение говоров? В “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И.Даля подмечено: “Сибирское наречие составилось из смеси новгородского и владимирского языков, а потому окает... Окающее и даже собственно новгородское наречие сохранило там повсеместно господство, как основательно заметил г.Словцов, от долговременного и постоянного влияния севера (наиболее Устюга): первые купцы, земледельцы, посадские, ямщики, казаки, даже духовенство - все это приливало в Сибирь с севера. К приметам сибирского наречия относят: оканье, вместо предлога **за** часто ставят **по**: по воду, по грибы, слышим и иногда, но: сбегай по его чисто сибирское (и в Тверской губернии)”.

Г.Я.Маляревский в статье “Особенности говора старожилов Тобольской губернии” пишет: “Говор крестьян старожилов Тобольской губернии вследствие ее обширности и исторических условий заселения неодинаков. В Тюменском, Ялуторовском, Березовском и западной части Ишимского уезда, населенных потомками первых насельников края - выходцев из Устюжской и Чердынской областей, то есть нынешних Пермской, Вятской и Вологодской губерний, говор напоминает северо-русский, то есть произношение на “о”. В восточной части, заселенной позднее, говор на “а”. В восточной части больше пестроты. В последние 20-25 лет в одном поселке слышишь малорусскую, вятскую и тамбовскую речь...”

Сибирская речь монотонна. Сибиряк говорит без повышений и понижений голоса, без оттенков, как капусту рубит. Священник-сибиряк читает в церкви псалмы - точно дождь барабанит по крыше. Музыкальная певучесть южных губерний России чужда сибиряку, кажется ему чем-то притворным и деланным. Эта особенность сибирского говора, вероятно, стоит в связи с **сухим и рассудочным характером старожилов, не склонных к излишнему чувству**. В связи с этим стоит и другая особенность сибирского говора - неполное раскрытие рта, свойственное говору всех северных народов. Вместо яйцо сибиряк говорит яйсо, вместо сел -

сял, вместо заяц - заес, вместо язык - езык, вместо мякина - мекина, вместо опять - опеть, вместо пять, пяток - петь, петок. Ись вместо есть, говорел вместо говорил, молосный вместо молочный, пальсы вместо пальцы, сэрковь вместо церковь, куниса вместо куница, девиса вместо девица, пошто вместо почему, то есть "ц" переходит в "с", "ч" - в "ш", только одно исключение - цело вместо чело у печки. Звук "щ" почти всегда выговаривается как два "ш": ишшо, гушша, пушше, рошша, вешши. Добавляется звук "в" в начале слов: вотчим, восподин, вулиса. Необычны ударения: положить, летит, морковь. Очень распространено употребление частиц - от, то, та, ту: мужик-от пришел, сам-от не упади, с худым-то не связывайся, загони корову-то. Сокращаются окончания: красны зори, черна корова, зелены листья, слобода Абатска. Есть особенности в выговоре числительных: семой вместо седьмой, другой вместо второй. Старожил говорит текет вместо течет, секет вместо сечет, никогда не скажет - сечет или течет...

Расеей называют Европейскую Россию. О переселенцах из Европейской России говорят: "Расея поехала". **Вятских и пермских расейцами не зовут**, а малоросов (украинцев) и белорусов зовут **хохлами... Челдон - презрительное название крестьян старожилов, обозначает человека грубого, неуступчивого и неуклюжего**". Заметим, что слово "челдон" указано здесь с ударением на первом слоге и написано через букву "е", а не "а". В Приишимье говорят "чалдон" с ударением на втором слоге и, главное, - без всякого презрения.

В отличие от чалдонов, речь самоходов быстрая - сказывается южный темперамент. Не случайно старожилы Тобольской губернии называли русских переселенцев из южных губерний России **трататонами** (от слов тараторить, трататонить). В рассказе "Пернатые гости" И.Я.Словцов рассказывает о своем друге-крестьянине Гавриле Васильевиче Лагунове, который метко замечает: "... Солнышко птица любит. Вишь, она не привыкла по-барски спать: проснется в осеннюю пору, а солнца нет, темно вот ей и морготно (скучно) станет без дела оставаться. Начнет она сначала табуниться, а потом **взбунтуется всем миром**, да и марш в теплые края, все равно что **трататоны** (переселенцы). **Ну а как снялась с места, так уж тогда у ней своей волюшки нету - летит, куда все летят**".

Интересно, что любовь самоходов к солнцу и краскам лета проявляется в убранстве жилья. Занавески (задергушки) на окнах у них обычно были яркие и цветастые, а у чалдонов - белые, как милая их сердцу снежная зима.

В наше время почти исчезли различия в одежде и укладе жизни чалдонов и самоходов, но по-прежнему сохраняются отличия их речи. Художественная литература и фольклор Тюменской области показывают разные говоры чалдонов и самоходов, сохраненные их потомками. Воспользуемся указанием великого драматурга А.Н.Островского на то, что "первым условием художественности в изображении данного типа" считается верная передача "его образа выражения, то есть языка и даже склада речи" и перелистаем страницы книг о жителях Приишимья.

Вот песни, записанные в Сорокинском районе Тюменской области участниками фольклорных экспедиций 1987-1992 гг. Жительница с.Готопутово А.И.Красева (1909 года рождения) пела, выговаривая на "а":

*Ох, как на крыше варабей, да,
Он сидит чиликает...
Ох, маей мамки дома нету,
Не кавы баятсы.*

В говоре жительницы села Жидроусово Ф.З.Рыбаковой (1904 года рождения тоже слышится "а" вместо "о"):

*Заскачил-та казел, да
в агародиц, в агародиц...
На каленачки казел, да,
Припадает, да припадает,
Из зеленого саду выбегает, да выбегает.*

Здесь нет и характерного для сибирского говора усечения окончания (коренной сибиряк сказал бы "припадат", "выбегат").

В сатирической повести Николая Денисова “Пожароопасный период” верно схвачены особенности речи чалдонов: “Вот ты, бабка Степанида, все на свете знашь!”, - обратился Председатель комиссии к бабке Степаниде, сходя с трибуны прямо в зал, в народ. На секунду он стушевался, выругал себя за это **укороченное чалдонское “знашь”**. Но шагнул уже смелее. Старуха аж шерсть бросила теревить, поджала в напряжении рот. “Ты много трудилась, бабка Степанида, устала, наверно?” - продолжал Председатель комиссии. - “Не то слово, батюшко, ухайдакалась и упазилась, упымкалась и ухрымкалась, в хахаряшках и в ряме находилась, спаси бог, а теперича жись шелковая блазнится, да силов нет...” - “Не хорошо, бабка, говоришь. Непонятно. Хахаряшки, ремье надо выбросить из лексикона, как отживший словарь.” - “Как знам, так и разговаривам!” - “В новой жизни надо по-новому изъясняться, чтоб не пахло там всякими “фтоками”, “кукорками”. - “Дак можем и по-новому, - встрепенулась бабка Степанида. - Учитывая переходящий момент и гносеологические способности коренного индивидуума деревни, неспособного принять дуализм мышления буржуазных философов... Ишь ведь че они нагарусили там, страмцы...” Но Председатель комиссии уже махал в восторге руками, попутно смахивая со щеки слезу умиления, едва не пал на колени от восторга...

Никто не мог докопаться до сути и смысла сказанного... Но магический выкрик Председателя комиссии сделал свое дело. Никто не скажет, например, теперь в Персиково (бывшей деревне Безлобово): “Маруська, опасна тебя затряси, опять твой поросенчишко, типун ему на язык, плетень распетрушил и шлындает весь день по моркови!” Нет, теперь говорят так: “Мария Ивановна! Свинку-то не обижай, если она и пофланировала по моей усадьбе, то только с пользой для здоровья. Витаминаы, кругом витаминны!”

Вот еще одна зарисовка жизни, облика и нравов чалдонов из стихотворения Н.Денисова “Память”:

*Те захолустные, пустые
Места, где вывелся народ,
Обжили - с виду Львы Толстые -
Чалдоны с кипенью бород.*

*Там на постой пускали редко.
Но, поджидая новостей,
Тесней сдвигали табуретки
И хмуро слушали гостей.*

Литературные портреты чалдонов встречаются во многих сказах И.М.Ермакова. Вот Лука Северьянович Гуселетов из сказа “Костя-египтянин”: “крутоплеч, в кирпичном румянце скула, нос узорной багряной жилочкой испещрен, дымчатая борода, кулак со слесарную наковаленку. Обличье - родное - дедово...

По субботам баньку обычно топили. Северьяныч, сибирская кость, до вступления экстаза, до дичалого вопленья, до кликушества пару себе нагнетал. “Ого-гошеньки! Улю-лю-люлю-шеньки!! - веником себя истязает. - Дай-дай-дай!!” Полчаса эти лешевы кличи из баньки ликуют. Кринку квасу потом опрокинет с истомы, причешется, струйка к струечке бороду набодрит и сияет пригожим румянцем своим.

Смотрит, смотрит Софья Игнатьевна на него, дюжего, помладевшего, и не вытерпит вдруг - восхитится:

- Ну и гемоглобину у вас еще, Лука Северьянович!
- Кого, - не поймет тот мудреного слова.

- Красные кровяные тельца это, - с удовольствием сватьяшка объясняет. - Силы жизненные... Поглядитесь-ка в зеркало - какой Стенька Разин оттуда выглядывает.

- Ничо себя чуйствую, - тронет ребра Лука Северьянович.

И пуще того его краска пронзит.

Смущался старик”.

Перед вами чалдон Сенька Мастерских из сказа И.М.Ермакова “Сибирский клиент”: “Везде и всюду представлял он из себя эдакого пройдисветного неотступного и настырного бабника. По обличью-то подходящ для этого был. Сероглазый, щеки всегда накаленные, нос объемный, голос грубый, мужественный. Чуб из-под пилотки черт те куда вьется. Грудь колесом, мускулы вперекат... Три года мы с этим Сенькой сослуживцы были, и все эти три года он похождения свои рассказывал.

Где Сеньке верить, где не верить - черт, как говорится, сломит... Сколько мне он своих зазноб не описывал, у каждой обязательно “глазишши - во!” и каждая “фигуристая”.

Не зря Сенька прежде всего смотрел на глаза - зеркало души. Много значит для русского человека то, что мы называем слово душа. А глаза у чалдонов почитаются синие. Об этом рассказывает стихотворение тюменского поэта В.Нечволоды “Чалдоночка”:

*Лес. Разъезд у насыпи,
Старенький вагон.
Девочка скуластая
Вышла на перрон.
Чакнула бидонами,
Челку сбила с глаз.
Чокает чалдоночка:
“Всем ли чо ли квас?”
Глянет быстро искоса.
А ответа нет.
То ли небо близкое,
То ли ситца цвет.
То ли пала наземь
Утра бирюза...
Азия ты, Азия,
Синие глаза!*

У героя рассказа Н.Денисова “Дед Павел” “синие глаза такие добрые, лукавые, бороденка расчесана”. Пора уже отметить часто встречающиеся приметы чалдонов: борода, румянец, сильные рабочие, привыкшие к труду руки, привычка к веселой шутке, предпочтение синего цвета - символа бескрайнего неба, многочисленных озер и рек Приишимья. Эта синева выпестовала у русских крестьян Приишимья особую жизненную философию: поклонение красоте Царевны Природы. “А какие старики жили в нашем селе! - пишет Н.Денисов в рассказе “Дед Павел”. - Это теперь бы со взрослым понятием, запоздалой пытливостью и интересом, подойти, расположить к разговору человека, повыспросить обо всем на свете. Что он думал в каждодневных трудах своих о смысле жизни, какую философию о ней выпестовал в седой голове своей, долгие годы глядя на эти поляны, перелески, вздыбленные над степью увалы, меж которых незабудковой голубизной разлились наши озера. Да растеклись по этим увалам селения, деревни с избами и домами, рубленными в венец и в лапу в стародавние и нынешние времена”. Вспоминая детство в родном селе Окунево Бердюжского района, Н.Денисов в рассказе “Сон в полуденный зной” отмечает прежде всего синь и солнце: “Стрельнуло синью озеро впереди... Над озером этим, над степным его зеркалом, над его колодезной глубиной и чистотой, даже стрекозы снуют азартней и веселей.

Мне радостно. Я еще не знаю другой красоты, чтоб в сравнении до конца постичь эту, данную мне с рождения. Но я уже понимаю восторг, поднимающийся в груди. Чувствую краски и запахи мира. Они чисты, ясны, без полутонов. Прекрасны в первозданности детского восприятия”. Не случайно в повести Н.Денисова возникает образ веселой голубоглавой церкви. Синяя река уносит печали поэта:

*Вот и уносит печали
Реченька тихой волной.
Где-то в полях запропали
Годы, прожитые мной.*

Ученые-этнографы на основе архивных документов и житейских наблюдений подчеркивают любовь русских жителей Приишимья к синему цвету. В сравнительно недавнее, послевоенное время потолки в чалдонских избах красили синей краской. В этом, вероятно, отражались космологические представления чалдонов о доме: потолок - голубое небо, крашенный коричневой краской пол - земля. Не случайно в словаре местных слов и выражений, опубликованном в статье Г.Я.Маляревского "Особенности говора крестьян старожилов Тобольской губернии" приводится словосочетание "**пахать избу**" в значении мести пол.

В предпочтении чалдонами голубого и коричневого цветов видятся не только эстетические вкусы русских старожилов Сибири. На уровне коллективного бессознательного (архетипа) они имеют значение национальных символов - почитания неба и земли, отражают патриотические чувства любви к земле как основе жизни, стремлении к свету, свободе, воле, образы которых олицетворялись в голубых просторах бескрайнего неба.

В книге О.Н.Шедегиной "Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири" приводятся такие факты: в Ишимском округе каждый крестьянин, чуть ли не самый бедный, старается иметь синий кафтан. Повседневной одеждой крестьянок Ишимского округа в конце 18 века была холщовая домотканая рубашка, крашенный холщовый сарафан, коричневый или синий шелковый или стаметный подбрусник, повязанный "бумажным" платком концами назад, кто побогаче - носили чепцы шелковые с позументом, серьги "со вставками", козловые или юфтевые башмаки. В первой половине 19 века сарафан сменила "пара", то есть юбка с кофтой. Жители Ишима одевались добротнo, даже с щегольством. Имеются описания того, что в начале 19 века каждая женщина в Ишиме носила зимой шубейку или епанечку на беличьем меху, крытую шелковой материей.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Иванова Л.В. Русский сибирский костюм 19-нач.20 веков. - Тюмень, 1995.
2. Ежегодник Тобольского губернского музея. - Тобольск, 1917. - Вып.28.
3. Словцов И.Я. Из старого портфеля//Литературные фантомы. И.Я.Словцов. Е.Л.Милькеев. Е.В.Кузнецов - Тюмень. 1997.
4. Забава. Сборник песенно-игрового материала районов Тюменской области. Собирант Л.Демина. - Тюмень, 1993.
5. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. - Новосибирск, 1992.

Е.В.ШИЛОВА

Широка у нас летопись улиц...

"Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц". Эта ставшая крылатой фраза была произнесена в XIX веке поэтом И.Дмитриевым, другом известного историка Н.М.Карамзина. Слова сказаны о старой Москве, но могут быть адресованы любому российскому городу. Большую историческую и культурную информацию хранят названия улиц (урбанонимы). Искони они давались по разным признакам, примечательным чертам, что позволяло им не потеряться, а наоборот, выделиться среди подобных. И появлялись по всему Российскому государству улицы Болотные и Глинистые, Больничные и Музейные, Кузнечные и Гончарные, Троицкие и Никольские, Пречистенки и Ильинки. Вглядываясь в карту Ишима начала века, узнаем много интересного и полезного. Вот улицы Большая и Малая Никольские, которые ведут от одного храма к другому: от Богоявленского Собора к Никольской церкви. Вот улица и площадь Базарные, площадь Хлебная, улица и переулок Болотные, Торговый и Береговой переулки. Есть Большая Кузнечная и просто Кузнечная улицы - в городе много кузен (кузниц). Есть улица Солдатская, есть Казарменная, Старо- и Ново-Кладбищенские улицы, есть даже Безымянная. А это Плац-Парадная, на углу этой улицы и улицы Вокзальной расположено здание "тюремного замка", на Плац-Парадной солдаты-охранники проходили марше-

вые учения. На Старо-Больничной улице (1897 г. - Больничная) в 1860-е гг. был выстроен дом, предназначавшийся “для городской больницы”.

Названия некоторых связаны с именами известных и почитаемых в городе людей. Улицы Большая и Малая Черняковские названы в честь купца-мецената Н.М.Черняковского, который думал не только о материальном достатке горожан, но и их духовности - на завещанный им капитал в Ишиме построена Никольская церковь. В 1861 году через город Ишим проведена телеграфная линия Екатеринбург - Омск, и в 80-е годы на углу Бокаревской и Старо-Сенной улиц была построена Почтово-телеграфная контора. На другом углу этих улиц видим богатый особняк, принадлежавший купцу 2-ой гильдии И.П.Бокареву. Бокарев был известен в городе тем, что участвовал в развитии библиотечного дела в Ишиме (личные книги Бокарева, с его личным штампом, есть в фондах городской библиотеки) и тем, что пожертвовал некоторую сумму денег на домовую церковь Кирилла и Мефодия (освящена в 1891 году), располагавшуюся на 2-ом этаже построенного в 1884-1886 гг. духовного училища. И.П.Бокарев был старостой этой церкви и “почетным блюстителем” училища.

Обратим внимание на то, что улица, которая в краеведческих материалах при упоминании строительства Почтово-телеграфной конторы называется Бокаревской, во время строительства этой конторы не могла называться Бокаревской. Во-первых, имя Бокарева улица могла получить только в конце XIX века - все общественные заслуги купца относятся к этому времени. Во-вторых, в материалах “Всеобщей переписи населения на основании Высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 г.” (в Тобольской губернии перепись проходила в 1897 г.) улицы Бокаревской нет, но есть улица Церковная, на которой находился кирпичный, крытый железом, дом Бокарева Осипа (Иосифа) Прохоровича, 44-летнего купца, родом из Владимирской губернии, Вязниковского уезда, хозяина мануфактурного магазина. Дом большой. В первой квартире этого дома жили: 1-а - Бокарев О.П. с женой, тремя дочерьми, двумя сыновьями, кучером и нянькой; 1-б - горничная с малолетней дочерью, кухарка, приказчик и “мальчик при лавке”. Всего 14 человек. Во второй квартире дома Бокарева жил “личный дворянин” Лещинский А.А., родом из Харькова, заседатель окружного суда, с женой, сыном, дочерью, нянькой, кухаркой и жилицей из Петропавловска - 7 человек. Из сказанного понятно, что урбаническим **Бокаревская** - вторичный к названию **Церковная**. На этой улице в 1881-1891 гг. построена Никольская (Николаевская) церковь, и вполне логично, что улица была названа Церковной. Как она называлась до этого наименования, пока не понятно. В Ишиме в XIX веке была и площадь Церковная, но располагалась она в другом конце города: в части 1-ой, квартале 1-ом (было такое деление города), в районе Богоявленского Собора, на этой площади стоял дом) караулка, в котором жил комендант “при винном складе”; винные подвалы в городе, как известно, находились по улице Береговой, в стороне от Собора, ближе к реке Ишим.

Посмотрим на Ишим 1919 года, в конце которого исчезли многие старые, естественные названия улиц города. Конечно, названия улиц, переулков, площадей любого города, в том числе и Ишима, говорили и говорят о многом, но и сами улицы различались, например, в том же 1919 году не только вывесками - названиями. Обратимся к документам. Читаем Объявление Отдела коммунального хозяйства города, утвержденное Ишимским революционным комитетом (ревкомом) 21 мая 1919 года: “...до всеобщего сведения граждан г.Ишима” доводится, что отделом “по рассмотрению вопроса о квартирной плате в частновладельческих домах” (Декрет ВЦИК об отмене частной собственности на недвижимость в городах был принят в 1918 году), ПОСТАНОВЛЕНО: Весь город разделить на 3 пояса. К 1-му поясу “приислить улицы: Старо-Сенную, Мало-Никольскую, Больше-Никольскую и Плац-Парадную, включая со всеми прилегающими переулками. Ко 2-му поясу: Больше-Черняковскую, Мало-Черняковскую, Старо-Больничную, Телефонную, Новую, Старо-Кладбищенскую, Широкую, Больше-Вокзальную, Омскую и замки. К 3-му поясу: Больше-Кузнечную, Солдатскую, Зеленую, Мергенскую, Суворовскую, Ново-Набережную, Заимочную, Киселевку, Больше-Садовую,

Мало-Садовую, Карасульскую от Широкой ул., и другие переулки”. (Орфография и синтаксис даются по документам - Е.Ш.). Согласно этому Постановлению каждый пояс “по оценке” квартир был разделен на две категории. К первой категории причислялись во всех поясах дома “все каменные и деревянные, как одно, так и двухэтажные и лучшие дома и ко 2-ой категории все остальные”. Подвальные и полуподвальные помещения причислялись к 3-му поясу 2-ой категории. Самыми дорогими домами были дома на четырех центральных улицах: Старо-Сенной, Мало-Никольской, Больше-Никольской и Плац-Парадной. Квартирная плата здесь в месяц за каждую сажень (2,13 м) составляла 18 руб. (1 категория) и 15 руб. (2 категория). В домах на улицах 2-го пояса плата была соответственно категориям 15 и 12 рублей, на улицах 3-го пояса - соответственно 12 и 10 рублей.

Смотрим другой документ: “Список воинских частей и учреждений, расположенных в районе города Ишима”. Гриф “Секретно”. “Список ...” не имеет даты, но судя по названиям улиц в нем и другим документам дела N 11, фонда 1, секретный формуляр вышел в ноябре-декабре 1919 года, когда ревкомы существовали в качестве самостоятельных органов советской власти и сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. По этому документу на улицах “с каменными и деревянными лучшими домами” располагалось военное командование. На **Большой Никольской**: дом N 22 - Полевое управление авиации 3-ей армии; дом N 21 - Управление военного полевого строительства; дом N 11 - Опродкомдив 51 (**Особый продовольственный комитет дивизии**); дом N 10 - командир роты N 53. На **Малой Никольской** находились: Опродкомдив N 30 (дом N 8), Уездчрезкомиссия (дом N 48), Эпидемический отряд N 2 (дом N 47) - на **Базарной улице** в здании женской гимназии работал Эпидемический отряд N 5. На этой же улице (Малой Никольской) в доме N 16 был Уездвоенком (**уездный военный комиссар**), Караульная рота при Уездвоенкоме квартировалась “рядом с почтой” (на **Бокаревской** или на **Старо-Сенной**). На **Хлебной** площади, дом N 6 - штаб 18 этапного батальона. 5 декабря 1919 года из с.Боровое прибыл в Ишим штаб 72 этапного батальона и “разместился по **Базарной** улице в доме N 58 рядом с женской гимназией” (Из сообщения командира 72 этапного батальона 3-ей армии Ишимскому ревкому). Воинские “казармы” дислоцируются в это время на улицах меньшей комфортности: **Солдатской** и **Зеленой** (Маршевая рота N 53), в Жиликовском поселке (Автомотоциклетная рота), в деревне “Серебренниково” (8-ая батарея 1-го дивизиона). Рота 71-го этапа квартировалась на **Старо-Кладбищенской, Карасульской, Малой Никольской** и **Новой** улицах. (Так как предметом данной работы не является дислокация воинских частей в Ишиме и Ишимском уезде в 1919 г. - это требует отдельного исследования, - ограничимся сказанным).

Согласно названному “Списку...”, учреждения власти занимали помещения также на центральных улицах. На **Базарной площади** в здании бывшей Земской управы отделы: социального обеспечения, (Положение СНК о социальном обеспечении трудящихся было принято 31 октября 1918 г.), народного образования, канцелярия Союза женщин. На **Базарной** улице (по другим документам - площади) в здании бывшей Городской управы - отдел коммунального хозяйства, жилищный и лесной отделы. На **Старо-Больничной** “в доме Священника” работает отдел труда, в доме “на углу Мало-Никольской и Мало-Садовой - отдел здравоохранения, на **Больше-Черняковской** улице - земельный отдел. Милиция располагается на **Базарной площади**, почта работает на углу **Бокаревской** и **Старо-Сенной**”.

Итак, по названному секретному документу мы можем представить себе жизнь некоторых центральных улиц Ишима в 1919 году. Но это, конечно, не все.

В Ишимском филиале Государственного архива Тюменской области есть сведения о поисках домов, квартир для размещения воинских частей в городе. Так, например, документом, зарегистрированным Ишимским реввоенкомом 07.12.19 г., комиссия по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости 30-ой дивизии извещает Ишимский ревком о своем прибытии в город: “штаб временно размещается на **Малой Никольской** улице, дом N 6”. В городе, как и во всей стране, “ходил” сыпной (военный, голодный) тиф - находим такие докумен-

ты. Из Управления начальника гарнизона, расположенного на улице **Старо-Больничной**, “д.Стельмановича N 32, РАСПОРЯЖЕНИЕ волостным исполкомам: “...составить списки переболевших сыпным тифом и со списками о семейном положении и препроводить их в Управление...”. Другой документ: Приказ Ишимской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с сыпным тифом: “Под карантин предназначены **Карасульская** улица и часть **Мало-Садовой**”. Еще документ. В ПРИКАЗЕ начальника гарнизона г.Ишима Сафронова и председателя комиссии по учету имущества в районе 30 дивизии Ауштрова: “1) Предписывается всем гражданам - владельцам всякого рода товаров и продуктов на складах, в амбарах, а также на квартирах в двух дневный срок дать о них сведения с точным указанием адреса их владельцев. 2) Гражданам, коим известно о нахождении продуктов и товаров как на складах и в амбарах, а также на квартирах обязаны дать о них сведения. Сведения эти сдавать в комиссию по учету имущества в г.Ишиме по **Мало-Никольской** ул. N 54. За неисполнение этого приказа виновные будут преданы в революционный трибунал”. (Приказ отдан в ноябре 1919 года). В докладе Ишимского уездного и городского Союза увечных воинов Тобольской губернии от 11 ноября 1919 года сообщается, “...что был куплен у И.К.Родионова дом для инвалидов по **Мало-Никольской** улице (N 72 - Е.Ш.) при условии рассрочки платежа”.

Несмотря на сложное военное, политическое и экономическое положение в 1919 г., Ишим жил не только этими общегосударственными трудностями, в городе были и признаки мирной жизни, например, объявления, приглашающие граждан города на собрания, митинги, лекции. Прочитаем некоторые из них.

“В воскресенье 23 ноября с/г в театре “Модерн” по **Базарной** улице в 12 часов дня устраивается митинг на тему “Что дала Советская Власть за два года”.

Просят всех рабочих Ишима п р и б ы т ь на митинг.

ПОЛИТОТДЕЛ УЕЗДВОЕНКОМА

г.Ишим, ноября 21 дня 1919 года”.

Другое, не менее, а может быть, и более интересное **объявление**:

“20 ноября сего года объявляется всем гражданкам от 14 лет г.Ишима П Р И Д Т И в магазин Кутырева по **Б-Никольской** ул. На собрании будет прочитана лекция по организации женщин “Жизнь рабы и жизнь свободной женщины”, “Что дала организация женщин и ее права в Р.С.Ф.С.Р.”

Присим тов. гражданок не опаздывать и забыть в этот день свой семейный очаг и придти к 4 часам на собрание.

Да здравствует свободная женщина.

Ревком”.

Было в городе объявление о том, что “21 ноября в 4 часа вечера по **М.-Никольской** угол **Базарной** ул., в помещении магазина Бр.Кутырева назначено общее собрание молодежи”. На собрание приглашалась молодежь “от 14 до 24 лет”, девизом собрания было: “В организации, объединении и просвещении сила молодежи”.

Как видим, в 1919 году город “жил” на улицах со старыми, много говорящими, но не современными для того времени названиями, и по законам ТОГО времени на карте Ишима должны были произойти изменения. И они произошли. В первые годы советской власти в Ишиме, как и в других городах Российского государства, начался процесс переименования городских объектов - процесс изживания из памяти народа того, что им было создано, прочувствовано, что было ему дорого. Изучая этот процесс, все больше убеждаешься, что новые, “навязанные”, названия отражают не столько историю страны, сколько идеологию власти. 23 ноября 1917 г. ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) и СНК (Совет народных комиссаров) приняли декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. 20 августа 1918 г. ВЦИК принял декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах. 2 февраля 1919 г. - Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах - Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (Разъяснение это Декрета гражданам Ишимского уезда было представлено Приказом N 139 Ишимского уездного революционного комитета от 17 июля 1920 г.).

Названные документы давали основания для того, чтобы на карте страны не оставались названия, отражающие историю народа. Начались переименования: например, г.Белоцарск стал Кызылом (1919 г.), Царевококшайск - Йошкар-Олой (1919 г.), г.Юрьев - Тарту (1919 г.) и т.д. Переименовывались улицы, переулки, так, в Москве исчезли названия Никольская и Денежная улицы, переулки Борисоглебский и Пожарский, площади Андроньевская и Театральная и т.д. В городе Ишиме этот процесс тоже начался. 22 декабря 1919 года на заседании Военно-революционного комитета наряду с докладами “заведывающих” отделами и вопросом “О выдаче пособия вследствие онуляции (аннуляции - Е.Ш.) денег” стоял вопрос “О переименованиях улиц”. Решением предревкома Томского, члена ревкома Катенева и “заведывающих” отделами труда, коммунального хозяйства, социального “обеспечения”, здравоохранения, упродкомиссариата, финансового и жилищного отделов были переименованы:

“бывш. 1. Больше-Никольская	- Республики
2. Мало-Никольская	- Луначарского
3. Старо-Сенная	- Пономаревская
4. Базарная площадь	- Октябрьская площадь
5. Базарная улица	- Советская
6. Двойниковская	- Крестьянская
7. Постниковский переулок	- Пролетарский
8. Бокаревская	- Красная
9. Плац-Парадная	- Просвещения
10. Б-Черняковская	- Петроградская
11. М-Черняковская	- Путиловская

Итак, первый акт несправедливости совершен. Но не последний. Следующее переименование будет утверждено Ишимским реввоенкомом 15 июня 1920 года. И снова - не последнее. При переименованиях улиц города в документах нет объяснений, почему та или иная улица должна поменять свое, историческое, имя, и только при более поздних переименованиях можно прочесть: “...а также принимая во внимание просьбу отдельных граждан города” или “...учитывая пожелания трудящихся” и т.п. Но об этом другой разговор. А в декабре девятнадцатого года в документах Реввоенкома улицы называются уже по-новому, например, в Постановлении N 9 от 29 декабря предписано “гражданам, служившим при Правительстве Колчака по Министерству финансов... зарегистрироваться в Реввоенкомитете по Октябрьской (Октябрьской) площади к 3 января с.г.”. В Обязательном постановлении N 124 от 24 мая 1920 года “Ишимский уездный революционный комитет обязывает всех проживающих в городе и уезде, латышей и эстонцев без различия пола возраста в пятидневный срок зарегистрироваться в отделе управления уездом. (Октябрьская пл. д. бывш. Лебединцевой)”.

Появились новые названия улиц, но старые не сразу уступили место этим новым, во многом идеологизированным наименованиям. Например, в конце декабря 1919 года, когда уже было подписано решение о новых урбанонимах, в официальных документах использовались старые названия. Так, 28 декабря в Ишимский ревком были представлены такие документы. В Акте Комиссии по подысканию квартир для госпиталей (в городе - тиф) от 28 декабря 1919 г. указано, “что наиболее подходящим помещением для лазарета является дом Перминова по **Мало-Никольской** (N 56 - Е.Ш.), каковой занимает У.Ч.К” (**Уездная чрезвычайная комиссия**). УЧК предлагалось перевести в дом N 22 по **Больше-Никольской**, где помещается канцелярия 18 этапного батальона (занимала 2 комнаты, остальные “занимаются квартирантам, в том числе и хозяевами дома”. Комиссия постановила: Для канцелярии предоставить дом N 5 Кузнецова по ул.**Мало-Никольской**, а для жильцов дома N 22 по **Больше-Никольской** предоставить дом N 7 Кузнецова по **Мало-Никольской**. В ответном Акте санитарная комиссия в составе помкомэббата (**помощника комиссара этапного батальона**) и членов - старшего врача Супранского, ветфельдшера Гурихина, “председателя бюро коллектива батальона Р.К.Б. Садакова (РКБ - **республиканская клиническая больница - Е.Ш.**) и других при-

знала дом N 5 по **Мало-Никольской** улице “для жилья негодным и абсолютно вредным для здоровья; почему расположить в нем штаб батальона не представляется возможным”. На основании Акта санитарной комиссии штаб батальона 18 был размещен в доме N 6 на **Хлебной** площади. Документ был составлен после 22 декабря, а названия **Большая** и **Малая Никольские** еще используются. Вероятно, решение Ревкома о переименовании некоторых улиц в конце декабря 1919 года еще не “работало”.

В документах Ишимского ревкома 1920 года не только до, но и после второго переименования улиц города, которое было в июне 1920 г., встречаются и старые названия, которые должны были исчезнуть после 22 декабря 1919 года. Так, в Приказе N 63 от 20.03.20 г. читаем: “31 марта 1920 г. к 10 ч. утра все лица, во владении коих имеются лошади и сани или хотя бы только лошади, обязаны явиться с ними в Трамвай (Транспортно-материальный подотдел - Е.Ш.) угол **Старо-Сенной** и Б.-Садовой для регистрации и получения значков на право езды по городу”. Еще одно “Обязательное” постановление (от 15 августа 1920 г.): Доводится до всеобщего сведения, что в Ишиме организован “льно-пенько-приемочный пункт”, канцелярия которого на **Базарной** площади. “Основание: Отношения Льно-Пенько Бюро от 11 сего августа N 163”.

Прошел первый этап переименований исторических названий улиц города, но осталось достаточно много “неудобных” ононимов - урбанонимов, как, например, Ново-Никольская, Казарменная, Гимназическая, Солдатская и другие. История продолжается...

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Ишим далекий - близкий: Научно-популярные очерки. Ишим: ИГПИ им.П.-П.Ершова, 1997.
2. ИФ ГАТО, ф.1, оп.1, д.3. 10, 11, 7.
3. ИФ ГАТО, ф.2, оп.1, д.453.
4. ИФ ГАТО, ф.15, оп.1, д.5.
5. ИФ ГАТО, ф.752, оп.1, д.155.
6. ТФ ГАТО, ф.417, оп.2, д.608, 610, 611.

ЛИКИ ПРОШЛОГО

История страны, история края, история города... Понятия несоизмеримые по масштабам, но в то же время дополняющие и питающие друг друга, существующие в неразрывном единстве. Пути истории извилисты и многообразны. Причем она, зачастую, предстает перед нами не только в изложении событий и фактов, но и через биографии людей. Одни из них были известны всей России и даже за ее пределами, другие были менее знамениты, но деятельность их в нашем крае не осталась незамеченной. Наша рубрика - о людях из прошлого, оставивших свой след в истории Ишимской земли. Страницы прошлого можно воспринимать и оценивать неоднозначно. Но историческая наука требует, прежде всего, объективности в показе событий "дней минувших". Постараемся следовать этому принципу.

Рубрику открывает статья московского исследователя Ф.М.Пашкова о Петре Онофриеве - полулегендарном основателе Коркиной слободы. Публикация Ф.М.Пашкова - итог его многолетней поисковой работы в Российском государственном архиве древних актов г.Москвы.

Совершенно неизвестные ранее сведения о жизни в наших краях предков знаменитого поэта-сказочника П.П.Ершова предлагает вниманию читателей краевед со ст.Маслянской учитель В.Н.Малышев.

Адмирал А.В.Колчак - одна из самых сложных и неоднозначных фигур в новейшей истории России. Потомственный русский моряк, знаменитый полярный исследователь, выдающийся флотоводец времен первой мировой войны - этот человек стал впоследствии вождем "белого движения" и "верховным правителем" России со "столицей" в Омске.

Непримиримый и беспощадный к тем, кого он считал врагами, - Колчак до конца своих дней не изменил своим идеалам, казавшимся ему единственно верными. О пребывании А.В.Колчака в Ишиме во время гражданской войны рассказал в своем очерке журналист А.И.Бучинский.

Петр Онофриев

В последнее время на странице “Собор” в “Ишимской правде” часто появляются биографии известных людей, живших в разное время в нашем городе. Приведем факты из жизни еще одного человека - основателя Коркиной слободы.

На вопрос исследователя Сибири Г.Ф.Миллера, когда и кто поставил Коркину слободу, управитель Ишимского дистрикта Матвей Соколов ответил, что слобода основана в 1687 году тобольским дворянином Петром Онофриевым.

Кто же такой Петр Онофриев (Анофриев)? В документах Сибирского приказа (высшего Российского учреждения, ведавшего делами Сибири в 17-18 вв.) и других учреждений того времени фамилия П.Онофриева встречается довольно часто. В просмотренных мной документах Сибирского приказа, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) с 1672 по 1710 г., она упоминается около 30 раз, что говорит о известности и активной деятельности П.Онофриева в эти годы.

Петр Онофриев родился в 1655 году. Судя по документам, начал свою трудовую деятельность в семнадцать лет юношей пешим казаком в Кузнецком остроге. В 1682 году мы встречаем его уже в Тобольске, где он просит выдать ему почему-то не выданное жалованье за 1672 год - 3 руб. 22 алтына, за 1674 год - 5 руб., за 1675 год - 29 алтын. В этом же году П.Онофриеву “велено быть в детях боярских” на месте умершего Федора Степанова, сына Черницына. Оклад Онофриеву при вступлении в “дети боярские” был “учинен из его Федора Черницына оклада 7 рублей в год”. В том же году ему установлено хлебное и соляное жалованье: “10 четей ржи, овса тож, 3 пуда соли”. Звание “сын боярский” присваивалось служилым людям за особые заслуги. Дети боярские - это мелкие дворяне, но которые занимали в Сибири довольно ответственные посты и выполняли важные задания. В именных книгах (списках) денежного, хлебного, соляного жалованья дети боярские шли первыми, с их более высокими окладами. За ними следовали сотники, пятидесятники, десятские и рядовые. Вероятно, П.Онофриев, будучи активным и энергичным человеком, хорошо проявил себя за десятилетие, выполняя поручения стольников и воевод тобольских, и сделал карьеру от рядового до дворянина.

В 1685 году П.Онофриеву с товарищами поручают доставить в Москву из Тобольска меховую казну. По прибытии в Москву Онофриев и прибывшие с ним стрельцы и казаки пишут царям Иоанну и Петру Алексеевичам челобитную, в которой просят выдать им жалованье, кормовые и прогонные деньги, а также просят не брать с них пошлину “за товаренку” - пушнину, принадлежащую лично им и привезенную “из-за нужы” для продажи в Москве, и еще просят выдать им сукна.

В свое время царем Алексеем Михайловичем был издан указ, по которому с прибывших из Сибири с меховой и другой казной служилых людей из-за трудной, дальней и долгой дороги не брали пошлину за привезенную и лично им принадлежавшую пушнину, стоимостью до 50 рублей. Кроме того, в качестве “премии” им выдавались сукна или другие ткани.

По данной челобитной П.Онофриеву выданы кормовые деньги 3 рубля на 2 недели по 8 денег на день, а стрельцам и пешим казакам - по 2 рубля с полтиной “корму” на 2 недели по 6 денег на день. И всем им выдано по 4 аршина сукна. Из ямского приказа команде велено выдать на 2 недели прогонные деньги на наем двух подвод до Тобольска, на одну подвод по рублю с деньгою.

В январе 1687 года П.Онофриев вновь в Москве “с соболиною казною и иной мягкой рухлядью”. С ним прибыли служилые люди Петрушка Куницын, Ивашка Ушинин, Федор Черцов. И вновь они обращаются к царям-государям, чтоб не брали с них пошлину “за привезенную с собою товаренку небольшую, что продать доведется про свою нужу”. В этот приезд Онофриев вновь пишет челобитную Иоанну

и Петру Алексеевичам и их сестре Софье, что у него “оклад 7 рублей, а есть убылые оклады”, и он просит “пожаловать меня, холопа своего, за мою службишку, что я служил вам, Великие Государи, в понизовых городах и посылан был из Тобольска с казною и работных людей наимывал на свои деньги. Велите, Государи, мне своего, Великих Государей, жалования к окладу моему прибавить из убылых окладов, как Вам, Великим Государям, Господь Бог известит. Великие Государи, смилуйтесь”.

По указу Великих Государей и по грамоте из Сибирского приказа боярина и князя Ивана Борисовича Репнина “с товарищи” П.Онофриеву к прежнему его окладу прибавлено из убылого оклада “тобольского сына боярского Федора Черницына два рубля” и хлеба 3 чети ржи, столько же овса, пуд соли. Из этого следует, что у сына боярского Федора Черницына полный оклад был 9 рублей. После его смерти 7 рублей его оклада были установлены новому сыну боярскому Петру Онофриеву в 1682 году и через 5 лет неиспользованные 2 рубля из убылого оклада Черницына вновь отданы Петру Онофриеву.

В 1689 году П.Онофриев вместе с другими детьми боярскими был послан на государеву службу сокольничим с Федором Алексеевичем Головиным с кормовыми деньгами по 3 деньги. В 1690 году он был послан в Иркутск. Возвратился оттуда со служилыми людьми, которых было 21 человек. С какой целью Онофриев ездил в Иркутск, из документов не видно.

В 1697 году Онофриев со служилыми людьми отправлен в низовые города по реке Лене с грамотой Великого Государя. Под его ответственность им выданы для продажи “каюк старый, парус старый же размером 169 аршин, варовых веревок на дратву и на нити 46 сажень старых, бечева новая белая, размером 34 сажени. В этой командировке Онофриев пробыл 2 года и возвратился из Якутска в 1699 году. По дороге домой с ним случился конфуз.

В те годы в каждом городе, слободе существовала таможня. Приезжавшие в город или выезжавшие из него с товарами обязаны были платить таможенную пошлину за эти товары. Петр Онофриев вез для себя мягкую рухлядь - 10 соболей. Но не желая платить таможенную пошлину, спрятал этих соболей в рукава кафтана. Однако бдительный таможенный голова Илимского острога Игнатий Барабанщиков обнаружил эту контрабанду и отобрал в казну Великого Государя. Таможенная цена этим соболям была установлена в 50 рублей. Испытал ли какой стыд при этом дворянин Петр Онофриев, документы об этом умалчивают. Но он, как говорится, это дело так не оставил.

В 1701 году, в очередной раз будучи в Москве с ясашной соболиной казной, П.Онофриев обращается с челобитной к Великому Государю, Великому Князю Петру Алексеевичу, в которой пишет: “в прошлом годе (1697 г. - Ф.П.) посылан я холоп твой ис Тобольска в Якуцкой с твоими Великого Государя грамотами и едучи дорогой купил я, холоп твой, в разных уездах и у всяких чинов людей про свою нужу шесть соболей с хвостами без пупков, четыре недособоля с хвостами же. И как я холоп твой поехал из Якуцкого Илимского уезду через Иркутскую заставу и на которой, Государь, заставе Илимской таможенный голова те мои соболи взял в твою Великого Государя казну и присланы те соболи к Москве в Сибирский приказ. А те, Государь, соболи купил я, холоп твой, до твоего, Государь, указу розницей. Милосердный Великий Государь... пожалуй меня холопа своего, вели те соболи или за те соболи отдать на Москве из Сибирского приказу мне, холопу твоему, по оценке деньги, чтоб мне от того в конец не раззориться. Великий Государь, смилуйся”. Здесь же приложено объяснение таможенного головы Игнатия Барабанщикова о том, что у Петра Онофриева “сыскано в кафтане в рукавах 6 соболей и 4 недособоля. Соболи за утайку взяты на Великого Государя бесповоротно”.

После сопоставления этих документов и разных указов Государя думный дьяк Андрей Андреевич Винюс приказал выдать сыну боярскому Петру Онофриеву за

взятые у него соболи 20 рублей, объясняя это тем, что “оне, дети боярские и служилые люди, бывают часто в дальних посылках года по два и по три и по четыре и оттого им чинятся раззорения..., а вышеписанную дачу дать ему половину деньгами, а половину - соболями. В этот раз Онофриев привез соболиную казну в Москву в сопровождении стрельца Федора Широкова. Вместе с ними в Москве были Тобольского Софийского дому сын боярский Козьма Главин и Тобольский посадский человек Якушка Лукин. За привоз казны П.Онофриеву в виде жалованья выдано два соболя на три рубля, а Федору Широкову тоже два соболя, но на два рубля. Так как Петр Онофриев и Федор Широков были неграмотными, в получении соболей по их велению расписался Козьма Главин.

В этот же приезд 1701 года по указу Великого Государя Петру Онофриеву выдано недостаточное жалованье за 1691, 1692 и 1693 годы “в оклад его на осьмнадцать рублей на тринадцать алтын на две деньги кумачом” П.Онофриев получил 18 кумачей по рублю и 20 алтын деньгами. Расписался за него в этот раз Якушка Лукин.

Но и это еще не все. В очередной приезд в Москву в 1707 году Онофриев вновь поднимает вопрос об отнятых у него в 1699 году соболях и в челобитной царю приводит новые резоны, пишет, что выданных ему в 1701 году за соболей 20 рублей мало, так как едучи из Якутска “для проезда своего заимывал для своей нужды и для прокормления разных чинов людей денег и ныне те мои заимодавцы правят нами и те мои заемные деньги, а мне за скудостью заплатить нечем”. И Онофриев просит царя выдать ему “сколь Господь Бог известит”, чтоб рассчитаться ему с неоплатными долгами и вконец не раззориться. Из Сибирского приказа в этот раз ему выдано 10 рублей. Всего, таким образом, Онофриев получил за соболей 30 рублей, хотя таможенная цена им была, как указано выше, 50 рублей.

Приезд П.Онофриева в Москву в 1707 году был последним, но и самым важным в его карьере: в этом году он был назначен приказчиком слобод Коркиной и Орлова Городища. Вероятно, выдача дополнительно 10 рублей за отнятых у него соболей как-то связана с этим назначением. Одновременно приказчиком Абацкой слободы назначался сын боярский Алексей Онофриев. Приведем полностью приказ о их назначении.

“1707 года мая в 7 день. По указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России самодержца, князь Матвей Петрович Гагарин с товарищи приказали тобольскому дворянину Петру, да сыну боярскому Алексею Онофриевым быть Тобольского уезду на приказах прикащиками до указа Петру в Коркиной слободе и Орлове Городище, а Алексею в Абацкой слободе. И будучи им в вышеписанных слободах тамочным жителям обид и налог никаких не чинить, а наказы им велеть дать из приказной палаты и о том в Тобольск ближним боярину и воеводам ко князю Михаилу Яковлевичу да к стольнику ко князю Алексею Михайловичу Черкасским и к дьякам послать Великого Государя грамоту.

Князь МАТВЕЙ ГАГАРИН”.

Еще раньше вышел указ о выдаче П.Онофриеву подорожной: “1707 года апреля в 26 день по указу Великого Государя и Великого Князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца стольнику Матвею Алексеевичу Головину с товарищи по его Великого Государя указу отпущен от Москвы тобольский дворянин Петр Онофриев в Сибирь в Тоболеск. А о даче ямских подвод с проводником ему, Петру, с Москвы через Казань, Кунгур и на Уткинскую заставу, Верхотурскими и Тобольскими слободами до Тобольска его Государя указ учинить в ямском приказе тебе стольнику Матвею Алексеевичу... о Петре по грамоте Великого Государя отпущен в Тоболеск с грамотами о нужных делах...”

Последний раз фамилию Онофриева мы встречаем в переписной книге слободы Орлова Городища (ныне с.Викулово) за 1710 год, где он указан как “прика-

щик” этой слободы и тобольский дворянин с семьей из 5 человек: он с женой и 3 дочери.

Итак, проследив карьеру Петра Онофриева с 1672 по 1710 годы, в том числе и за 1687 год, мы, однако, нигде не находим данных об основании им Коркиной слободы, на что указывал ишимский управитель Матвей Соколов. Это объясняется тем, что документы Сибирского приказа издавались большей частью в Москве, и они все сохранились. Документы же о розыске мест для новых слобод, распоряжения о строительстве этих слобод издавались на местах, в том числе и в Тобольске, и они, к сожалению, не сохранились. Вероятно, погибли при пожарах, которые в деревянном Тобольске были не единичны.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

РГАДА, ф.214 “Сибирский приказ”, д.1160, 1282, 1287, 1458.

В.Н.МАЛЫШЕВ

Ершовы в Приишимье

Еще в 1958 году я впервые познакомился с рукописным наследием создателя “Конька-Горбунка”, работая в Тобольском госархиве, в фондах Тобольского и Тюменского государственных музеев, выясняя роль Ершова в открытии декабристами школ по обучению детей. Как известно, Петр Павлович долгие годы служил в Тобольской гимназии и прошел путь от учителя до директора народных училищ губернии.

В следующем 1959 году после окончания университета удалось встретиться в читальном зале госархива Омской области с писателем В.Г.Утковым, известным уже тогда специалистом по творчеству поэта, и поиски по данному сюжету пришлось прекратить. Сейчас лишь можно сожалеть о том, какие архивные материалы остались невостребованными. В памяти за прошедшие десятилетия сохранилось немного, а сделанные выписки связаны преимущественно с историей Сладковского района. И все-таки автор обязан познакомить читателя с ними и сделать краткий источниковедческий обзор. Документы о Ершовых хранятся в центральных архивах Российской Федерации (Военно-историческом, архиве древних актов в Москве, государственном историческом архиве в С.-Петербурге), государственных областных архивах Тюмени, Тобольска, Омска, Перми и, возможно, в госархиве Северо-Казахстанской области в г.Петропавловске.

Предлагаемая статья содержит некоторые фактические материалы о жизни и служебной деятельности нескольких поколений предков нашего знаменитого земляка.

Ершовы происходили из многочисленной неопределенной по социальному составу группы служилых воинских людей Сибири 17 столетия. Нет оснований пока утверждать о принадлежности их к дворянскому сословию. В списках дворян Ишимского дистрикта (уезда) 18-начала 19 веков эта фамилия не упоминается. Только поэту, достигшему по службе в Тобольске чина 5 класса Табели о рангах, удалось получить потомственное дворянство. Начиная службу солдатами, они, как правило, достигали низших офицерских чинов. В последнем случае полагалось лишь личное дворянство, которое не переходило к их потомкам.

Прадед нашего талантливого земляка упоминается среди офицерского состава войск старой Ишимской укрепленной линии. В 1741-1754 годах она состояла из деревянных крепостей-острогов Царева Городища (Курган), Коркинской (Ишим), Абатской и тянулась до Чернолучья на Иртыше. Между крепостями располагались форпосты-небольшие укрепления, построенные в стратегически важных деревнях. Один из них был основан в деревне Безруковой, находящейся в 15 км от Иши-

ма. Команда Безруковского форпоста насчитывала 92 человека, а расположенная при нем деревня имела 46 душ мужского пола податного населения (1744 г.). Припоминается, встречал в одном из стародавних документов упоминание о том, что командиром этого отряда одно время был Ершов, но поскольку выписки не сделал по указанным выше причинам, уточнить этот факт предстоит будущим исследователям.

Дед поэта Алексей Ершов служил уже на новой укрепленной линии, построенной в 1751-1755 годах. Он имел чин прапорщика и занимался в конце военной карьеры обучением новобранцев в Сибирском драгунском полку крепости Святого Петра (г.Петропавловск). И возможно имя его осталось известным лишь узкому кругу сослуживцев, если бы не событие, всполошившее Сибирского губернатора и достигшее кабинета императрицы Екатерины II. Спустя 10 лет после крестьянской войны в Поволжье и Зауралье, казни “злодея” Емельяна Пугачева, назвавшего себя императором Петром III Федоровичем, в Сибири вновь стали циркулировать упорные слухи о том, что Петр Федорович жив, скрывается где-то на пограничной линии, а в степях собирается внушительное войско. Встревоженный этими вестями губернатор Евгений Петрович Кашкин из города Кунгура, где он предпочитал жить помимо стольного града Тобольска, специальным ордером 2 мая 1786 года распорядился исправникам Шадринского, Курганского, Ялуторовского, Ишимского уездов тотчас разыскать источник этих слухов. Прошло три месяца и комендант Петропавловской крепости Николай Саввич Федцев (генерал-майор, бывший Петербургский полицмейстер, занесенный в Сибирь дворцовыми переворотами) доложил Пермскому и Тобольскому наместнику Е.П.Кашкину о получении рапорта от командира Драгунского полка полковника Сверчкова о встрече его подчиненных с одним из таких злоумышленников. Разговаривали с ним новобранцы второй партии рекрутов, подчиненной прапорщику Ершову. Тогда затребован был спешно рапорт от самого Ершова, который 20 августа подробно изложил все обстоятельства “сею происшествия”.

Старший рекрут Ефим Незамаев с несколькими сослуживцами отпущен был “для надобности” в крепость Св.Петра, где они заглянули в Егорьевский питейный дом и встретили там знакомого крестьянина. Тот предложил им по чарке водки и под хмельком сказал великую тайну: “Молитесь, ребята, Богу! Государь Петр Федорович жив и я-де его видел”. Установить имя говорившего оказалось делом нетрудным. Это был участник пугачевских событий в Сибири, крестьянин Суерской слободы Петр Головин, он же Хрипунов, скрывавшийся от наказания по иртышским и ишимским деревням. Вскоре Хрипунова арестовали и осудили “накрепко содержать в сумасшедшем доме” Тобольска. Так фамилия Ершовых стала известна высшим кругам сибирской администрации, что возможно оказывало некоторое влияние на карьеру его сына Павла.

Отец поэта Павел Алексеевич служил тоже в войсках Петропавловской укрепленной линии. Затем он был выдвинут на значительный по тем временам пост-Омского капитана-исправника, то есть начальника полиции города и округа. А через два года его переводят в Ишимский уезд главой Черемшанского комиссариатства, центр которого находился в д.Безруковой. В его подчинении оказалось пять волостей - Жилияковская, Черемшанская, Боровская, Ларихинская и Гагарьевская. После Омска новое назначение было расценено В.Утковым как “крутое падение”. Может быть и так, но смущает одно обстоятельство. Безруковая оставила заметный след в жизни прадеда поэта, видимо, с ней не порывал его дед и отец. В одном из писем автор “Конька-Горбунка”, вспоминая о детстве, вскользь говорит “о старом скрипучем доме”, где родился, а родился он, как известно, 22 февраля 1815 года в Безруковой.

В.Утков пишет, что комиссар Ершов не имел никакого недвижимого имущества. Но в госархиве Омской области есть сведения и о доме Ершовых в Безруковой, и о

налаженном хозяйстве, с которым управлялись его дворовые люди. В том же документе упоминается даже о доме Ершова в самом Ишиме (1818 год), то есть спустя несколько лет после перевода из Безруковой, когда Павел Алексеевич работал в другом, Петропавловском комиссариатстве. Вот что сообщал Ишимский исправник Каргопольцев генерал-губернатору И.Б.Пестелю 11 мая 1818 года: “В полночи в 5 часов мая 10 числа из калмык дворовый господина коллежского секретаря Павла Алексеевича Ершова человек Николай Самсонов поехал из дому господина своего в городе Ишиме на двух запряженных в телегу с насыпанным в оную ячменным хлебом лошадях в село Безруковское Ишимской округи, и при выезде из города... оные (лошади) побежали обратно к дому и ...смяли идущую дорогой ишимской округи Жиляковской волости деревни Епанчинской крестьянскую женку Ирину Колобову, которая тогда же и померла”. С Ишимом, возможно, связано и венчание с будущей матерью поэта.

Ефимья Васильевна Ершова происходила из богатого купеческого рода Пиленковых. Корни этого рода тоже тесно связаны с Приишимьем. Прадед, Семен Пиленков, “стоял у продажи казенной соли и вина” в Усть-Суерском остроге Ялуторовского дистрикта (1771-1775гг.). В 1776 году объявил капитал и записался в купечество. В 1777 году избирают его “ларешным у продажи вина и соли” в Коркинскую слободу, в 1780 году - в гильдейские старосты. В это время у него было в Тобольске уже две лавки “с немецкими и московскими товарами”. Онн ездил постоянно на Иркутскую и Макарьевскую ярмарки (последняя была в Нижегородской губернии). А когда возвели Коркинскую слободу в ранг города (Ишим), “баллотировался” в гороской магистрат и был избран ратманом. Все эти сведения почерпнуты из некролога в “Тобольских губернских ведомостях” в связи с кончиной внука его, почетного гражданнинна Тобольска, купца первой гильдии, коммерции советника Николая Степановича Пиленкова - дяди матери поэта. Петр Павлович Ершов совмещал в те годы (1858 г.) работу в гимназии с нештатной должностью редактора неофициальной части газеты. И хотя некролог опубликован без подписи, авторство поэта не подлежит сомнению. Кто как не он мог знать подробности семейной родословной!

В качестве ремарки заметим, что у колыбели нового города стояли довольно известные в Сибири люди. Среди них были: комиссар Архип Рокецкий (1772 г.); титулярный советник, он же заседатель уездного земского суда Александр Плотников, участник подавления пугачевщины в Сибири городничий Салманов, воинские чины, переведенные на гражданскую службу, - прапорщики Федор Лужков и фон Паскау, поручик Андрей Еголмбовский, капитаны Василий и Антон фон Голлинберхи, толмач (переводчик) Федор Танатаров, потомок известного со времен Ермака рода служилых татар. Земским исправником определен Николай Маврин - прямой отпрыск опального камергера Екатерины I Семена Афанасьевича Маврина, сосланного в Сибирь “птенцом Петровым” А.Д.Меншиковым. Не будем перечислять их заслуги перед страной и нашим краем. Они зафиксированы в послужных списках, хранящихся до сих пор в архивах Тобольска, Омска, Москвы и Петербурга.

Вернемся к Пиленковым. Некоторые из далеких потомков именитого купца оставили свой след в Приишимье. К примеру, на рубеже 19-20 веков работал учителем в Сладково, Лопазном, Старой Маслянке Матвей Михайлович Пиленков, а его сын Евгений на заре советской власти преподавал в Катайской, Травнинской, Никулинской школах Сладковского района. Все изложенное показывает, насколько прочны были корни поэта на нашей земле.

Павел Алексеевич вскоре получил новое назначение. Он стал Петропавловским комиссаром. В подчинении его оказались иные волости уезда: Ильинская, Казанская, Красноярская, Сладковская, крепости Полуденная и Лебяжья, редуты Гагарий, Скопин, Плоский. Это значительная территория, входящая теперь в

Тюменскую и Омскую области, Северный Казахстан. Должность комиссара была весьма хлопотной. Она включала в себя обширный круг обязанностей: ответственность за благосостояние крестьянского населения, контроль за урожайностью хлебов и развитием скотоводства, содействие местным органам самоуправления и, наконец, правоохранительные функции. Месяцами приходилось бывать в разъездах. Особенно много сил и времени отнимало расследование так называемых происшествий. Для иллюстраций приведем факты за последнюю треть 1815 года, относящиеся к одной только Сладковской волости. Помимо сбора сведений об итогах сельскохозяйственного года, состояния погоды и так далее Павел Алексеевич расследовал в сентябре причины пожара на заимке крестьянина д.Малый Куртал Якова Аржиловского, 18 октября - пожар в доме Спиридона Рачева в деревне Гляден, в ноябре вместе с “медицинским чиновником” - скоропостижную кончину крестьянина Ивана Дорофеева в д.Остропятовой. Медицинское заключение о последнем, восьмидесятилетнем старце, гласило, что “смерть наступила от согнания легкого”. Последняя сторона деятельности комиссара Ершова прослеживается подробно по его собственным донесениям, а также сельским его сообщениям в рапортах ишимского исправника Балашевича сибирскому генерал-губернатору Пестелю. Они хранятся в государственном архиве Омской области.

В летние месяцы Павел Алексеевич брал с собой в поездки семью. Они останавливались обычно в Сладково, где жили преданные им Самсоновы. История этого крестьянского рода раскрывает еще одну грань бескорыстия Ершовых. Часть своего скромного жалования комиссар тратил на выкуп захваченных в плен кочевниками людей. Впрочем, так поступал его отец и дед. Традиция, характерная для лучших представителей служивого сословия пограничных войск, восходит к 17 столетию, когда правительство стало отпускать из казны “полотняничные деньги” на возвращение из плена российских людей. По архивным данным Ершовыми был выкуплен калмык, которого при крещении нарекли Самсоном. Благодарный за освобождение, он отказался покинуть своего благодетеля. Затем выкуплено было еще несколько человек, которым по традиции стали давать фамилии Самсоновых. Некоторые были приписаны к крестьянам села Сладковского и дали впоследствии продолжение родов Евгеньевых, Ивановых, а потомок одного из них в честь Павла Алексеевича принял фамилию Павлов. Ершовы не гнушались состоять в духовном родстве с “новокупленными людьми”. Вот одна только запись 1817 года: “Родилась Екатерина. Села Сладковского у крестьянина Ивана Самсонова. Восприемники - Петропавловского частного комиссара Павла Ершова сын Николай и крестьянина Ивана Самсонова же дочь Агафья”.

Обо всем этом поведали нам метрические книги Сладковской церкви. А спустя несколько лет Петропавловский комиссар сменил должность. Его снова перевели исправником в Омск. Ершовы навсегда покинули Приишимье.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. РГАДА, ф.350, оп.2, д.3512, л.102.
2. ГАОО, ф.1, оп.1, д.241; ф.2, оп.1.
3. ГАПО, ф.316, оп.1, дд.127,149,157.
4. ИФ ГАТО, ф.12, оп.1, д.4, л.261.
5. Сладковский районный архив ЗАГС, метрические книги Сладковской церкви 1900-1904 гг.
6. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. - Тобольск, 1900.
7. Тобольские губернские ведомости, 1858. - N 5, отд.II.
8. Бурмин В. Тобольские дни П.П.Ершова//Омский альманах. - Омск, 1940.
9. Дворяшин Ю.А. На родине автора народной сказки //Очерки истории Ишима. - Ишим, 1993.

10. Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири//Вопросы географии. - 1953. - N 31.

11. Утков В.Г. Гражданин Тобольска. - Свердловск, 1979.

А.И.БУЧИНСКИЙ

Крест власти

Александр Васильевич Колчак стал человеком-легендой еще при жизни. И хотя в последнее время исследователи и писатели пытаются доподлинно проследить каждый шаг великого гражданина России, полярного исследователя, адмирала флота, Верховного правителя России, каким титулом он был наделен в 1918 году, тем самым они делают этот светлый образ еще более загадочным.

В сентябре 1918 года адмирал Колчак приехал как частное лицо из Харбина в Омск.

“Я намерен пробраться в добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексеева и Деникина”, - так обосновал свой приезд генералу К.В.Сахарову Колчак. Однако судьба распорядилась иначе. Человек, которого любила Россия, стал 18 ноября 1918 г. Верховным Правителем России. Не он придумал этот громкий титул. Он не боролся за власть. Политические распри в Правительстве привели к решению отдать всю полноту власти военному человеку. И лучшей кандидатуры, чем Колчак, было не сыскать.

Первым отреагировал на этот шаг министров генерал Деникин: “Какой патриотический поступок, какая высота! Действительно, видно, русские люди объединились, чтобы спасти Родину: нет места для личных честолюбий”.

Сам же адмирал обратился к населению со следующим воззванием:

“Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Адмиралу Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности.

Главной целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам”.

В первых числах января 1919 г. к адмиралу прибыл священник, посланный Патриархом Тихоном с фотографией Св.Николая Чудотворца с Никольских ворот Кремля. Священник был в костюме бедного крестьянина с мешком на спине. Кроме крошечного образа, с большим риском для жизни священник пронес через большевистский фронт и письмо от Патриарха Тихона, зашитое в подкладке крестьянской свитки.

Как рассказывает личный адъютант Колчака ротмистр В.Князев, ему удалось наскоро “выхватить” части из этого письма.

“Как хорошо известно всем русским и, конечно, Вашему Высокопревосходительству, перед этим чтимым всей Россией Образом ежегодно 6-го декабря в день зимнего Николы возносилось моление, которое оканчивалось общенародным пением “Спаси, Господи, люди Твоя!” всеми молящимися на коленях. И вот 6-го декабря 1917 г., после октябрьской революции, верный вере и традиции народ Москвы по окончании молебна ставши на колени запел: “Спаси, Господи...” Прибывшие войска и полиция разогнали молящихся, стреляя по Образу из винтовок и орудий. Святитель на этой иконе Кремлевской стены был изображен с крестом в

левой руке и с мечом в правой. Пули изуверов ложились кругом Святителя, нигде не коснувшись Угодника Божия. Снарядами же, вернее осколками от разрывов, была отбита штукатурка с левой стороны Чудотворца, что и уничтожило на Иконе почти всю левую сторону Святителя с рукой, в которой был крест.

В тот же день, по распоряжению властей антихриста, эта святая Икона была завешена большим красным флагом с сатанинской эмблемой. Плотной прибит по нижнему и боковым краям. На стене Кремля была сделана надпись: "Смерть Вере - Опиуму Народа". На следующий, 1918 г., 6-го декабря, собралось множество народу на молебен, который, никем не нарушимый, подходил к концу! Но, когда народ, ставши на колени, начал петь "Спаси, Господи!" - флаг спал с Образа Чудотворца. Атмосфера молитвенного экстаза не поддается описанию! Это надо было видеть, и кто это видел, он это помнит и чувствует сегодня. Пение, рыдания, вскрики и поднятые вверх руки, стрельба из винтовок, много раненых, были убитые...и... место было очищено. На следующее раннее утро по Благословию Моему Образ был сфотографирован очень хорошим фотографом. Совершенное Чудо показал Господь через Его Угодника Русскому народу в Москве в 1918 г. 6-го декабря. Посылаю фотографическую копию этого Чудотворного Образа, как мое Вам, Ваше Высокопревосходительство, Александр Васильевич - благословение - на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси. Прошу Вас, усмотрите, достопочтимый Александр Васильевич, что большевикам удалось отбить левую руку Угодника с крестом, что и являет собой как бы показатель временного попрания веры Православной... Но карающий меч в правой руке Чудотворца остался в помощь и Благословение Вашему Высокопревосходительству, в Вашей христианской борьбе по спасению православной Церкви и России".

И удача на первых порах действительно сопутствовала Колчаку. Образ хранил адмирала от покушений на его жизнь, от опрометчивых решений. Народ Сибири, еще не отравленный большевистской агитацией, верил в Колчака. Генерал К.В.Сахаров в своей книге "Белая Сибирь" писал:

"Когда за адмиралом А.В.Колчаком шли массы, несли под его знаменем в жертву долгу свои труды, кровь и жизни, - людей охватывал порыв и вера в то, что вождь откроет народу возможность приближения к его, народным, идеалам права, правды и справедливости. Других вождей в то время не было и быть не могло, ибо народ монархичен не на словах, а на деле. До какого предела это могло дойти, видно из следующего: почти всегда, когда адмирал Колчак приезжал в армию, ко мне являлись начальники проходящих частей, дивизий, полков и батарей с просьбой, чтобы Верховный Правитель вышел к войскам; их солдаты просили: "Покажите нам того, за кого Россия воюет". Крестьяне в Сибири и в Забайкалье называли адмирала в период успехов армии: "царь Колчак".

12 августа 1919 г. в газете "Ишимская жизнь" было опубликовано воззвание от Комитета по организации Ишимского добровольческого отряда "Истинные сыны России"! Главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант Дитерихс, находясь в это время в Ишиме, разрешил обществу домовладельцев, по ходатайству последнего, сформировать конно-добровольческий отряд для борьбы с большевиками, назначив начальником отряда полковника Григорьева.

Федору Максимовичу Пашкову, живущему теперь в Москве, удалось отыскать в центральных архивах столицы интересные документы времен гражданской войны. Они свидетельствуют, что в Тобольской губернии в то время были сформированы: 25-й Тобольский, 26-й Тюменский, 28-й Ялуторовский и др. полки. Из них следует выделить 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. Он входил в состав 4-й Сибирской стрелковой дивизии. О численности полка говорит тот факт, что для его размещения в момент переброски к месту сражения требовалось семь эшелонов по 42 вагона (294 вагона). Это был один из наиболее активных полков. Его фундаментом стал Первый Омский офицерский отряд, сформированный сразу же после

свержения большевистской власти в Омске 7 июня 1918 г. Благодаря энергичной и настойчивой деятельности первого командира полка Н.Н.Казагранди он вписал в свой актив немало славных побед: 14 июня была взята Тара, 22-го - Тобольск, 10 июля проведена разведка по рекам Тобол и Тавда, а 20 июля взята Тюмень, 25-го - Туринск, 1-го августа - Ирбит и т.д.

Июль-сентябрь 1919 года Ишим становится Ставкой Командующего Восточным фронтом. Здесь сосредоточились все его подразделения. А главнокомандующим Восточной группой армий и боевой флотилией Генерального штаба был назначен генерал-лейтенант Дитерихс. Это тот самый генерал, который позднее с разрешения Колчака в специальном поезде отвезет на английский крейсер "Кент" для сохранности все вещи, оставшиеся от Царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге, тщательно собранные русскими людьми; целый вагон реликвий.

Бывал в Ишиме и Колчак. Несколько дней он провел в августе перед началом крупномасштабного (и последнего) наступления на восток. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевезти их эшелонами за 250 верст в тыл на реку Ишим, в район г.Петропавловска. Здесь начали проводить спешные меры подготовки к наступлению, срок которого был определен секретным приказом на первые дни сентября. 1-я и 2-я армии сосредоточились в районе между реками Тобол и Ишим, куда они были стянуты генералом Дитерихсом еще в конце июля. Здесь эти армии, образованные из того, что осталось от прежней Сибирской армии, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный вид и приготовиться к новому наступлению.

Последний раз, как утверждают документы, Колчак находился в Ишиме 30 сентября. "Он посетил лазареты Красного Креста и наградил лежащих на излечении раненых воинов Георгиевскими крестами. В 5-м этапном лазарете вручил Георгиевские кресты 4-й степени трем сестрам милосердия, это были Валентина Бабыкина, Галина и Людмила Мясниковы. При отъезде из г.Ишима Верховный правитель поблагодарил Красный крест".

1 ноября большевики вошли в Ишим.

Много бы отдали исследователи, чтоб узнать, что думал адмирал, останавливаясь на постоялом дворе Ещенко в этом провинциальном городишке Сибири. Существует здесь немало красивых легенд о "наезднике в белом на белом коне", "о любви Колчака к черноглазой". "Черноглазая" якобы "ворвалась с казачками выволочь из-под ареста своего суженого". Это только лишний раз убеждает, что народ пристально следил за своим любимцем. Обречены быть героями единицы, наиболее яркие и цельные личности.

А говоря о любви Колчака, следует отметить, что вряд ли его гражданская жена Анна Тимирева была когда-то в Ишиме (хотя это и не исключено, ведь до Омска было рукой подать). Из воспоминаний капитана французской разведки Пьера Бержерона мы узнали следующее: "она старается держаться в стороне от его дел. Чаще ее можно встретить в швейных мастерских, где шьют обмундирование для армии, или в американском госпитале, выполняющей самые непрезентабельные работы по уходу за ранеными. Но даже в этих обстоятельствах свойственная ей изящная царственность не покидает ее". "В ней сказывается выработанная аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества. Но я убежден, что аристократизм - понятие не социальное, а в первую очередь духовное".

"Как мне стало известно, она близка с Адмиралом еще со времени своего замужества, но даже теперь, когда сама жизнь освободила их от прежних обязательств и свела вместе, связь их не бросается в глаза, с таким тактом и деликатностью они оберегают эту связь от посторонних взглядов. Увидеть их вдвоем большая редкость".

"Впервые я увидел ее рядом с Адмиралом на одном из приемов, и меня поразило

их внешнее сходство. Если бы до этого мне не был известен характер их отношений, я принял бы их за брата и сестру или, по крайней мере, за людей, состоящих в близком родстве: тот же взгляд, та же осанка, та же порывистость, тот же Восток, облагороженный славянской мягкостью. Так зачастую начинают походить один на другого муж и жена после долгой жизни под одной крышей. Но у Адмирала с Тимиревой не только сходство, но даже явные различия удивительным образом дополняют друг друга. Глядя на них со стороны, невольно приходишь к мысли, что раздельно они просто немислимы. Я еще, помнится, думал тогда не без сожаления: “Кто знает, что их ждет впереди: царство или бесславная гибель?”

А их ждала тяжелая участь. Анна Васильевна не расставалась с Колчаком до самого его последнего часа. Чтобы разделить с ним участь, она сдалась властям, представившись гражданской женой Колчака. Сидела в той же тюрьме, в одной из соседних камер. Встречались на прогулках во дворе Иркутской тюрьмы. Последняя записка, полученная ею от него в тюрьме, гласила: “Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось - только бы нам не расставаться”.

Она слышала, как его уводят, видела в волчок двери его серую папаху среди черных людей. Его расстреляли 7 февраля 1920 года. Много легендарного, как и много небылиц, можно найти о последних минутах его жизни. Скажем одно: умер он достойно, как подобает тому человеку, которого любила благодарная и благословенная Россия, и которую любил он - беззаветно и преданно.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Сахаров К.В. Белая Сибирь. - Мюнхен, 1923
2. Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). - Лондон, 1930
3. Ишимская жизнь. - 1919 г. - 12 авг.
4. РГВА Фонд 39636, Опись 1, д.44, 22, 17
5. Князев В.В. Жизнь для всех и смерть для всех. - Монреаль, 1971.

МУЗЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

В этом разделе альманаха мы намерены знакомить уважаемого читателя с музеями Ишимского края, с их разноплановой работой, а также с организаторами и сотрудниками этих музеев, с их подвижнической деятельностью.

Провинциальный музей - городской, районный, сельский, являет собой целый мир, своеобразный "микрокосмос", в котром очень "камерно", самобытно преломляется картина исторического бытия родной земли. Пожалуй, только провинциальный музей может представить слитное, концентрированное отражение прошлого и настоящего сибирской "глубинки" - в единстве культуры и истории, географии и этнографии, археологии и натурологии.

Музей провинциальный не есть второстепенный и менее значимый, чем музей столичный, потому что среди его экспонатов можно встретить бесценные сокровища, свидетельствующие о величии национального духа.

Г.А.Крамор в своем "историческом этюде" поведал о первом ишимском краеведческом музее. В жизни города это было целое явление, в чем-то представлявшее примету времени (20-30-е г.г.), но при всем том настолько яркое и уникальное, что легенды о первом музее живут в городской среде и по сей день.

Из старинного сибирского города Ялуторовска прислан материал Н.М.Шестаковой, сотрудника музейного комплекса, в котором рассматривается история семьи Анисимовых. Для нас статья представляет несомненный интерес тем, что один из представителей рода Анисимовых был первым владельцем типографии в г.Ишиме.

Первый ишимский музей (исторический этюд)

Повелась с конца прошлого века на Руси милая традиция - устраивать в каждом городе или селе, пусть даже малом, свой музей. Явление примечательное. Организуют и возглавляют эти музеи чаще всего энтузиасты-бессребренники, чудаки и романтики, поэтизирующие прошлое своего края и знающие биографию каждого дерева и камня. Про собрания таких "кунсткамер" даже трудно сказать: экспонаты. К ним неприменима научная классификация. Они не воссоздают эпоху "исторически". Но есть в них нечто, наверное, более существенное. Каждый музей - миф своего основателя, его собственное переживание минувшего, та "напряженная реальность" (А.Ф.Лосев), в которой он духовно существует. Выставленные в витринах предметы окружены легендами и преданиями, и сам собиратель при жизни становится легендой, не отделимой от собрания. Такие музеи умирают вместе со своим мифотворцем, теряя "душу", превращаясь в склад пыльных экспонатов, "костей времени".

Поэтому о первом ишимском музее говорить практически невозможно: от него не осталось даже этой "костной" материальной составляющей. Он сам, как миф, ушел в небытие, оставшись только яркой картинкой в памяти тогдашних детишек (а ныне пожилых горожан) и сохранившись в редких строчках архивных документов. И последующее изложение (как и, в какой-то мере, всякая историческая реконструкция) - скорее компиляция разрозненных, с трудом выживших в борьбе со временем фактов, объединенных вокруг такого явления как "ишимский музей".

Двадцатые традиционно считаются "золотым десятилетием" краеведения, лишеном идеологической нагрузки. По всей стране было открыто более двухсот пятидесяти музеев; энтузиасты объединялись в кружки и общества под девизом "Изучим нашу прекрасную Родину!" Эта волна не минула Ишим. Кроме общества краеведения (увы, формального) по инициативе председателя горсовета Федора Прокопьевича Пыжова 1 октября 1923 года организуется "Краевой Музей". Но дальше прописных букв в названии и двух пустых комнат на первом этаже Дома Советов (ныне корпус ц 1 ИГПИ) дело не двинулось. Первый "заведывающий" Валентин Викторович Николаев, пребывая на неких курсах в областном центре, нимало не заботился о мертворожденном дитяти. Фактически деятельность нового учреждения политпросвета, находившегося в ведении отдела народного образования (как и все культурные заведения), началась с назначения 1 августа 1924 года на должность заведующего Г.В.Левина.

О Георгии Владимировиче Левине, "чудаке и романтике", известно крайне немного. Ишимский старожил Н.П.Столяров вспоминает, что мать Левина, Анастасия Эдуардовна Гельцер, преподавала в школах города немецкий язык и давала уроки игры на фортепиано. Об отце неизвестно ничего; сам Г.В. иногда подписывался "Левин-Гельцер". Те же воспоминания рисуют нам облик героя гражданской войны, командира пулеметного взвода с орденом на груди, раненного в обе ноги и оттого прихрамывающего, и с неизменным пенсне на переносице. Жил он в домике на территории горсада. Возможно, учительствовал некоторое время, хотя соответствующее образование вряд ли имел (в то время был большой дефицит педагогов).

Новому руководителю пришлось вскоре определить основные направления работы: возрождение деятельности общества краеведения, постановка на учет окрестных курганов и городищ, составление коллекции почв и зерновых культур округа с организацией выставки, посвященной сельскому хозяйству, сбор гербария, восстановление переписки с Центральным бюро краеведения и... "придание более этичного вида" помещению музея, теперь располагавшемуся в трех комнатах бывшего дома Якова Скорюка (нын. ул.Ленина,3). Левин - единственный сотрудник музея - сам выполнял обязанности директора, экскурсовода, научного работника, занимался поиском и сбором экспонатов и даже выдывал чучела.

Вехой в жизни музея стал 1925 год, когда в Ишим прибыли сосланные "за принадлежность к монархической группировке" сотрудники нескольких крупных музеев страны (среди них - Владимир Алексеевич Комаровский и Алексей Александрович Пазухин). Сотрудничество с ними многое дало Левину, не имев-

шему опыта музейной работы. Так, именно в этом году заводятся картотека и каталог экспонатов, появляются "отделы". Музей был чрезвычайно популярен среди населения округа, занимавшего тогда весь нынешний юг Тюменской области. Вход был бесплатным. Самые частые посетители - конечно, школьники.

Наладить активную деятельность городского и районного обществ краеведения Левину так и не удалось. Возможно, трудно было заечь людей "малополезным" рвением изучать родной край без финансовой поддержки. Тем не менее летом 1926 года силами музея были произведены раскопки в Абатском районе, в результате которых в музее появились бронзовый топор, каменные орудия труда и охоты. Из Богоявленского собора была "изъята" уникальная вырезанная из дерева статуя Николая Чудотворца (существовавшая наверняка со времен основания Коркиной слободы). На учет было взято 3 городища и 30 курганов, намечались раскопки на Кучум-горе, а также вскрытие могилы "одного из первых жителей г.Ишима, киргиза Бай-Мухамета", как о том сообщалось в газете. В планы музея вошли сбор фольклора с записью "наречия жителей", исследование архивов и разнообразная лекторско-просветительская деятельность. Проводились ли отложенные на будущее раскопки - неизвестно, но через некоторое время в музее появились ставшие легендарными в памяти ишимцев шлем и кольчуга времен покорения Сибири.

В скобках стоит упомянуть об одном событии тех лет, отношении к которому музея не вполне ясно. Именно - об издательско-краеведческом "буме", выходе трех книг, посвященных истории и тогдашнему состоянию хозяйства округа. Первая - книга бывшего учителя, управляющего делами окрисполкома Якова Бирюкова "Наш край Ишимский округ", изданная весной 1926 года ишимским отделением общества "Долой неграмотность". Обаятельно дилетантская и написанная в свободной манере, с использованием разнообразных источников, эта небольшая книжка в 86 страниц - ценный документ эпохи. Вслед за ней вышли книги: Тимофея Даниловича Корушина, бывшего комиссара печати, заведующего отделом пропаганды и агитации окркомпартии - "Дни революции и строительства в Ишимском округе (1917-1926)", и - под его же редакцией, в 1927-м - "10 лет советской власти в Ишимском округе (1917-1927)", изданные окружной комиссией по изучению истории октябрьской революции и коммунистической партии.

Вскоре музей постигло крупное бедствие - переезд в помещение бывшей купеческой лавки на Октябрьской площади, рядом с электростанцией (ныне снесено). Столь шумное соседство неблагоприятно отражалось на здании: стены трескались, штукатурка осыпалась. Зимой температура стойко держалась ниже нуля. Настойчивые просьбы Левина об улучшении положения музея оставались без внимания. Сам музей разместился всего в одной комнате размером пять на восемь метров. Тем не менее работа продолжалась. Судя по отчетам, при музее существовал краеведческий кружок, проводились занятия с юными натуралистами. Экспонаты распределялись по четырем отделам: палеонтологическому (в 1929 г. - 56 экспонатов), историко-археологическому (33), быта и экономики края (1304), зоологическому (136). Современники вспоминали коллекции нумизматики, старинные печатные издания, экспозицию по маслодельной промышленности края.

Последний отчет музея, скрепленный круглой печатью с надписью "Ишимский краеведческий музей. Г.Ишим Уральской области", датирован 22 сентября 1929 года. Вскоре его неожиданно закрывают, а 20 ноября в его помещении открывается столовая. Экспонаты были фактически выброшены на улицу. Левин уезжает в Петропавловск, затем работает в Свердловской области, где и становится в 1937 году жертвой репрессий. Его двенадцатилетний сын Владимир остался в Ишиме на попечении бабушки.

Однако в последующие несколько лет останки музея были чьим-то тщанием собраны и выставлены на втором этаже здания по ул.Пономарева,39. Директор, некая Доронина, явно не считала краеведение своим призванием. На дворе был 1935 год.

В июне этого года в Ишим возвращается Александр Павлович Струнин, двадцати пяти лет от роду, сын рабочего - сушильщика элеватора. Он закончил школу второй ступени, год отработал учителем, в 1929-32 гг. являлся литсотрудником "Серпа и молота", заодно исследуя историю края; сам писал очерки

и стихи. После службы в РККА проработал 8 месяцев в “Каменском рабочем” - и, появившись в родных пенатах, попал в самый водоворот событий: в Ишим приехал представитель Омского бюро краеведения Г.Белозеров с целью организации здесь (как и в других городах области, тогда - Омской) межрайонного оргбюро. ОБК тогда занималось проблемами хозяйственного освоения края: поиска полезных ископаемых, изучения водоемов, а также комплексным обследованием всех районов. В меньшей степени уделялось внимание историческому аспекту. Те же цели ставились перед оргбюро, созданным 19 июля с участием представителей администрации и общественности. Однако работа пошла никак. Назначенный на должность инструктора бюро по краеведению Струнин не переставал жаловаться на финансовые препятствия - и в ноябре в поисках заработка для семьи оставил работу. Но - не краеведение.

В апреле того же года в музее появилась новая личность - Дмитрий Гаврилович Субботин, молодой человек, происхождение и род занятий которого остаются загадкой. Судя по сохранившимся письмам его в ОБК, образованность и, возможно, качества характера Субботина могли бы быть и выше. Довольно скоро он вошел в конфликт с Дорониной, и та в октябре была уволена “за несоответствие должности”. Став директором, Субботин со Струниным затевают “реорганизацию” музея, но зрелость ее плодов оставляет сомнение. И все же в это время музей снова становится одним из центров культурной жизни города. Субботин пытается наладить работу краеведческих кружков в школах города; организуется “шлюпочный поход” по реке Ишим, во время которого школьники нарыли из песка гору древних костей.

Впрочем, музей утратил и всякую научную основу. Рядом безболезненно размещались как бесценные экспонаты, так и имевшие к истории отношение недалекие. Тут можно было встретить кости и бивни мамонта, носорога, бизона, чучела местных птиц и животных (включая памятную ишимцам голову кабана), на стенах висели ржавые кандалы и цепи, уже упомянутые шлем и кольчуга длиной до пояса, железная булава. Местной детворе запоминалось изобилие разнообразных монет и бумажных денег и большой, более полуметра в длину, макет “острога”, выполненный узниками ишимской тюрьмы царских времен. Как курьез, в витринах были выставлены россыпи южных раковин, собрание стальных перьев и заспиртованные “уродцы”, невеста откуда взявшиеся. Георгий Петрович Кузурманов вспоминает прекрасную коллекцию яиц птиц нашего края из шести десятков, которую у него также приобрел музей. В письмах Субботина упоминается еще и “алтарь” (возможно, престол из закрытого храма - или все та же статуя). Тот же Г.П.Кузурманов рассказывал о выкрашенной в красный цвет модели трактора “Фордзон”. Немалая часть этих экспонатов досталась “в наследство” от Левина. В 1937 г. райлесхоз передал в музей “Геометрический план Тобольской губернии города Ишима” 1813 года. А во дворе некоторое время жила живая косуля, которая должна была положить начало местному зоосаду - “уголку Дурова”. Теперь это кажется лишь милой глупостью, как и усилия вступившего в оргбюро местного энтузиаста мичуринского движения Евтихия Ключева по одомашниванию дикого волка с целью выведения могучей породы овчарок.

Полное отсутствие работы оргбюро краеведения заставило ОБК слегка встряхнуть ишимцев в связи с планировавшимся изданием комплексного описания хозяйства Омской области. 28 октября 1936 года заместитель председателя ОБК С.Р.Лаптев проводит собрание с участием научной и административной “элиты”, на котором распределяются обязанности: географический раздел описания Приишимья создает профессор Аркадий Антонович Смолич (он же - руководитель работ), раздел промышленности, торговли и транспорта - некто И.А.Рябков из Нархозучета, сельскохозяйственный - агроном Капустин, историко-культурный - Струнин, описание населенных мест - Сергей Илларионович Дремин, директор педучилища. Распределение было обоснованным: Смолич, бывший профессор Белорусского государственного университета, сосланный в свое время в Ишим, уже подготовил летом работу, посвященную зоне лиственных лесов и займищ Ишимо-Вагайского междуречья; с ней он, возможно, выступал в Омске. Струнин, в свою очередь, составил “Заметки по истории города Ишима”, созданные на основе книг Бирюкова и Корушина, а также своей работы в местном архиве, где тогда еще хранились манускрипты XVIII-XIX вв. (в т.ч. “Ревижские сказки” 1810-х гг.), позднее переданные в облархив. Эти

заметки потом хранились в музее и, вероятно, многие краеведы потом пользовались ими. Некоторые факты Струнин опубликовал в “Серпе и молоте” в 1937 году. А в 1938-м, будучи дважды уволен из редакции “за политические ошибки в газете”, он навсегда покидает Ишим. 10 лет Струнин проработал ответственным секретарем газеты в Каменске-Уральском, где и скончался в 1948 году.

Тридцать седьмой был роковым и для ишимского краеведения. В январе арестован “троцкист” Дремин, возглавлявший оргбюро; в июне - Смолич. А в августе, согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 10.06.37, ликвидируется ОБК с возложением руководства на органы народного образования, которое и прежде к краеведению относились как к неприятной обузе. В мае на место уехавшего из города на учебу Субботина приходит некто О.И.Хаменкин, сделавший вывод: “краеведения нет, а также и председателя”, - и заодно обвинивший своего предшественника в расхищении экспонатов и финансов. В 1939 году музеем руководил уже Ф.Коротаев, который вел переписку с директором Омского краеведческого музея А.Ф.Палашенковым, собиравшим материалы по истории области и братским могилам времен гражданской войны. В 1939-40 годах ишимское краеведение пережило небольшой всплеск, связанный с именем Михаила Ефимовича Бударина, будущего историка и доктора исторических наук, опубликовавшего свои заметки о прошлом в “Серпе и молоте”.

С началом войны для музея наступили тяжелые времена. В его помещение - а с 1937 года он располагался в ныне снесенном доме по ул.Ленина (тогда - Сталина), ц 28, с обширным экспозиционным залом - временно, в связи с размещением в Ишиме эвакуированных госпиталей, перевели Дом пионеров. Экспонаты были складированы в тесной комнатке. После войны музей еще некоторое время функционировал (известно имя последнего директора - Николай Рыжак), пока примерно в 1952 году не был окончательно расформирован. Наиболее ценные экспонаты ушли в музеи Тобольска, Тюмени и Ялуторовска; другие “осели” в школьных музеях, откуда постепенно переходили в руки коллекционеров. Статую Николая Чудотворца еще в начале 80-х можно было заметить на хорах Никольской церкви, откуда она бесследно исчезла.

Такова - схематично - печальная судьба ишимского краеведения первой половины века. Подлинный его расцвет был только впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. - М.: Отечество, 1994.
2. Серп и молот. - 1926. - ц 67. 3. Серп и молот. - 1937. - ц 175.
4. ГАОО, ф.1074, оп.1, д.120. 5. ГАОО, ф.2200, оп.1, д.88.
6. ИФ ГАТО, ф.2, оп.1, д.453.
7. ИФ ГАТО, ф.127, оп.1, д.56.
8. ИФ ГАТО, ф.127, оп.1, д.106.
9. ИФ ГАТО, ф.127, оп.1, д.270.
10. ИФ ГАТО, ф.127, оп.1, д.398.
11. ИФ ГАТО, ф.127, оп.2, д.206.

Н.М.ШЕСТАКОВА

Семейный альбом рассказывает

В фондах Ялуторовского музейного комплекса хранятся интересные документы, связанные с историей семьи Анисимовых, которая оставила яркий след в истории города и бывшей Тобольской губернии в XX в. Их передал в музей Лев Сергеевич Анисимов - ветеран труда, житель города Ялуторовска.

Среди фотографий особое внимание привлёк портрет молодого человека с внимательным взглядом ясных глаз, вьющимися волосами над широким лбом, усами и бородкой. Рассказ Льва Сергеевича и переданный в краеведческий музей дневник его отца Сергея Ивановича подтвердили, что на снимке Иван Васильевич Анисимов - дед дарителя. На обороте фотографии рукой Ивана Васильевича сделана надпись:

Сибирь
г.Ялуторовскъ
Тобольской губернии
Ивану Васильевичу Анисимову
через Ивановское волостное правление:

- 59 -

Сверху этого текста другим почерком подписано “Исполнен портрет в Швеции”. Возникает вопрос, почему снимок был отправлен через Ивановское волостное правление. Ответить на него, а также установить возраст Ивана Васильевича на портрете, помог дневник С.И.Анисимова.

Иван Васильевич Анисимов родился 1 мая 1860 года в Курганском уезде. Его отец Василий Кондратьевич и мать Матрена Филипповна вместе с Иваном, его братом Константином в 1873 году переехали из с.Марайского Курганского уезда в д.Александровку Ивановской волости Ялуторовского уезда. Здесь Василий Кондратьевич купил в кредит водяную мельницу вблизи села по речке Юрге с небольшим деревянным пятистенным домиком.

Старший сын Иван учился в Кургане, где “стоял на хлебах” у знакомого отца Колмогорова за то, что обучал его детей. По окончании уездного училища Иван Васильевич вернулся домой к отцу в д.Александровку. Но пробыл недолго, так как отец считал, что двум сыновьям дома нечего делать и отправил старшего Ивана на службу в с.Боровлянка на стекольный завод. Иван Васильевич устроился там в качестве конторщика. Затем Анисимов служил управляющим у купца I гильдии Смолина в Кургане, по поручению был в Швеции.

В 1885 году не стало главы семьи Василия Кондратьевича, Матрена Филипповна начала сама управлять делами. До начала военной службы ей помогал младший сын Константин. Старший жил в то время в Ишиме, владел типографией.

После смерти брата (около 1894 г.) Иван Васильевич, чтобы помочь матери в деревне, переехал в Ялуторовск, куда перевез свою типографию. В типографии Анисимова печаталась “Крестьянская газета”.

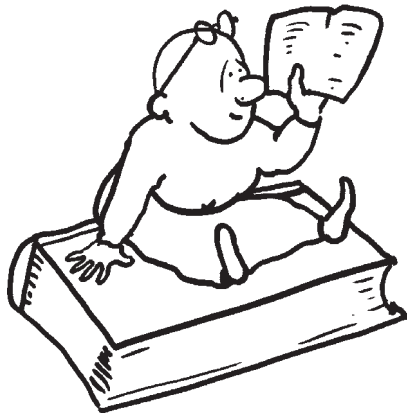
В период I русской революции 1905 года в Ялуторовске возник кружок саморазвития, целью которого было способствовать умственному и нравственному развитию своих членов. Устав кружка был утвержден 27 ноября 1905 года. Основателем кружка был учитель Красногорской начальной школы Ялуторовского уезда Тимофей Павлович Белоногов, впоследствии профессиональный революционер. Председателем кружка был избран Герасимов, секретарем Владимир Васильевич Филипов, один из служащих типографии Анисимова. Среди активных членов кружка был и сам Иван Васильевич, а также его дети Елена и Сергей. Членами кружка были сосланные из Нижнего Новгорода в 1897 году Шишкин Василий Федорович, Третьяков Александр Тихонович, Волков Павел Васильевич (ветфельдшер), Мясникова Варвара Петровна - учительница.

Кружок держал крепкую связь с Петербургом, Читой, Москвой, Н.-Новгородом. В типографии Анисимова печатали революционные прокламации, газету “Пролетарий”. На занятиях кружка выступали политические ссыльные, обсуждали прочитанные в запрещенных газетах материалы, отмечали 100-летие Пушкина и маевки в роцце Декабристов. Знакомы были с Манифестом Николая II от 17 октября 1900 года.

Деятельность кружка была настолько заметна в г.Ялуторовске, что исполняющий должность уездного исправника Бирюков дал распоряжение провести обыск у видных членов кружка. Обыск был произведен 20 февраля 1906 года в 12 часов ночи; отобрали все революционные документы, брошюры, письма. Члены кружка Иван Васильевич Анисимов и его сын Сергей были арестованы. Некоторое время они находились в Ялуторовской пересыльной тюрьме, а затем были сосланы в административную ссылку в Березов на три года.

В фондах музея хранится уникальный предмет - дневник Ивана Васильевича, который он начал вести в Ялуторовской тюрьме и продолжал во время ссылки. Иван Васильевич Анисимов провел в Березово три года, затем вернулся в Старо-Александровку без права выезда. До конца своих дней Иван Васильевич оставался энергичным человеком, много работающим. Скончался в 1914 году, в с.Александровка.

Его сын Сергей Иванович после окончания ссылки вернулся в Ялуторовск, где служил электромехаником в фирме “Кульберг и К”, контора которой находилась рядом с мемориальным домом декабриста М.И.Муравьева-Апостола. Дочь Ивана Васильевича Елена, в замужестве Жадько, закончила Тимирязевскую Академию, работала агрономом в Белоруссии. Внук Анисимова Лев Сергеевич - ветеран труда, участвовал в строительстве Ялуторовского лесозавода (1933-1934 гг.), был стахановцем, ударником труда, награжден медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны, в настоящее время проживает в Ялуторовске.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ЛЕТ МИНУВШИХ

На страницах старых печатных изданий остановилось само Время... Оно запечатлелось и в архаичном шрифте, и в иллюстрациях, представляющих совершенно иной мир. Забыты или полузабыты имена авторов. Но для Истории нет, пожалуй, более значимого материала, чем газеты и журналы-современники далекой эпохи. Они были разные - столичные и провинциальные, либеральные и консервативные. Одни издания выпускались в свое время в Приишимье, другие печатались в больших городах, но при этом находили достойными внимания своего читателя события, которые происходили в Ишимском крае. В этой рубрике мы намерены знакомить вас с материалами старых газет и журналов, воспроизводя их полностью или в изложении наших авторов.

О Н.И.Палопеженцеве известно мало. Он жил в Тобольской губернии во второй половине XIX века, занимался, главным образом, вопросами народного просвещения, публиковался не только в местных печатных изданиях, но и в столичных, в частности, в журнале "Нива". Предлагаем вашему вниманию статью Н.И.Палопеженцева о Безруковской церкви. И журнал и сама публикация в ц 46 за 1898 год являются в настоящее время библиографической редкостью.

Ю.А.Дворяшин из Сургута повествует об ишимском периодическом издании 20-х годов нашего столетия - сатирическом журнале "Медведь".

В статье И.В.Курышева события периода гражданской войны в Ишиме и Ишимском уезде показаны в контексте их отражения в газете "Ишимский край".

На родине автора “Конька-Горбунка”

В шестнадцати верстах от сибирского городка Ишима, известного своей богатой зимней Никольской ярмаркой, по большому сибирскому тракту, на берегу речки Карасуля приютилось сельцо Безруково. Оно не велико и не богато и вытянулось в одну улицу невзрачных деревянных домишек; до чугушки жители его, благодаря тракту и ярмаркам: ирбитской, крестовской, ишимской и абатской, промышляли, главным образом, “кнутиком”, т.е. ямщиной и извозом. Ныне не то: почта мало работает, товары и пассажиры перебрались на чугушки, ярмарки стали меньше, и “кнутику” пришлось плохо, а мужички, как сказочные братья, поневоле принялись “сеять пшеницу да возить во град-столицу”, благо

*“...столица та была
Недалече от села”.*

Для безруковцев и Ишим, несомненно, казался столицей: они “там пшеницу продавали, деньги счетом принимали”, но “с набитою-ль сумой возвращались домой”, - неизвестно. В Ишим в ярмарку заводилось так много теплых углов, а по базару и в этих углах кишело так много разного жулья и обиженного судьбою люда, что иногда не только набитой сумы, но и самого хозяина в наличности не оказывалось... Он находил себе вечное упокоение или в проруби, или в сугробе, а в более остроумных случаях и в дымовой трубе жилища какого-либо мирного обывателя (бывали и такие несчастные случаи и сравнительно недавно), а домишки безруковцев все косились да косились, чернели да чернели...

Углубляясь далее в глубь времен, к началу нынешнего столетия, мы видим, что деревушка Безруково знавала когда-то и лучшие времена: она была, шутка сказать, резиденцией г.комиссара, а комиссар в старинные времена был не последняя спица в административной колеснице. Если вспомнить, как жили еще недавно сибирские земские заседатели, то без греха против истины можно предположить, что Безрукова в своих стогнах, в гостях у своего комиссара, видывала всех представителей тогдашней ишимской администрации, начиная с блаженной памяти капитан-исправника, городничего и стряпчего и кончая секретарями и понытчиками; слыхивала, вероятно, и музыку, и для увеселения господ неоднократно сама певала свои тоскливые сибирские песни, водила хороводы и отплясывала, и вместе с тем с жадностью ощущала приятный запах из комиссарской кухни. Вероятно, от веселой трапезы богатых кое-что попадало и безруковцам, в роде бумажных рублевок, серебряных четвертачков и трудовой понытчичьей гривны за песни и пляски и другие удовольствия, может быть, менее скромные, но не менее приятные... Все это, впрочем, было давно и давно уже былшем поросло.

Вот в эту-то деревушку в конце пятидесятих годов, когда она уже утратила свое столь важное административное значение, нежданно-негаданно прикатил какой-то важный губернский чиновник и потребовал старосту. Староста перетрусил-таки немало: знал он отлично, что с чиновниками шутки плохи; но губернский сановник обошелся с ним вежливо, расспрашивал о безруковцах, о их нуждах и, наконец, спокойно сказал ему:

- Вот что, братец, собери-ка ты мне сегодня сход.
- Собрался сход. Явился на сход и чиновник.
- Здравствуйте, старички!
- Здравствуйте, батюшка, ваше благородие! - слышалось со всех сторон, и закивали разные головы всех форм, цветов и оттенков.
- А что, братцы, разве вы меня не узнаете? - спросил приезжий.
- Глядят во все глаза мужики, а узнать не могут.
- А не помните ли вы комиссара Павла Гавриловича Ершова? (отец П.П.Ершова
- Павел Алексеевич Ершов - прим. ред.)

- Как не помнить, помним. Да ты уж не сынок ли его, Петруша? - слышались голоса.

Подались вперед пятидесятилетние Силантии, Петры, Никиты, смотрят на Петрушу: - точно он, да только и постарел же он и обрюзг. Начались воспоминания. Силантий спрашивает (а сам боится, неравно барин осерчает):

- А помнишь, я тебя поколотил?

- А помнишь, - слышится голос Петра: - я чуть с крыши не слетел, баринато, тятки-то твоего, испужался?

И не было бы верно конца этим разговорам с важным баринком, если бы не заговорил он о цели своего приезда.

- Так вот, братцы, вспомнил я свое гнездо и хочу на том месте, где дом наш стоял, церковь поставить! Помогите, братцы, приговор к архиерею напишите и мне дайте, а сам я уже остальное устрою!

Зашумел сход: как приговор дать, вдруг еще деньги после потребуют? Долго убеждал их приезжий, что денег с них не потребуют, что будет он церковь строить на свой счет и что попа им выхлопочет. Шумели-шумели, наконец согласились и вручили приезжему приговор.

Приезжий чиновник был не кто иной, как знаменитый автор "Конька-Горбунка", Петр Павлович Ершов, директор училищ Тобольской губернии.

Хлопотать Петру Павловичу пришлось не мало. Тут же был куплен дом его отца, перешедший уже во владение к одному крестьянину. Приехав в Тобольск, Петр Павлович тотчас же отправился к преосвященному Феогносту. Этот почтенный старец-епископ не сразу благословил благие намерения Петра Павловича, поставляя на вид массу препятствий и между прочим главное, что ни один священник не согласится поехать в такой нищенский приход, как Безруковский. Петр Павлович обещался сам найти священника. Предсказания преосвященного сбылись: голодать никому не охота, - все отказывались от Безрукова; наконец, натолкнулся Петр Павлович на дьякона Петропавловской церкви о.Агафонова. Соглашался ехать о.дьякон, да опять беда: говорит, что экзамен ему ни за что не выдержать. С радостью спешит Петр Павлович к преосвященному, просит за о.дьякона. Преосвященный, благодаря усиленным просьбам, благословляет и постройку церкви, и о. дьякона во священника.

"В такой приход ладно-де и без экзамена, ступай, служи!"

Посвятили о. дьякона, выстроили дом для него в Безруковой и послали новую церковь строить. Строит батюшка, есть ему хочется; а доходов и на самое необходимое не хватает, но Петр Павлович его не забывает: то чаю-сахару пошлет, то гарусу на рясу, то сапоги, то башмаки матушке. Года два или больше уже строилась церковь, как стряслась новая беда: Петр Павлович получил отставку, и поневоле пришлось ему помощь свою по постройке сократить, как это ни тяжело ему было; а вскоре он и умер. Крестьяне дальше уже достраивали церковь сами, семь лет строили, сначала ее берестой покрыли, да так в ней и молились, после и тесовую крышу завели.

Вот каким образом возник на месте рождения поэта каменный храм во имя св.Петра Столпника, - памятник его доброты и любви к своей несчастной родине, законченный, впрочем, постройкой уже спустя семь лет после его смерти. В настоящее время в честь П.П.Ершова воздвигнуто два памятника: один, только что описанный, на месте его рождения, другой на его могиле, в Тобольске. Не знаю, заросла ли "народная тропа" к могиле того, чей "Конек-Горбунок", вероятно, в безчисленных экземплярах облетел матушку Русь, и с жадным вниманием и любовью читается и слушается русским народом; другой же памятник, на месте его рождения, известен только безруковцам - не известен он ни народу, ни интеллигенции, и даже биограф Ершова в своей обширной работе не обмолвился о нем ни словом (по всей вероятности, А.К.Ярославцов - прим. ред.).

Ишим и Ишимский уезд в 1918 г. на страницах газеты “Ишимский край”

Весной 1918 г. в Западной Сибири заметно активизировалась деятельность антибольшевистских сил. 25 мая 1918 г. вспыхнул чехословацкий мятеж, положивший начало ожесточенной и кровавой гражданской войне в Сибири. Он начался почти одновременно с антибольшевистскими выступлениями во многих местах Западной Сибири в мае восемнадцатого года. 5-6 июня 1918 г. в течение двух суток длился ожесточенный бой красногвардейских отрядов с белогвардейскими и чехословацкими частями под ст. Марьяновкой. 7 июня пал Омск.

Получив тревожное сообщение о падении Омска, большевистское руководство, ишимский уездный исполком приступили к спешной, лихорадочной эвакуации, и в ночь на 9 июня 1918 г. красногвардейские части оставили Ишим, быстро откатываясь на запад.

Первый историк революционного и советского строительства в Ишимском округе Т.Д.Корушин отмечал: “Красногвардейский отряд не успел еще отступить, как уже в городе сформировался вооруженный отряд буржуазии. В то время, когда тронулся поезд с красными по направлению в Тюмень, со стороны города было дано несколько залпов по отъезжающим. Это был первый выстрел ишимской буржуазии против Советской власти”.

С падением Советской власти в Ишиме прекратила и свое существование газета “Известия Ишимского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”. Вместо нее вскоре, в конце июня 1918 г. в г.Ишиме начала издаваться ежедневная, прогрессивная, общедоступная газета “Ишимский край”, ее ответственным редактором являлся И.Горин. Объявляя подписку новой газеты, редакционный коллектив подчеркивал: “Являясь беспартийным прогрессивным органом, наша газета стоит на платформе народоправства, ставит главной задачей обслуживание и защиту интересов широких трудовых масс”. В меру своих возможностей, несмотря на давление со стороны военных властей, редакция газеты следовала воплощению провозглашенной задачи.

Как и многие сибирские газеты в гражданскую войну, “Ишимский край” отводил на своих страницах значительное место узаконениям и распоряжениям Временного Сибирского правительства, приказам и заявлениям военных властей, коменданта города, сводкам о работе Ишимского уездного земства, сообщениям о внутреннем и международном положении России, рекламно-торговым объявлениям.

Но что особенно важно, “Ишимский край” показывал на своих страницах широкую, многокрасочную панораму жизни Ишима и Ишимского уезда в период трагического безвременья, запечатлел чаяния и нравы людей, существенно изменившиеся под влиянием экономической разрухи, гражданской войны. Народное лихолетье с обескураживающей ясностью обнаруживало себя, например, в таких объявлениях: “Жилыковская волостная земская управа просит граждан г.Ишима и уезда, не пожелает ли кто взять в дети ребенка подкидыша девочку, находящуюся в управе, или на прокормление за вознаграждение”. Или: “Настоящим довожу до сведения граждан города и уезда, что согласно распоряжения Министерства Продовольствия все запасы соли подлежат учету, а поэтому прошу все фирмы, кооперативы и частных торговцев, как города, так и уезда, срочно дать мне точные сведения о наличии имеющейся у них соли. (...)”.

Нравственное опустошение, моральная усталость, смутные представления о будущем, пьянство приишимской деревни просматриваются из такого объявления: “На основании обязательного постановления Уполномоченного Отдельного Сибирского корпуса в Тобольской губернии.

Гражданин с.Боровского той же волости В.И.Швах арестован при милиции на 2 недели за буйство в нетрезвом виде.

Гражданин деревни Малой-Ченчеры, Ларихинской волости Антон Власов Середа арестован при тюрьме на 2 недели за выгонку самогонки”.

Гражданская война характеризовалась не только ожесточенными сражениями на фронтах, но и разгулом невиданной преступности, грабежи и хулиганство были тогда рядовым явлением. В частности “Ишимский край” приводил такое сообщение: “В деревне Стрехниной 9 августа у гражданина Черепанова ограблена кузница. В той же деревне у гражданина Богданова похищено 100 пудов пшеницы и 30 пудов овса. Часть вещей Черепанова и Богданова найдена в поселке Алексеевском. В последних числах августа в деревне Симановой произведена крупная кража: украдено много вещей первой необходимости. Потерпело 8 домохозяев. Виновные найдены и привлекаются к ответственности”.

На учащение грабежей, даже в дневное время, жаловались и жители привокзального поселка в сентябре 1918 г.

Не были редкостью и случаи злостного хулиганства. В отчетах о 2-м экстренном уездном земском собрании, помещенных в газете, например, отмечалось, что в сельской местности только выстроился новый мост, как он тут же поджигается; решено было принять суровые меры против “поджигателей”.

По городу и уезду циркулировала масса слухов, часто противоречащих друг другу, которые военные власти в лице коменданта города штабс-капитана С.Бажаева считали распространяемыми “темными и злыми элементами” (“о каких-то наступлениях красноармейцев и приближении их к Ишиму, о массовых заболеваниях со смертными случаями среди новобранцев и молодых солдат и т.п.”).

В статье “Слухи” некто И.Тарасов сообщил о “маленьком бунте” новобранцев, причиной которого, по мнению автора, послужили массовые (заболело одновременно 300 человек) инфекционные заболевания среди молодых солдат. Новобранцы стали “ругать по-русски” офицеров и направились назад домой, но военные власти и милиция нашли зачинщика, которого и расстреляли. Так был силой восстановлен порядок.

Военное лихолетье, неподдающаяся определению хозяйственная разруха вызвали в жизни людей массу непредвиденных, трагических последствий. “Черная година” принесла больше всего страданий многоликому среднему человеку. В частности, “Ишимский край” рассказывал о вспышке холерных заболеваний в южных волостях уезда. “Много смертных случаев в Беловской, Утчанской и Петуховской волостях. В деревне Жидках, Утчанской волости ежедневно умирают 3-5 человек; здесь устроен карантин. По слухам наблюдаются такие случаи: работает семья в поле, вмиг заболевает и с поля их привозят уже мертвых. Медицинской помощи недостаточно и единственная надежда на холода, которые быть может приостановят это страшное нашествие”.

С первых своих номеров “Ишимский край” носил остро полемичный, публицистичный характер, выступая с беспощадной критикой нараставшей, как снежный ком, спекуляции, аморальных деяний представителей торгово-промышленных кругов. Газета смело сравнивала спекуляцию со стороны торгово-промышленников с чудовищным спрутом, пожирающим Россию.

В одном из сентябрьских номеров газеты было опубликовано письмо в редакцию под выразительным названием “Сколько хотим, столько и берем”: “В прошлую субботу крестьянин деревни Берендеевой, Тушнолобовской волости Василий Викторович Болдырев явился в лавку Мещерякова для покупки чая. Когда Мещеряков сказал ему, что 1/2 кирпича стоит 30 рублей, Болдырев просил несколько сбавить, ибо эта цена чрезвычайно велика. На это г.Мещеряков ему ответил: “Это дело наше. Сколько хотим, столько и берем. Теперь большевиков нет!” (...).

Автор продолжает: “Приведенный факт в достаточной мере иллюстрирует ту

беспримерную наглость, до какой дошли спекулянты. “Сколько хотим, столько берем”, - вот доминирующий лозунг мародерской вакханалии. Бесстыдство в проявлении низменных животных инстинктов растет и ширится и кажется возведено на пьедестал соревнования друг с другом. Грани понятий между добром и злом стерты, а известные принципы права и справедливости признаны излишним, ни к чему не нужным балластом, для мародерской рати. Где предел этому, один Аллах ведает.

Вероятно только то, что в большинстве оказывает воздействие на животное, окажет воздействие и на спекулянтов. (...)

“Ишимский край” выступил с резкой критикой ишимских купцов, организовавших “торгово-промышленный союз”, называя их “благодетелями”. “Население волком выло от бешенных цен и безтоварья, - подчеркивала газета 24 сентября, - а купцы, организовавшись, еще более почувствовали свою силу, посмеиваясь нажимали кнопку, пустив в ход всю свою изворотливость.

Операция удалась, купцы нажили вместо 8 копеек около 50 копеек на рубль в год, процент не дурной. (...) ...Лозунги, как большевиков слева, так и большевиков справа - одни. Первые говорят: грабь награбленное, а вторые - грабь трудовое. Разница только в том, что большевики слева грабили открыто; а большевики справа грабили под сурдинку, а результат один!..”

В следующем номере “Ишимский край” в статье А.Серкова сообщал более конкретные сведения о характере и содержании махинаций ишимского купечества (в частности, об обмене чая на шкурки горностая). “Главарь большевиков справа дружно жили с главарями большевиков слева, - отмечала газета. - При ревизии в делах Союза найдена расписка знаменитого председателя Совдепа большевиков Карякина на 320 рублей в получении взятки под видом суточных в расходах по счету рыбы, каковая сумма и проведена по книгам Союза. (...)”

Как отрадное, позитивное явление, несмотря на тяжкий груз безвременья, видели авторы “Ишимского края” пробуждение творческих сил приишимской деревни. 19 октября газета сообщала, что в настоящее время в селениях открыто уже 25 изб-читален, вокруг которых группируется наиболее сознательная часть крестьянства. Причем, крестьяне “весьма сочувственно относятся к организации читальных изб”. В поселке Новосельском Евсинской волости население постановило даже построить особое здание для читальной избы и решило приступить сразу к его постройке. Жители поселка Катасоновского Карасульской волости постановили благодарить Ишимское уездное земство за открытие у них избы-читальни. Крестьяне целого ряда селений просили земство снабжать их не только газетами, но и дельными книгами по сельскому хозяйству, по разумному устройству государства.

Как практически и во всей Сибири, постоянно увеличивалось в Ишимском уезде и количество культурно-просветительных обществ и кружков, возникших по инициативе самих крестьян. Именно они несли в деревню свет знания, просвещая ее, облагораживали помыслы и поступки крестьянина.

Указывая на неизбежные трудности в культурно-просветительской, земской работе, газета отмечала: “Население привыкло, чтобы с него брали, ничего не давая взамен, а потому до его сознания подчас бывает трудно довести, что земство, собирая налоги с населения, их же возвращает ему только уже в другой форме - в форме школ, медицинских пунктов, читальных изб, библиотек”.

По справедливому мнению “Ишимского края”, существенным препятствием на пути справедливого и разумного государственного устройства, успешного претворения социально-экономических преобразований являлись произвол и незакония со стороны правящей бюрократии на местах. Газета присоединялась к резкой критике ряда демократических печатных изданий Сибири, высказанной по поводу жестокого самоуправства военных властей, учинивших суровые репрессии в соседнем Тюкалинске и уезде.

В редакционной статье подчеркивалось: “Такое положение ни в коем случае нельзя назвать “твердой властью”. Это самый настоящий произвол и безвластие, между тем как строгая согласованность в системе центра и провинции будет являться показателем истинной твердой государственной власти”. “Законы святы, да исполнители - лихие супостаты” - с горьким сарказмом подмечала газета.

Такая откровенно смелая позиция газеты, “срывание всех и всяческих масок”, бичевание пороков власти вызывали все большее недовольство и раздражение со стороны ишимских военных властей и торгово-промышленников. 23 октября 1918 г. вышел в свет последний, 106-й номер “Ишимского края”: по распоряжению военных властей газета была закрыта навсегда. На смену ей в начале декабря 1918 г. пришла новая - беспартийная прогрессивная “Ишимская жизнь”, в большей степени отражавшая интересы торгово-промышленных кругов.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Т.Д.Корушин. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917-1926 гг.). - Ишим: Изд-ие паевого издательского товарищества “Серп и молот”. - 1926. - с.23.

2. Ишимский край (Ишим). Ежедневная, прогрессивная, общедоступная газета. - 1918. - 3 сентября, 11 октября, 22 октября, 29 сентября, 6 сентября, 24 сентября, 4 октября, 17 сентября, 26 сентября, 19 октября, 11 октября.

Ю.А.ДВОРЯШИН

Сатирический журнал “Медведь”

История отечественной журналистики советского периода богата яркими и содержательными фактами. Один из них связан с активизацией сатирических изданий в двадцатые годы. В то время в центральных городах России появились десятки журналов, пользовавшихся огромной популярностью читателей - “Красный перец”, “Крокодил”, “Бузотер”, “Смехач”, “Бегемот”, “Лапоть”. Однако еще более необычным было то, что огромное количество сатирических изданий возникло в российской глубинке - во многих так называемых периферийных городах. Только в Сибири обрели известность журналы “Штык” (Иркутск), “Сибирская язва” (Красноярск), “Микроскоп” (Ново-Николаевск), “Обуток” (Бийск) и даже “Рваная га- лоша” (Томск).

Среди многочисленных сатирических изданий первого послереволюционного десятилетия заметно выделялся журнал “Медведь”, выходивший в 1925-1926 годах в г.Ишиме. Этот журнал возник как приложение к ишимской газете “Серп и молот”. В ее декабрьских номерах за 1924 год появился сатирический отдел под названием “Миша принимает”, а 11 декабря было опубликовано объявление: “С 1 января 1925 года отдел нашей газеты будет преобразован в двухнедельный юмористический журнал “Медведь”. Издание этого журнала выдвигается не редакцией, а самими читателями “Серпа и молота”, так настоятельно требующими расширения данного отдела. К сожалению, этого расширения произвести невозможно, так как тогда наша газета превратилась бы в юмористическую. “Медведь” будет выходить регулярно 1-го и 15-го числа каждого месяца и будет высылаться подписчикам “Серпа и молота” за доплату 20 копеек в месяц. Спешите подписаться!”.

В отличие от многих родственных журналов того времени “Медведь” выходил стабильно, без перерывов в течение полутора лет. Всего вышло 32 номера. Для сравнения: бийский “Обуток” вышел 16 раз, томский “Дуболом” - 8, красноярская “Сибирская язва” - 3 и т.д. “Медведь” был заметно солиднее своих “собратьев” и с точки зрения полиграфии. Он печатался на 8 страницах с цветными иллюстрациями. Однако еще более важно то, что значительно более качественным был

публикуемый на страницах “Медведя” сатирический материал. В определенной мере этому способствовало участие в издании журнала опытных мастеров сатирического жанра, авторов московских изданий - М.Андреева, М.Андриевской, Ф.Благова, Б.Левина. Страницы “Медведя” оживлялись остроумными рисунками известных художников-карикуристов И.Чашникова, А.Радакова, К.Елисеева, И.Малютина. Внимание московских сатириков к провинциальному журналу объясняется тем, что столичный “Лапоть” взял шефство над “Медведем”. Ишимские журналисты дорожили добрыми отношениями со своими московскими коллегами, что находило отражение в материалах “Медведя”. Так, в N 8 за 1925 год сообщалось, что “секретарь журнала “Лапоть” (Москва) сказал, что “Медведь” вполне приличный журнал. Информация сопровождалась рисунком: огромный лапоть с широко открытым “ртом”. Внизу подпись: “А “Медведь”-то, хотя и в трущобах водится, а не так уж дик, как я думал”.

Однако было бы неверным преувеличивать значение москвичей в издании “Медведя”. Безусловно, сам дух журнала, направленность его содержания, не говоря уже о характере оформления, определялись местными журналистами. Почти все номера “Медведя” подписаны его редактором В.М.Трухановским, сыгравшим, очевидно, решающую роль в создании журнала. Его литературными сотрудниками были ишимцы Т.Корушин, Н.Яковлев (псевдоним В.Ветров), А.Воронов, Е.Иванов, К.Канин, Л.Лебедев и другие. Оформлял журнал ишимский художник-карикурист А.И.Парвицкий.

В первом же номере “Медведя” была четко определена сатирическая программа журнала. На первой его странице изображена огромная фигура медведя (красного цвета), от которой в разные стороны разбежались людишки, олицетворяющие те темные силы, на борьбу с которыми поднялся “Медведь”. Подпись под рисунком гласит: “Из дремучих сибирских лесов, вооружившись вилами, вышел красный “Медведь” и повел борьбу с бюрократизмом, взяточничеством, религиозным дурманом и всеми темными силами”. Позднее определились основные темы: бичевание пьянства, самогоноварения и хулиганства, высмеивание религиозных предрассудков и мещанских нравов, борьба с фактами эксплуатации человека. Разнообразие тематики запечатлелось в многочисленных сатирических отделах и рубриках, наименование которых связано с главным “персонажем” журнала - “Медведем”: “На приеме у Миши”, “Мишина шпилька”, “К Мише на прием валят со всех сторон”, “Из записной книжки Медведя”, “Мишин музей”, “Телеграммы МИШТа (Мишиного телеграфного агенства)” и т.д. Большинство публикаций основывалось на сведениях, поступивших от читателей. Сатирически подправленные выдержки из писем давались с комментариями. Например, в одном из номеров сообщалось: “Делопроизводитель начальника Усть-Ламенского района милиции Андрей Субботин каждый праздник в полной милицейской форме зашпаривает на колоколах поповскую комаринскую. Если так будет и дальше, то Субботин за год комплектов пять милицейского обмундирования сносит. Комсомолец”. Далее следует “Резолюция Медведя”: “И одного доносить не успеет. Срочно Субботина произвести в пономари и натянуть поповскую рясу. Жаль вот только, что милицейский мундир запоганил - отобрать придется”.

Нередко “резолюции” “Медведя” давались в стихотворной форме. Так оценивалось, например, сообщение селькора: “В д.Чирки Ларихинского района гости грна Королева Ивана, перепившиеся, катались по деревне в лодке, привязанной к лошадям”:

Прошло 24 года двадцатого века

Все-таки недостаточны изобретения человека.

Додумались чирковские мужики до других изобретений.

Решили... изменить существующий способ передвижения.

На заседании в квартире Королева Вани

Постановили: “Считать отжившими свой век телеги и сани

Уведомить всех крестьян сходкой

О замене в сельском хозяйстве телег и саней лодкой”.

Так, видите ли, итог вот -

Чирки имеют лодочно-сухопутный флот.

На страницах “Медведя” бичевались проявления бескультурья, невежества, воинствующего мещанства. Характерен в этом смысле материал из рубрики “Мишин музей” под названием “Наездник”. Вначале “Медведь” удивляется: “Я полагал, что только в городских цирках показывают верховую езду на разных животных. Оказывается, ошибся”. Далее цитируется письмо селькора: “В селе Рождественском Сладковского р-на завшколой Казакевич так напился на свадьбе самогона, что поехал кататься на свинье с криками: “Вези меня скорее, туда, где веселее”. Резолюция “Медведя”: “Окроно! Укажи ему скорее, туда, где будет веселее”.

Редакция “Медведя” уделяла много внимания укреплению связи с читательской массой. Причем некоторые публикации играли роль своеобразных творческих уроков для селькоров. Журнал направлял внимание своих внештатных авторов на наиболее злободневные вопросы современности. Редакция обращалась к читателям с таким, например, призывом:

“Медведю” срочно нужны письмишки

Про темные дела и делишки.

“Медведю” экстренно требуются стихи и проза,

Для всего неограниченная доза”...

Редакция журнала дорожила своим авторитетом у читателей, связью с сельскими корреспондентами, справедливо видя в этом залог его успеха и практической необходимости.

Без преувеличения можно сказать, что “Медведь” играл заметную роль в политической и культурной жизни крестьянства Приишимья. Публиковавшиеся на его страницах и в газете “Серп и молот” отклики на материалы сатирического журнала свидетельствуют о том, что читатели любили своего “Медведя”.

Так, селькор И.Т.Семенов сообщал: “Редакция просила нас, крестьян, высказать свое мнение о нашем журнале. Скажу одно: с увлечением читают молодежь и бородачи журнал. Настроение бывает у них всегда бодрое, веселое. В моду вошло при всех разговорах употреблять имена “Еремей”, “Медведь”. Даже неграмотные и те с напряженным любопытством по складам читают “Медведя”. А кой-кто из стариков, скупно улыбаясь, говорит: “Им черти писать подсказывают! Словно они живут с нами, видят, что мы делаем и подслушивают наши разговоры!”

О популярности журнала свидетельствует и неуклонный рост его тиража. Если первые номера “Медведя” выходили в количестве 1200 экземпляров, то последующие - 3000 экземпляров.

Однако в дальнейшем редакции, к сожалению, не удалось выдержать столь высокий уровень издания. В материалах журнала за 1926 год начинает все более ощущаться эмпиризм, редакция словно “тонет” в однотемном материале, не умея выявить в нем социальные тенденции. Постепенно сглаживается масштабность выступлений “Медведя” которым теперь уже явно не достает проблемности. В апреле 1926 года начинаются перебои в выпуске номеров журнала. В это время редакция существенно расширяет отдел международных отношений, чаще использует перепечатки из столичных изданий. В июне 1926 года на 10 номере издание прекратилось. Официальная версия закрытия журнала “Медведь” выражена в объявлении, напечатанном в газете “Серп и молот”: “С 1 июня с.г. крестьянский юмористический журнал “Медведь” вследствие технических затруднений в печатании прекращается выходом... Редакция “Медведя” обращается ко всем своим корреспондентам с просьбой продолжать свою работу на страницах газеты “Серп и молот”.

Есть основания предполагать, что “технические затруднения” были не главной и

уж во всяком случае не единственной причиной прекращения издания “Медведя”. Вероятно, в этом деле сыграли свою роль и изменения в судьбах людей, усилиями которых обеспечивалось существование журнала. Показателен, например, тот факт, что редактор “Медведя” В.М.Трухановский, который одновременно редактировал и газету “Серп и молот”, в июле 1926 года прервал свое участие в выпуске газеты. Ее 84-й номер от 19 июля подписан уже И.Куликом.

Пока что нет документально подтвержденных фактов, которые дали бы возможность осветить историю “Медведя” во всей ее полноте. Однако не вызывает сомнения то, что ишимский сатирический журнал был примечательным явлением не только в сибирской журналистике советского периода, но и в духовной жизни нашего края.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Серп и молот. Ишим - 1924. - 11 декабря.
2. Медведь. - 1925.- N 8.
3. Цит по: Ишимский “Медведь” //Ишимская правда. - 1991. - 27 июля.
4. Серп и молот. - Ишим. - 1926. - 20 июня.

ПЫТЛИВЫЙ ПОСОХ СТРАННИКА

Изучать родной край можно по-разному. Полки архивохранилищ заполнены пожелтевшими, пахнущими временем листами документов, сквозь которые проступает сама История ишимской земли... Из-за стекол музейных витрин на нас смотрят экспонаты - свидетели минувших веков. Но не менее важный и значимый путь познания - самим пройти у подножия древних курганов, своими глазами увидеть старинные церкви и крестьянские избы, проложить пути в заповедные места...

В рубрике "Пытливый посох странника" будут публиковаться материалы об экспедициях по Ишимскому краю. Почему мы решили так озаглавить этот раздел нашего альманаха?

... В 1836 г.в Ишиме ссыльный поэт Александр Одоевский написал такие строки:

В странах, где сочны лозы виноградные,
Где воздух, солнце, сень лесов
Дарят живые чувства и отрадные,
И в девах дышит жизнь цветов,
Ты был! - пронес пытливый посох странника
Туда, где бьет Воклюзский ключ...
Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!

Край "степей, снегов и туч" - это наша с вами, читатель, родина, ишимская земля. Стихотворение Одоевский посвятил своему другу, поляку Адольфу Янушкевичу, который прибыл в Ишим немногим ранее. Незадолго до своей ссылки Янушкевичу довелось побывать во Франции, в Авиньоне, "где бьет Воклюзский ключ".

"Посох странника" представляется нам символом путешествия, своеобразным атрибутом исследователя земных пространств. Впрочем, и А.С.Пушкин в свое время написал:

Друзья! Возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине...

Идемте же, читатель, в путь, с нами.

На восток от Ишима

Туманным августовским утром началась наша очередная экспедиция по родному краю. Конечным пунктом маршрута было избрано старинное сибирское село Кош-Карагай, расположенное неподалеку от восточной границы Ишимского района. При определении цели своего путешествия мы руководствовались не одним только желанием посмотреть новые, незнакомые для нас места. Нами двигала также и надежда, что до относительно отдаленного Кош-Карагая еще не добрались экспедиции тюменских этнографов (кстати, весьма активно “осваивающих” Приишимье в последние годы), и, следовательно, в этом селе еще сохраняется возможность собрать экспонаты для пополнения фондов Ишимского краеведческого музея.

Кроме того, мы хотели увидеть старинные деревянные сельские дома. Музей предоставил автотранспорт. В состав экспедиции вошли: Т.П.Савченкова - доцент ИГПИ, краевед, Н.Л.Проскуракова - научный сотрудник музея, а также - автор этих строк, краевед.

... Вот осталось позади село Стрехнино, больше напоминающее город рядами своих многоэтажных домов. Промелькнул мост через речку Карасуль, - и, проехав два километра, мы оказались на перекрестке больших дорог. Путь прямо вел на север, в села Большое Сорокино и Викулово. Мы же свернули направо - на трассу, ведущую к Омску через Абатское и Тюкалинск.

Таким образом, путь нашей экспедиции пролегал по старинному Сибирскому тракту. Несколько слов об этой исторической дороге. Вначале Сибирский (или Московский) тракт проходил через Тобольск. Позднее - был направлен через Ялуторовск и Ишим. Это сократило путь в Сибирь почти на 250 верст. В 1862 году вдоль дороги Екатеринбург - Тюмень - Омск была проложена телеграфная линия. Сибирский (Московский) тракт активно использовался переселенцами из центральных губерний России на рубеже XIX - XX веков...

... Вначале мы ехали по асфальтированному шоссе вдоль левого берега реки Карасуль. Справа открывался вид на Ишимскую долину. Туман понемногу рассеивался, иногда на горизонте можно было различить темную гряду “увалов” с выдвинутым в сторону города массивом Лысой Горы.

Река Карасуль - один из самых крупных притоков Ишима на территории Ишимского района. Название реки - тюркского происхождения. “Кара-су” - означает “черная вода”. Но это наименование не следует воспринимать буквально. В тюркских языках понятие “черная вода” означает еще и “вода, вытекающая из земли”. И действительно, река Карасуль берет свое начало в болотистой местности на границе Голышмановского и Ишимского районов. На Карасульке расположены одноименное село и ж.д. станция, а также села Ершово, Мало-Удалово, Стрехнино, Боровое и ряд других.

Одно из ярких впечатлений в начале пути - это вид, открывшийся на Боровскую церковь издали, с Сибирского тракта. Едва наш автомобиль миновал деревню Заворохину, как необыкновенно выразительный, мощный силуэт храма вырос над уходящей к горизонту лентой дороги. По мере приближения к Боровому это необычное впечатление еще более усиливалось. Церковь расположена на возвышенном месте, на холме, заметно выделяющемся в ландшафте Ишимской долины. Обозревая Казанский храм издали, гораздо яснее начинаешь постигать смысл понятия “доминанта”. А необычность восприятия была еще и в том, что силуэт колокольни со шпилем как бы слился с силуэтом основного здания и купола храма, поэтому церковь и приобрела издали совершенно фантастический облик...

В следующий пункт на нашем пути - село Равнец - мы заезжать не стали. В будущем это потребует, очевидно, организации отдельной экспедиции. Село Равнец, как известно, основано в 1895 году переселенцами из Европейской России, которые дошли до этих мест от ст.Петропавловск. Первыми поселились в Равнце выходцы из Орловской губернии.

Не достигнув села Равнец, мы свернули с магистрального шоссе вправо. Сделали непродолжительную остановку в селе Макарово. Этот населенный пункт живописно расположился у берега старицы Убиенной. В Макарово сохранилось несколько старых домов, но, к сожалению, их первоначальный облик оказался утраченным. В частности, фактически не осталось нигде элементов старинной домовой резьбы.

... От Макарово благоустроенная дорога ведет в село Кош-Карагай - конечный

пункт нашего путешествия. Шоссе пролегает по Ишимской долине с характерными особенностями ее ландшафта: заливными лугами, разнотравьем, зарослями кустарника, небольшими березовыми рощами. К сожалению, снова сгустился туман, солнце скрылось, поэтому мы были лишены возможности определить свое местонахождение относительно реки Ишим и гряды “увалов”.

Наконец слева показался большой массив старого соснового бора. Наш автомобиль обогнул участок этого “реликтового” леса, и вскоре мы высадились на краю села, в самом начале длинной широкой улицы.

Кош-Карагай предстал перед нами как не очень большое, но красивое село. Вышеупомянутый сосновый бор подступает к населенному пункту сейчас только с одной стороны. Почва в деревне песчаная, поэтому, несмотря на ненастную погоду, улицы в Кош-Карагае чисты и вполне проходимы.

Название села “Кош-Карагай” - безусловно тюркского происхождения. Одна из местных версий дает перевод этого названия как “зеленый бор”. Такое объяснение представляется нам совершенно несостоятельным. Предлагаю свое объяснение. “Кош” в тюркских языках означает то же, что и “кошара”, т.е. закрытое помещение для овец, овчарня. “Карагай” можно перевести как “черный лес”, “черный (или темный) бор”. Действительно, сосновый лес при любом освещении выглядит издали более темным в сравнении с березовыми рощами. Таким образом, название села Кош-Карагай означает “Кошара у Черного леса”.

Вероятно, так именовалась эта местность к моменту прихода русских, которые и перенесли столь необычное название на свое поселение. Кош-Карагай - одно из древних сибирских сел. Согласно преданию, оно было основано “чалдонами” - первопроходцами, пришедшими в Сибирь вслед за атаманом Ермаком.

Местные жители встретили нас приветливо. Мы посетили несколько сельских домов. Хозяева их безвозмездно передали для музея некоторые предметы домашнего обихода, представляющие несомненный интерес с точки зрения этнографии. Упомяну среди них старинную прялку - великолепный образец русского сибирского декоративно-прикладного искусства. Назову также старинные “подзорные”, а также любопытный образчик так называемой кунгурской гипсовой статуэтки - изображение неувядающего Василия Теркина.

В доме Степана Николаевича Артюхова нам показали семейную реликвию - праздничное “полотенце”, богато украшенное вышивкой с изображением цветов, листьев, Св.Креста и надписью “Христос Воскресе”. Таким “полотенцем” в Светлую Седмицу украшались “красные углы” с иконами.

Главная улица Кош-Карагай - достаточно протяженная. Дома ухожены, у многих в палисадниках высажены цветы. В старой части села мы обратили внимание на дом, ворота которого были сплошь расписаны масляной краской в духе “русского лубка”. Здесь и необыкновенные цветы разных форм, и изображение сказочного коня. Мы попросили показать место, где некогда стояла небезызвестная Кош-Карагайская деревянная “школа-церковь”. К сожалению, от нее не осталось и следа, сейчас здесь обширная площадь, заросшая высокой травой.

О сооружении Кош-Карагайской Екатерининской церкви, и о том, что ему предшествовало, поведал священник с.Боровского Ишимского уезда Федор Аделфин в своей заметке, опубликованной в “Омских епархиальных ведомостях” за 1909 г., в № 24. Воспроизводим этот рассказ полностью:

“23 ноября 1909 г. надолго останется памятным для крестьян деревень Кош-Карагай и Сажиной. В этот достопамятный день совершилось освящение вновь выстроенной церкви-школы в деревне Кош-Карагае Боровского прихода. По рассказам старожилов, деревню Кош-Карагай окружал вековой сосновый бор. В этом лесу на одном пне срубленного дерева будто бы явилась икона Великомученицы Екатерины. Кому и когда она явилась, неизвестно. Только икона эта переносима была, по народному сказанию, в приходскую Боровскую церковь. И снова оказывалась на прежнем месте своего явления. На месте пня воздвигнута была некогда малая часовня, в которой и поставлена чтимая икона Св.Великомученицы Екатерины. Впоследствии часовня была перенесена на левый берег протекающей близ самой деревни Кош-Карагай реки Ишима, где уже на часовне, с течением времени, были повешены колокола. Но уже в 1904 году произошел достойный внимания случай. Один из жителей деревни Сажиной, именуемый юродивым, в полночь забрался на колокольню и, “откуда взялась у него сила” - поразломал решетки, разбил колокола, грозно высказывая собравшемуся народу деревни Кош-Карагай, что не тут место иконе Св.Великомученицы Екатерины, а на месте первой часовни.

Этот случай послужил поводом к постройке новой деревянной часовни на месте первой. По инициативе моего предместника, священника о.Н.Покровского, построен был алтарь, с целью основать церковь-школу, каковая и была открыта в 1905 г. До сего времени эта часовня иждивением крестьян двух деревень - Кош-Карагай и Сажиной ежегодно по возможности пополнялась необходимой утварью. Так было до 1908 года, когда крестьяне уже решительно начали действовать, чтобы открыть церковь-школу. Усердием вышеназванных крестьян был заказан иконостас. После этого возбуждено было ходатайство пред Епархиальным начальством об открытии церкви-школы и освящении храма. На ходатайство получено разрешение Его Преосвященства Гавриила Епископа Омского и Семипалатинского освятить храм 23 ноября сего года.

22 ноября после литургии в церкви села Боровского была поднята и принесена чудотворная икона Знамения Божией Матери - Боровская (список с Абалакской) в деревню Кош-Карагай - в церковь-школу. Одновременно, с противоположной стороны, из деревни Сажиной благотворителем - крестьянином Гавриилом Канахиным была принесена храмовая икона Св.Великомученицы Екатерины, писанная на Афоне, - дар крестьянина Канахина во вновь освященную церковь-школу.

В пять часов вечера 22 ноября, по распоряжению местного о.Благочинного, священника Н.Гвоздицкого, ударили в колокола ко всеобщему бдению. Редкое в деревне, для многих, может быть, и совсем невиданное, соборное служение священнослужителей во главе с о.Благочинным Гвоздицким производило сильное впечатление на молящихся.

23 ноября в 8 часов утра зазвонили к водоосвящению, а затем было совершено и самое освящение храма, по положенному чину, о.Благочинным, священником Н.Гвоздицким с сослужащими иереями: В.Поляковым, Г.Овчинкиным и Ф.Аделфиным, в сослужении о. диакона Арсения Старческого. На клиросе пели любители - крестьяне Шаблыкского прихода, под управлением местного псаломщика. Во время причастного стиха произнесено было слово священником Ф.Аделфиным, а по замвонной молитве о.Благочинным Гвоздицким разъяснено было, в особом получении, значение одежд Св. престола и высказано пожелание, чтобы крестьяне отдавали детей своих для обучения в церковь-школу, под покровительство Св.Великомученицы Екатерины".

После революции деревянную церковь разобрали. Из бревен сделали здание детского сада. Впоследствии и его разобрали и построили жилой дом, хорошо сохранившийся, сейчас в нем проживает семья Шишкиных.

Здесь же на площади, где некогда возвышалась церковь, мы осмотрели другой замечательный дом. Нам его представили как "дом Валентины Михайловны Емелиной", но сейчас он принадлежит другим хозяевам. Окна дома украшены наличниками, каждый - с парой двуглавых орлов и особым изображением в центре тимпана, имеющим фитоморфный и антропоморфный характер (т.н. "рожаница" или "древо жизни").

Ишимский геральдический двуглавый орел в домовой резьбе - явление уникальное в масштабах всей России. Несколько домов, где это изображение осталось еще с царских времен, до сих пор сохранились в городе и в ряде сел Ишимского района. Исследованием данного историко-художественного феномена занималась Т.П.Савченкова. Тема эта требует особого рассмотрения.

Аналогичное изображение орлов и "рожаницы" было и на наличниках другого дома - по соседству с "домом Емельяновой". Наличники оказались давно сняты, но по нашей просьбе селяне их разыскали. Один из наличников решено было взять для музея. После реставрации он займет свое место в экспозиции городского музея.

На обратном пути в Ишим мы посетили село Боровое. Осмотрели Казанскую церковь. Сейчас храм восстанавливается. Готовы документы для включения церкви в областной перечень особо охраняемых памятников. Уже приезжали сюда специалисты из Тюмени. Боровская церковь стала известной в Тюменской области благодаря посвященному ей докладу в программе научной конференции "Словцовские чтения - 96". Это, пожалуй, единственный в Приишимье сохранившийся храм в стиле "ампир" (вторым была Свято-Троицкая церковь в Ишиме).

В селе Боровое неподалеку от Казанской церкви под горой сохранился также и старинный деревянный дом с орнитологическим мотивом на наличниках окон - изображением птицы с распростертыми крыльями, напоминающей орла.

Домов с "орлами" в городе и районе остались единицы, поэтому пришло время решить вопрос о взятии их на учет и охране.

СТРАНИЦЫ МЕМУАРОВ

Жанр мемуаристики очень важен и значим для воссоздания целостной картины прошлого. Воспоминания современника отдаленных событий содержат немало подробностей политической и общественной жизни, обстановки и быта минувшей эпохи и, что гораздо более важно, - передают сам дух, мироощущение того времени. "Героями" мемуаров нередко являются самые обыкновенные люди, но в переплетениях их судеб и поступков отражается ход истории страны, края, города.

Мы начинаем публиковать фрагменты воспоминаний екатеринбургского профессора Георгия Николаевича Папулова, уроженца г.Ишима. Это только отдельные части большой книги, которая стала плодом многолетней работы автора, итогом его размышлений не только о собственной жизни, но и о судьбах России, ее народа. В наш альманах вошли эпизоды, непосредственно относящиеся к пребыванию Г.Папулова и его родителей в Ишиме, где все они стали свидетелями и участниками знаменательных событий начала уходящего века.

Надеемся, что повествование Г.Н.Папулова вызовет особый интерес читателей альманаха "Коркина слобода". Кроме того, хотелось бы отметить несомненный литературный талант автора нижепубликуемых мемуаров.

Записки провинциального интеллигента

Вступление

Сегодня, 31 августа 1991 г., я начинаю писать свои воспоминания. Года три тому назад я сказал кому-то из товарищей (кажется, В.В.Черных), что собираюсь на пенсию и буду писать воспоминания, и получил ответ, что я опоздал с этим года на три. Однако текущие события меня закрутили, главным образом, наступившая нестабильность в стране и желание укрепить, после моего ухода, позиции лаборатории, которой я руководил 25 лет, и я еще затянул момент начала работы над мемуарами.

Я родился в конце 1914 г., то есть прожил практически почти весь XX век. Раздумывая над временем своего бытия, я всегда думал, что время предыдущего поколения (моих родителей) было самым сложным, самым беспокойным. Однако сегодня, на грани развала страны и нестабильности последних лет, начинаю сомневаться, было ли время наших родителей более бурным по сравнению с временем нашего поколения.

Я начинаю себя помнить с промежутка между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Время гражданской войны и Военного коммунизма уже запечатлелось в моем сознании, правда, по-детски, но с достаточной яркостью и последовательностью. Хорошо помню вступление страны в НЭП, а разворот борьбы между Троцким и “Генеральной линией” партии я переживал со значительной эмоциональностью. Начиная со времени коллективизации сельского хозяйства, я сознательно следил за газетами, сравнивал публикации с разговорами старших, в городе и в деревне; одним словом, начал полностью жить жизнью всего общества страны.

Что касается последующих лет - времени индустриализации страны, сталинских репрессий, Великой Отечественной войны - то я участник этих событий, правда, в различной степени активный, но наблюдающий все эти эпохальные свершения достаточно всесторонне и аналитически.

Я полагаю, что если смогу выполнить задуманное написание этих мемуаров, они будут свидетельством провинциального интеллигента.

Детские годы

После моего рождения наша семья продолжала жить в Ишиме, в доме деда Михаила Федоровича Кухтина. Здесь же 15 марта (по нов. стилю) родился мой брат Борис. Это произошло в день получения в Ишиме известия о Февральской революции и отречения от престола императора - Николая Второго. Вся городская интеллигенция (включая акушерок) активно праздновала падение самодержавия, что вызвало дополнительные трудности у деда в организации процедуры принятия нового внука.

Надо сказать, что мои родители заранее заготовили имена для двух первых детей, а именно - “Юрочка” и “Ирочка”, причем в обоих случаях произошли некоторые “накладки”. При крещении первенца священник-“ортодокс” (о. Леонид Остроумов) отказался давать новорожденному “языческое” имя - Юрий, предложив в качестве компромисса, записав в метрике имя - “Георгий”, называть мальчика Юрием в домашнем обиходе. А вот вместо “Ирочки” пришлось срочно (и в отсутствие отца) придумывать имя для второго в семье сына. Ирочка же у нас появилась, но лишь пять лет спустя.

Я начал себя помнить приблизительно с 4-х лет, все события, происходившие до этого, рассказывались со слов родственников, в дальнейшем в основе изложения находятся мои личные впечатления, по мере необхо-

димости дополняемые сведениями, полученными от окружавших меня людей.

Одно из первых, достаточно отчетливых моих впечатлений, связано со знаменательным событием в жизни моего родного города.

Жаркий летний день, я в светлом костюмчике, панаме и сандалиях, в белых носочках. Стою вблизи нашего дома на улице, позднее называвшейся “Крестьянская” (а потом “Колхозная”). Рядом со мной также в светлом летнем платье стоит мама и одна из ее знакомых, также учительница гимназии. По перпендикулярной улице, главной улице города (ул. Республики - раньше называвшаяся “Покойницкая”, ведущая на старое кладбище и дальше на выезд из города) движется непрерывная вереница людей (Больше-Никольская - *прим. ред.*). Среди этой вереницы вдруг выплывает крупный странный предмет, который, оказывается, называется “автомобиль”. Мамина знакомая говорит, что на этом “автомобиле” едет главный “большевик” города по фамилии Большаков, и обращает мамино внимание на некое сооружение, находящееся на задней платформе автомобиля, - оно, оказывается, называется “пулемет”.

Я уже знаю, что из пулемета на войне стреляют. Про себя рассуждаю - “главный большевик”, естественно, должен носить фамилию “Большаков”.

Следующие яркие события, запомнившиеся мне, связаны с возвращением из плена отца - это вторая половина лета 1918 г.

Дедушкин дом фасадом выходит на улицу, на противоположной стороне дома, находящейся во дворе, расположены два крыльца. Одно “заднее” - ведет на кухню, второе - “парадное” - в длинный коридор, расположенный вдоль дома, из которого двери ведут в две крайние комнаты - нашу столовую (она же гостиная), в комнату дедушки и бабушки и в кухню. Наша спальня расположена между двумя крайними комнатами, в нее вход только из столовой.

Ранний вечер, на парадном крыльце сидит высокий человек с темно-рыжей бородой, во френче и в обмотках - это мой папа. Мама, плача и смеясь одновременно, снимает с его ног тяжелые (как я потом узнаю) “австрийские” ботинки. Я знаю, что такое “австрийские” - у нас еще “до большевиков” на вскопке огорода работал “пленный австрияка”, потому что мы - “семья военнослужащего”. “Австрияка” - спокойный человек, все время курит трубку и не обращает внимания на соседских “больших мальчиков”, которые из-за забора кричат - “австрияка, австрияка, за ним гонится собака”. За обедом на кухне, при открытых окнах, мама накладывает австрияке большую тарелку винегрета.

Сидящий на крыльце человек в “австрийских ботинках” - мой папа, он герой, был ранен, возвратился из плена. Позднее, уже при свете керосиновой лампы, я сижу за столом, папа что-то рассказывает, я ем странное печенье, называемое “галеты” и твердокопченую колбасу. Все это “гостинцы” из плена.

Это событие как бы стало каким-то толчком моего сознания, и после этого окружающий меня мир и течение времени воспринимаются более связно и последовательно.

Необычна и драматична была история возвращения моего отца из плена, отличающаяся неповторимым колоритом эпохи. Я неоднократно слышал от него эту эпопею, кроме того эпизод возвращения из австро-венгерского плена изложен в его кратких записках, которые он составил незадолго до кончины.

Время помещения моего отца в лагерь военнопленных, после госпиталя - осень 1917 г., для стран тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Турция) было периодом напряжения последних сил, исчерпания всех ресурсов. Население недоедало, естественно, что в лагерях военнопленных царил настоящий голод. Даже в более привилегированных, офицерских лагерях, по рассказам отца, на день полагался один кусок суррогатного хлеба (с большой примесью брюквы) и черпак овощ-

ного супа. Отец не съедал весь хлеб сразу, как это делало большинство пленных, а делил его на 3 порции. Одновременно старался не тратить энергии, избегал лишних движений, но все равно чувствовал постепенное сильное истощение.

После получения мамой открытки из госпиталя снова не было никаких известий. Пока отец не обосновался в лагере, он не мог сообщить своего адреса. Наконец письмо (с адресом) пришло, и немедленно мама предприняла максимум возможных действий. Во время войны 1914-1918 гг. действовала система помощи военнопленным, организованная Международным Красным Крестом. В ней - тральные страны, из стран воюющих, можно было сделать денежный перевод, и по указанному адресу организация Красного Креста направляла стандартную посылку с набором концентрированных пищевых продуктов. Мама рассказывала, что к этому времени у них с отцом в банке находились денежные сбережения в сумме 4000 руб. Она немедленно взяла со счета необходимую сумму и перевела деньги на 12 посылок, по четыре через каждую из трех нейтральных стран - Голландию, Данию и Норвегию.

Видимо, вследствие начавшейся в России нестабильности, первую посылку отец ждал долго. Вначале он пользовался помощью товарищей по лагерю, получавших посылки, но затем, не видя перспективы возможности расплаты, стал воздерживаться от одолжений. Можно представить, как велика была его радость, когда он получил первые четыре посылки из которой-то страны!

Вскоре после Октябрьской революции и выхода России из войны началось ожидание освобождения из плена, часть продуктов из посылок (тем более, что дальнейшее получение их прекратилось), сохранялось на этот случай. И действительно, галеты и колбаса, которыми я с удовольствием лакомился в день возвращения отца, происходили из этих стандартных посылок Красного Креста.

Брестский мир, как известно, был ратифицирован 15 марта 1918 г., и вскоре начался процесс обмена пленных.

Отец, признанный из-за тяжелого ранения инвалидом, попал в одну из первых партий обмениваемых пленных. В середине лета он с границы доехал до Москвы. Здесь жил некоторое время, необходимое для оформления документов, в общежитии, специально организованном для инвалидов, возвращавшихся из плена. Видимо, в официальном удостоверении он записался солдатом, так как по его рассказу офицерские документы, полученные в Австро-Венгрии, зашил в подошве ботинка.

Пока он жил в общежитии в Москве, политическое руководство старалось приобщить бывших военнопленных к революционным событиям, происходившим в России. В частности, по его воспоминаниям, отец, вместе с другими обитателями общежития, участвовал в митинге "солдат-интернационалистов", на котором с речью, почему-то на немецком языке, выступал Троцкий. В президиуме этого митинга находился В.И. Ленин, активного участия в митинге, однако, не принимавший.

Сразу по получении необходимых документов отец стал продвигаться в Сибирь. В связи с только что произошедшим чехословацким мятежом и появлением в Омске колчаковского правительства, восточнее Перми образовался фронт, правда, не очень стабильный. Доехав поездом до Перми, отец выяснил, что Екатеринбург во власти белых, на главной ж-д линии, где-то в районе Кунгура, идут бои. На Горнозаводской линии положение неясное, Н-Тагил в руках красных, и туда ходят воинские эшелоны.

Следует отметить, что в это время уже много русских солдат, бывших в плену в Германии и Австро-Венгрии, возвращались домой, отношение к ним, особенно к инвалидам, со стороны жителей было исключительно хорошее. Переночевать в любой деревенской избе, проехать в тамбуре любого вагона - было делом совершенно естественным. По приезду в Тагил выяснилось, что дальше поезда вообще не ходят,

и отец по старому Тагильскому тракту пошел в сторону Екатеринбурга, находящегося в 160 верстах от Н-Тагила.

Линия фронта между красными и белыми войсками находилась за Невьянском, где-то в районе деревень Шайдурихи и Пьянковой. Фронт с советской стороны на этом участке держал полк “Красных Орлов”, сформированный из крестьян-добровольцев д.Диевой (Алапаевского района), отступавших из родной деревни. Вместе с бойцами (которые называли себя “партизанами”), отступали и их семьи, на собственных подводах, в сопровождении домашнего скота.

Отец остановился отдохнуть и осмотреться в деревне, занятой обозом, включающим семьи партизан. Вскоре после того, как отец устроился на ночь в избе местного жителя, в деревню, в сопровождении адъютанта, прискакал командир партизанской дивизии, включавшей полк “Красных Орлов”, Петр Жебенев (известный екатеринбургский анархист). Он был в кожаной куртке, без фуражки, с длинными волосами, обвешанный пулеметными лентами и гранатами. Не слезая с седла, он произнес речь о том, что в расположении полка появился отряд “золотопогонников” и призывал дать ему достойный отпор.

Немедленно после отъезда Жебенева весь обоз поспешно начал собираться, запрягать лошадей и рысью отправился в сторону Тагила. Отец, заметив, что хозяин избы с неприязнью относится к “партизанам”, ввиду их бесцеремонного поведения, особенно женской части “Красных Орлов” (они кормили свой скот хозяйским сеном и даже, якобы, забрали что-то из его имущества), сообщил ему, что не желает отступать с партизанами и просит разрешения пересидеть в укромном месте, пока не кончится суматоха отъезда. Хозяин разрешил отцу спрятаться в бане.

После того, как последние телеги обоза покинули деревню, отец вышел из бани, попрощался с хозяином и направился по дороге в Екатеринбург. Несколько верст он прошел по совершенно пустынной дороге, затем вдали показался небольшой разъезд всадников в казачьей форме. Отца остановили, потребовали от него объяснения о причине появления в зоне боевых действий и направили в сопровождении одного из казаков в штаб отряда, выславшего разъезд. Штаб располагался в деревенской избе, возглавлял его полковник, который, выслушав отца и посмотрев его подлинные документы, извлеченные из подошвы башмака, остался полностью удовлетворен рассказом отца, поздравил его с прибытием “на территорию неделимой России” и предложил ему немедленно вступить в добровольческий офицерский отряд, находящийся под командованием полковника.

Однако объяснения отца о своей инвалидности и желании увидеться наконец с семьей были встречены с пониманием и обещанием помочь добраться до железнодорожной станции, то есть до Екатеринбурга, куда вскоре должна была направиться подвода. Пока же ему предложили закусить “чем Бог послал”, вместе с членами отряда.

За короткое время пребывания в штабе отряда отец обратил внимание на небрежность в экипировке некоторых из добровольцев, например, шинель была надета прямо на нижнюю рубашку. Как ему объяснили, в это время (лето 1918 г. - вскоре после занятия белыми Екатеринбурга) на данном участке не было сплошного фронта. Боеспособными силами были со стороны красных - отряды матросов, пробивающиеся на запад, после занятия чехами транссибирской магистрали; со стороны белых, кроме чехословацких соединений, которые не отрывались от линии железной дороги, - небольшие добровольческие отряды офицеров бывшей русской армии. В ночь, предшествующую встрече отца с казачьим разъездом, один из отрядов красных матросов с боем захватил железнодорожную станцию Екатеринбург 2-й (ныне ст.Шарташ), для отпора ему были брошены все военнослужащие, находившиеся в городе, в том числе члены отряда, в котором в данное время находился отец. Поднятые с постелей офицеры, не успевшие полностью одеться,

вступили в бой, выбили матросов и преследовали их на некотором расстоянии по Тагильскому тракту. После окончания боя они небольшими группами, по очереди, ездили на подводе в Екатеринбург для приведения себя в порядок. С одной из таких групп уехал в город и отец.

В Екатеринбурге уже действовала военная комендатура, работали почта и телеграф, было восстановлено движение пассажирских поездов на восток. Отец послал телеграмму и вслед за ней выехал к семье в Ишим.

Вот с момента этого приезда отца из плена и начинаются мои более или менее систематические воспоминания, а в дальнейшем изложение событий я могу основывать на собственном восприятии, лишь корректируя его рассказами старших.

Конец 1918 г. и год 1919 (до прихода красных)

Мы живем семьей в полном составе. В городе много военных, постепенно после установления власти Колчака открываются магазины купеческих фамилий города: Перминовых, Кутыревых, Баевых. Я уже научился читать, с удовольствием хожу с мамой в книжный магазин, где покупаем детские книжки, сохранившиеся с дореволюционных времен. Мама учит гимназисток, папа живет на положении инвалида войны, видимо, получает пенсию и имеет какие-то льготы как офицер запаса. В частности, он имеет право бесплатного проезда по железной дороге и часто уезжает. Я знаю, что он побывал на своей родине в с.В.Алабугском и в г.Омске. С торговлей необходимыми товарами перебои, поэтому из каждой поездки папа привозит различные продукты и промышленные изделия, часть из них экзотического для провинциального Ишима происхождения - американские и японские.

Вечерами мы собираемся всей семьей в столовой, вокруг яркой керосиновой лампы, которая называется "Молния" и имеет яркость "40 линий". Мама проверяет тетради, бабушка что-то шьет, я рисую. Любимая тема моих рисунков - "папа, расстреливающий из пулеметов немцев". Меня очень удивляет и огорчает, что папа на мои настойчивые вопросы, сколько он убил немцев, не хочет отвечать и говорит, что он не знает, попала ли хоть одна из его пуль в немца.

С весны 1919 г. в городе появляются много военных, это мне нравится, особенно я люблю смотреть на проходящие по улице конные части. В начале лета 1919 г. в дедушкин дом "на постой" был размещен конный отряд - 30 казаков. Люди жили на кухне и в амбарах, а лошади размещались в обширных помещениях для скота "на заднем дворе". Вечерами посреди двора наиболее искусные из наездников демонстрировали чудеса вольтижировки и выучки лошадей. Когда наступали сумерки, все казаки собирались на кухне, разговаривали, курили и пели.

В те годы еще не было радио и тем более телевидения, несовершенные граммофоны с огромными конусообразными трубами были редкостью и имелись только в богатых домах. Песня, в частности хоровая песня, была непременной принадлежностью семейных вечеринок и других встреч, и, конечно, каждый вечер этих мужчин, оторванных от дома и принужденных совместно коротать время, не обходился без песни.

Я, имея некоторый музыкальный слух и хорошую память, скоро усвоил весь обычный репертуар вечерних концертов и стал желанным запевалой. У всех этих крестьян в военных гимнастерках дома остались такие же, каким был я, мальчики, поэтому общее благожелательное внимание, сопровождавшееся кусками сахара, было мне обеспечено.

Обычными песнями были: "Ты не вейся, черный ворон", "Вечер поздний, я стояла у ворот" (пелась она на более живой, маршевый мотив, по сравнению с современным исполнением этой песни эстрадными певицами), "Черные гусары", "Вдоль по линии Кавказа", "Во кузнице", "По Дону гуляет казак молодой", "Звенит звонок насчет поверки..." и другие в этом роде.

В конце германской войны и затем в белой армии, по-видимому в связи с укомплектованием офицерского корпуса интеллигенцией, получили распространение песни на слова русских поэтов, например: “Бородино”, “Во Францию два гренадера...” (Лермонтов), “Старый капрал” (Беранже - в переводе Курочкина), “Песня о вещем Олеге” (Пушкин). Последняя пелась на мотив “Гибель Варяга”. Кстати, относительно “Песни о вещем Олеге” в исполнении отряда юнкеров есть свидетельство у М.Шолохова в “Тихом Доне”. Григорий Мелехов, находясь в войсках белых, с недоброжелательством слушает чуждую ему песню в исполнении белоручек-юнкеров.

Все эти песни, вынесенные им из офицерского училища, любил напевать мой отец, так что я, выучив слова “Бородино” и “Песнь о вещем Олеге”, лишь значительно позднее узнал об авторах их текста.

Иногда, не очень часто, казаки добывали вино, и тогда в кухне звучали другие слова и песни, шла пляска. Меня уводили в дальние комнаты. Папа надевал военную форму и шел успокаивать расхолодившихся воинов. Правда, эти уговоры действовали ненадолго.

Летом 1919 г. обстановка на фронте складывалась не в пользу Колчака. Фронт неудержимо откатывался к востоку. Это внесло ряд важных изменений в жизнь нашего семейства. Самым главным из них было то, что колчаковское правительство, терпя поражения на фронте, старалось увеличить свою армию. Призывались все более юные возраста, сколачивались “добровольческие батальоны” из студентов, гимназистов старших классов. Снова и снова проводились медицинские переосвидетельствования лиц, ранее получивших освобождение от военной службы по состоянию здоровья. В число этих “новобранцев” попал и отец, он был мобилизован и получил назначение на фронт, в качестве корпусного военного топографа. Таким образом, кроме статуса “царского офицера”, отец “на всю оставшуюся жизнь” становился также “белым офицером”.

Явившись по назначению в корпус в район ст.Кузино (километров семьдесят западнее Екатеринбурга), он увидел в колчаковской армии полнейшую деградацию. Мобилизованные солдаты массами дезертировали или сдавались противнику. Офицеры пьянствовали и в большинстве своем всячески старались уклониться от участия в боевых действиях.

Отец под предлогом необходимости получения топографических карт на территорию предстоящих боев, получил командировку в ставку главнокомандования, в г.Омск. Однако, получив в дороге простуду и ухудшение состояния недостаточно хорошо зарубцевавшейся раны, он в Омске снова явился на освидетельствование в медицинскую комиссию. И здесь произошло чудо, которому отец не переставал удивляться до конца своих дней. Совершенно неизвестный ему главный врач комиссии проникся сочувствием к отцу, оценил, как весьма серьезное, состояние раны и подписал документ о необходимости отпуска для продолжения лечения. Наиболее удивительным было определение продолжительности отпуска - один год! Напомню, что в это время до конца существования колчаковского режима оставалось не более полугода.

Отец с этим медицинским заключением возвратился в Ишим, но в дальнейшем, живя дома, старался не афишировать своего пребывания здесь, совершенно обоснованно боясь, что спасительное заключение Омской медицинской комиссии может быть аннулировано.

Между тем, в продолжение нескольких месяцев отсутствия отца в Ишиме, события нарастали во всех сферах жизни. В городе была объявлена эвакуация всех государственных учреждений и их служащих. В частности, подлежала эвакуации и женская гимназия, где учительствовала мама. Маме с детьми были предложены места в двух эвакуационных эшелонах - как учительнице гимназии и жене офи-

цера. Дед отнесся к идее эвакуации крайне отрицательно. Он заявил, что, безусловно, никуда не поедет и уговаривал маму последовать его примеру, приводил всякие резоны в пользу своего решения. Напоминал маме о ее былой приверженности социал-демократическим идеалам, грозился отобрать детей (конечно, не очень серьезно!), утверждал, что красные “такие же люди, как и мы”, заявлял, что он первым выйдет встречать красных морковным пирогом. По-видимому, фраза о “морковном пироге” должна была означать бедственное положение населения, особенно в понимании сибиряка, привыкшего к пирогам с нельмой и осетриной.

Знакомые, твердо решившиеся на эвакуацию, запугивали маму всякими ужасами, утверждая, что она, как жена офицера, непременно подвергнется репрессии. Одновременно происходил нажим и со стороны военных кругов. Предлагалось занять купе в составе эвакуируемых семей офицеров. У нас в доме стал появляться какой-то чешский офицер, настойчиво предлагавший свою помощь. Сейчас, задним числом, я предполагаю, что чех не столько выполнял официальные функции, сколько пытался заинтересовать своей персоной нашу милостивую мамочку, которой в то время было чуть больше 25 лет. По-видимому, так, как я думаю сейчас, считали и мои дед с бабушкой, не жаловавшие этого представителя братьев-славян.

Мама, терзаемая противоречивыми чувствами, постепенно все же увязала чемоданы с самыми необходимыми вещами; в спальне стояли огромные мешки с сахарами, специально сшитые из разноцветной, оказавшейся в наличии, материи. Весьма вероятно, что удержала ее от погрузки в один из двух эшелонов только телеграмма отца, посланная им с фронта перед выездом в Омск, запрещавшая до его приезда всякие действия по эвакуации семьи. После этой телеграммы мама начала лавировать, говоря в гимназии, что она решила ехать в воинском эшелоне, а в военной комендатуре, что отказывается от купе в пользу гимназического варианта.

Я, конечно, ничего о всех этих перипетиях не ведал, пока однажды ночью не проснулся от приглушенных голосов и света небольшой лампы. По спальне двигались фигуры моих родителей. К этому времени я имел уже достаточный жизненный опыт, подсказывающий мне, что в данной ситуации не следует показывать, что ты проснулся, если хочешь узнать что-либо интересное. Я молча, полуоткрытыми глазами стал наблюдать, что делает мама и так неожиданно появившийся, давно уже отсутствовавший папа.

Увидел же я открытые чемоданы, из которых доставались упакованные вещи и раскладывались по ящикам комода и развешивались на плечики в шифоньере. На следующий день отец снова уехал, а мама стала объявлять, что она поедет с отцом, который заберет нас в штабной вагон после возвращения из Омска.

Как я узнал позже, из рассказов родителей, отец, побывав на фронте, пришел к твердому убеждению относительно скорого разгрома колчаковского режима и специально заехал в Ишим, чтобы настоять на безусловном отказе от эвакуации. Конечно, это решение следовало держать в глубокой тайне.

Позднее, будучи взрослым и живя на Урале в Свердловске, я убедился, что в период отступления колчаковской армии, эвакуация на восток людей интеллигентных профессий носила массовый характер. Большинство семей преподавателей Пермского университета и Екатеринбургского горного института, а также семьи ведущих инженеров уральских заводов, побывали в эвакуации в Томске (крупнейший культурный центр тогдашней Сибири) и в Иркутске, не говоря уже о купечестве и предпринимателях всех рангов, многие из которых оказались после гражданской войны в Харбине и Шанхае. Это относится главным образом к жителям Урала (а не Западной Сибири), откуда белая армия уходила летом (а не осенью) 1919 г., когда не было признаков скорого падения колчаковского режима и отход белой армии с Урала рассматривался как временная неудача.

Конечно, эвакуация сравнительно больших масс населения, главным образом

женщин и детей, в условиях военных поражений, всеобщей разрухи, лишений, эпидемий - была драматична, а нередко и трагична. Многие семьи потеряли детей, не говоря уже о материальных утратах. Решение отца об отказе от эвакуации было единственно правильным, хотя на общем фоне страхов и пересудов выглядело излишне смелым.

Ранней осенью были отправлены на фронт мои друзья-казаки. В доме, да и во дворе стало непривычно тихо и просторно. В городе также постепенно жизнь как бы замирала. Войска уходили на фронт, многие близкие знакомые уезжали на восток, закрывались магазины и учреждения.

Папа постоянно куда-то исчезал, видимо, опасаясь своего не очень надежного положения.

В это время, ранней осенью, нашу семью постигло еще одно горе, о котором я вкратце сообщал ранее. После ухода на фронт расквартированного в нашей усадьбе казачьего отряда дед, приводя в порядок двор, обнаружил за сараем странный предмет, ему неизвестный. Он вечером за ужином, сказав о своей находке, заметил, что, вероятно, ее назначение может знать Коля (то есть мой папа), а пока до его приезда пусть она полежит в укромном месте. Однако на следующий день дед не утерпел и попробовал сам обследовать неизвестный предмет. Как потом выяснилось, это была граната какой-то иностранной марки, она взорвалась в руках деда, весь заряд попал ему в голову, и Михаил Федорович Кухтин, 74-х лет, неожиданная жертва гражданской войны, скончался, не приходя в сознание.

После состоявшейся эвакуации женской гимназии перед родителями учениц, оставшихся в городе, возникла проблема продолжения образования дочерей, и, когда мама выразила желание обучать девочек, учениц второго класса, на дому, недостатка в желающих не было. Во втором классе (это соответствует 5-6 классу современной школы) в этом году должна была обучаться Люся Бушкова, любимая мамина племянница, а среди ее соучениц было несколько дочерей наших знакомых.

Из покинутого здания гимназии родителям учениц были привезены парты, классная черная доска и целый воз учебных пособий. Наша столовая была оборудована под класс, родители учениц по очереди привозили дрова для его отопления. Мне доставляло большое удовольствие присутствовать на уроках, иногда подсказывая растерявшимся ученицам, за что я изгонялся из класса. Насколько я помню, мама преподавала все предметы, во всяком случае, я помню, что занятия проводились по русскому языку, литературе, естествознанию, географии, истории и Закону Божьему. Уроки математики в моей памяти не сохранились. В ту зиму моим любимым занятием было играть в учителя. Учеников должен был изображать (не всегда охотно) мой трехлетний брат Боря.

Запомнилась мне рождественская елка, к которой задолго до Рождества готовился весь класс, мастера украшения и разучивая артистические выступления. Елочные подарки и праздничное угощение были результатом складчины родителей всех учениц.

Но елка была потом, а вскоре после организации в нашем доме школы фронт приблизился к самому городу. Наиболее актуальным для горожан стал вопрос: отдадут ли белые город без боя или он станет местом сражения. Когда к маме приходили знакомые дамы, разговор заходил о том, куда надо прятаться во время предстоящих боевых действий в городе. Из этих разговоров я узнал, что при ружейной и пулеметной стрельбе следует укрываться в подполье, а при артиллерийской - лучше всего спускаться в погреб.

Наконец, к общей радости, выяснилось, что Ишим отдадут без боя, ввиду неблагоприятного расположения города для обороны, а оборонительная линия сооружается за мостом через р.Ишим, километрах в 10 в сторону Омска (к востоку от

города). Два дня через город шли отступавшие войска, я с интересом смотрел на это зрелище через окно, здесь я впервые увидел легковой автомобиль, пробиравшийся между колоннами пехотинцев. Взрослые говорили, что он принадлежит французской военной миссии.

(Продолжение следует).

Вкратце об авторах

1. **БУЧИНСКИЙ Анатолий Иосифович**, журналист, редактор газеты “Наша планета”, имеет множество публикаций на страницах областных газет. Круг краеведческих интересов - история Сибири и Ишима XIX-XX в.в.

2. **ДВОРЯШИН Юрий Александрович**, доктор филологических наук, профессор Сургутского педагогического института, занимается литературным краеведением Западной Сибири, имеет научные работы по истории образования, литературы, журналистики Ишима.

3. **КОПЫЛОВ Виктор Ефимович**, доктор технических наук, профессор Тюменского нефтегазового университета, создатель и научный руководитель Музея истории науки и техники Зауралья при Тюменском нефтегазовом университете. Автор 10 книг краеведческой тематики. Составитель альбома “Тюмень глазами путешественника, фотографа и художника 18-20 в.в.”, вышедшего в 1998 г. в Италии.

4. **КРАМОР Геннадий Андреевич**, студент Тюменского государственного института искусств и культуры, автор статей по музееведению и истории железнодорожной архитектуры, талантливый фотограф.

5. **КУЗУРМАНОВ Георгий Петрович**, сотрудник ИГПИ им.П.П.Ершова, краевед, коллекционер-филателист, фотограф. Автор статей и заметок по истории города Ишима.

6. **КУРЫШЕВ Игорь Владимирович**, старший преподаватель кафедры общественных наук ИГПИ им.П.П.Ершова, кандидат исторических наук. Сфера исследовательских интересов - гражданская война и история печати Ишимского края первых десятилетий XX столетия. Автор ряда публикаций по этим темам.

7. **МАЛЫШЕВ Владимир Николаевич**, учитель истории средней школы ст.Маслянской Сладковского района Тюменской области. Многолетний руководитель краеведческого кружка и создатель школьного музея. Круг краеведческих интересов - декабристы в Сибири, биография П.П.Ершова. Автор статей в периодической местной печати по истории Сладковского района.

8. **МЕНЬЩИКОВ Владимир Николаевич**, учитель истории школы N 8 г.Ишима, краевед. Основная сфера научных интересов - культура Тобольской губернии в годы первой мировой войны, ишимское купечество, ссыльные поляки и их потомки в Западной Сибири. Активный участник областных научных конференций.

9. **ПАПУЛОВ Георгий Николаевич**, главный научный сотрудник института геологии и геохимии им.акад.А.Н.Заварицкого Уральского отделения РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Родился в г.Ишиме 21 дек. 1914 года. В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

10. **ПАШКОВ Федор Максимович**, краевед, исследователь истории Ишимского края, автор большого количества публикаций на странице “Собор” в “Ишимской правде”. Особый научный интерес связан с первыми русскими поселениями на территории Западной Сибири, в частности с Коркиной слободой. Живет в Москве.

11. **ПИМАНОВА Любовь Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, зав.кафедрой гуманитарно-эстетического образования Тюменского областного института развития регионального образования. Круг научных интересов - региональная культурология, историческое краеведение, этнопсихология. Автор 35 научных работ, в числе которых книга “Земля открытий. История, география, литература Тюменской области в вопросах и ответах”. - Екатеринбург, 1993.

12. **ПРОСКУРЯКОВА Надежда Леонидовна**, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Сфера научной деятельности: Ишимская

Никольская ярмарка, гражданская война, крестьянское восстание 1921 года в Приишимье. Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры “Собор”.

13. **САВЧЕНКОВА Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ИГПИ им. П.П.Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории провинциальной архитектуры, домовой резьбы, образованию в Тобольской губернии. Редактор краеведческих сборников “Очерки истории Ишима” (1993), “Ишим далекий-близкий” (1997).

14. **ФРОЛОВ Леонид Васильевич**, врач железнодорожной больницы ст.Ишим, краевед, участник региональных культурологических и краеведческих конференций. Круг научных интересов - история железной дороги, ишимская храмовая архитектура, география края. Автор большого количества публикаций на страницах “Ишимской правды”, член общества по охране памятников истории и архитектуры “Собор”.

15. **ШИЛОВА Елена Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГПИ им. П.П.Ершова, автор ряда публикаций по лингвистическому краеведению, постоянный корреспондент тематической историко-краеведческой страницы “Собор” в “Ишимской правде”.

Содержание

1. <i>От редакции</i>	5
2. <i>Напутственное</i> (В.А.Рейн, В.Б.Белоусов, М.Е.Бударин)	6
3. <i>История и краеведение Приишимья</i>	9
Копылов В.Е. О первых радиолюбителях Ишима	10
Кузурманов Г.П. Синкинский канал (версия)	14
Меньщиков В.Н. Педагог и краевед Я.О.Бирюков	18
Проскурякова Н.Л. В августе двадцать первого	22
4. <i>Культура края</i>	25
Савченкова Т.П. Прасковья Луполова: реальность и художественный вымысел	26
Пиманова Л.А. Чалдоны и самоходы	31
Шилова Е.В. Широка у нас летопись улиц	37
5. <i>Лики прошлого</i>	43
Пашков Ф.М. Петр Онофриев	44
Малышев В.Н. Ершовы в Приишимье	47
Бучинский А.И. Крест власти	51
6. <i>Музей провинциальный</i>	55
Крамор Г.А. Первый ишимский музей (исторический этюд)	56
Шестакова Н.М. Семейный альбом рассказывает	59
7. <i>Журналы и газеты лет минувших</i>	61
Палопеженцев Н.И. На родине автора “Конька-Горбунка”	62
Курышев И.В. Ишим и Ишимский уезд в 1918 г. на страницах газеты “Ишимский край”	64
Дворяшин Ю.А. Сатирический журнал “Медведь”	67
8. <i>Пытливый посох странника</i>	71
Фролов Л.В. На восток от Ишима	72
9. <i>Страницы мемуаров</i>	75
Папулов Г.Н. Записки провинциального интеллигента	76
10. <i>Вкратце об авторах</i>	85

КОРКИНА СЛОБОДА.
Историко-краеведческий альманах.
Выпуск 1.

Художник: Р. Симанов.
Фотографии на обложке: А. Зверев.

Вёрстка - И. Емельянова.

Издательская лицензия ЛР N 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в Ишимской межрайонной типографии.
ул.Чкалова,17. Заказ N 91. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Тираж 1000 экз.
Объем 11,5 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура "Балтика". Подписано в печать 17.02.1999 г.
(в печатной версии)

НАШ ГОРОД - НАША СУДЬБА И НАДЕЖДА

Праздник города

*Празднование
Дня Победы*

*Рок-группа "Робинзоны".
Рук. С.Глухих.*

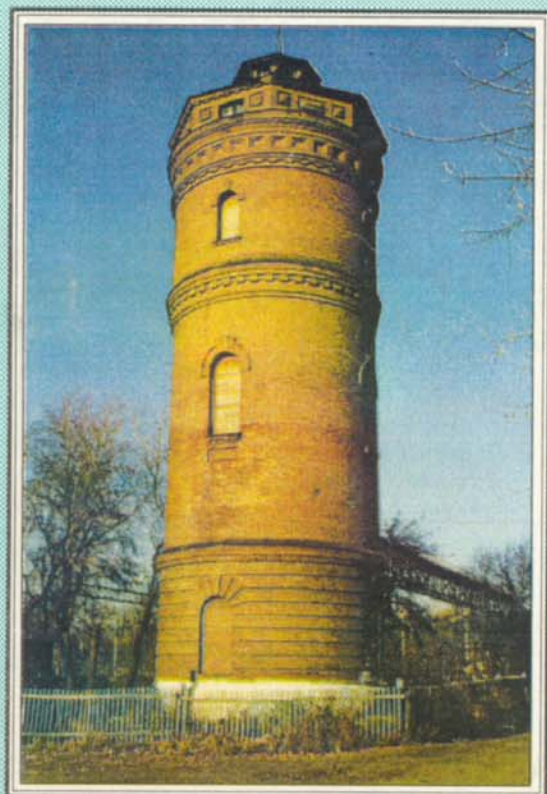
*Коллектив спортивного
танца "Мозаика".
Рук. Д.Воронцов.*

Все зависит от нас!

В. Рейн.

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 1 - 1999
Электронная версия - www.erшов.ishimkultura.ru*

